

Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова

Научный журнал

ЭКОНОМИКА ПРАВО ОБЩЕСТВО

**ECONOMICS
LAW
SOCIETY**

Scientific Journal

№ 1 (21), 2020

ЭКОНОМИКА ПРАВО ОБЩЕСТВО

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Гришин Виктор Иванович – председатель редакционной коллегии, ректор Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор
Курбанов Рашад Афатович – главный редактор, директор Института правовых исследований и региональной интеграции, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Бодак Алла Николаевна – судья Конституционного Суда Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Валентей Сергей Дмитриевич – начальник Научно-исследовательского объединения (научный руководитель Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова), доктор экономических наук, профессор

Василевич Григорий Алексеевич – заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор юридических наук, профессор

Вельяминов Георгий Михайлович – главный научный сотрудник Сектора правовых проблем международных экономических отношений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

Витязь Петр Александрович – академик Национальной академии наук Беларуси, руководитель аппарата НАН Беларуси, сопредседатель Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства, доктор технических наук, профессор

Вознесенская Нинель Николаевна – ведущий научный сотрудник Сектора правовых проблем международных экономических отношений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

Воронова Татьяна Андреевна – проректор по учебной работе, персоналу и имущественному комплексу Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Георг Става – член Европейской комиссии по совершенствованию правосудия (CEPEJ) Совета Европы

Гринберг Руслан Семенович – научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

Гришина Ольга Алексеевна – заведующая кафедрой финансов и цен Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Гулиев Ибрагим Саид оглы – вице-президент Национальной академии наук Азербайджана, академик НАНА, доктор геолого-минералогических наук, профессор

Гурбанов Рамин Афад оглы – президент Европейской комиссии по эффективности правосудия (CEPEJ) Совета Европы, судья города Баку, доктор юридических наук

Джафаров Азер Мамед оглы – заместитель Министра юстиции, член Судебно-правового совета Азербайджанской Республики, доктор юридических наук, профессор

ECONOMICS LAW SOCIETY

EDITORIAL BOARD

Grishin Viktor Ivanovich – Chairman of the Editorial Board, Rector of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Kurbanov Rashad Afatovich – Chief Editor, Director of the Institute of Legal Studies and Regional Integration, Head of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Bodak Alla Nikolaevna – Judge of the Constitutional Court of the Republic of Belarus, PhD of Law, Associate Professor

Valentey Sergey Dmitrievich – Head of Scientific and Research Union (Supervisor of the Plekhanov Russian University of Economics), Doctor of Economics, Professor

Vasilevich Grigoriy Alekseevich – Head of the Constitutional Law Department of the Belorussian State University, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Law, Professor

Velyaminov Georgiy Mikhailovich – Chief Researcher of the Sector of Legal Problems of International Economic Relations of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Vityaz Petr Aleksandrovich – Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of Academy Staff Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, Co-chairman of the Inter-Academic Council on Development of the Union State, Doctor of Technical Sciences, Professor

Voznesenskaya Ninel Nikolaevna – Leading Researcher of the Sector of the Legal Problems of International Economic Relations of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Voronova Tatiana Andreevna – Vice-Rector for Academic Affairs, HR-Development and Property Complex of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Georg Stawa – Member of European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) of the Council of Europe

Grinberg Ruslan Semenovich – Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Grishina Olga Alekseevna – Head of the Department of Finance and Prices of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Guliev Ibragim Said ogly – Vice-President of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Member of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, Professor

Gurbanov Ramin Afad ogly – President of European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) of the Council of Europe, Judge of Baku City, Doctor of Law

Jafarov Azer Mammad ogly – Deputy Minister of Justice, Member of the Judicial-Legal Council of the Azerbaijan Republic, Doctor of Law, Professor

Довнар Таисия Ивановна - профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Егоров Алексей Владимирович – ректор Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент

Ершова Инна Владимировна – заведующая кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Жаворонкова Наталья Григорьевна – заведующая кафедрой экологического и природоресурсного права МГЮА имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор

Занковский Сергей Сергеевич – заведующий сектором предпринимательского права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

Зинчук Галина Михайловна – декан факультета экономики и права Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, доцент

Зубарев Сергей Михайлович – заведующий кафедрой административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Зырянов Сергей Михайлович – ведущий научный сотрудник отдела административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Иванов Вилен Николаевич – советник РАН, вице-президент Российской Академии социальных наук, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор

Капустин Анатолий Яковлевич – научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Клеандров Михаил Иванович – судья Конституционного суда Российской Федерации в отставке, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор

Кузнецов Вячеслав Николаевич – президент Фонда поддержки исследования проблем «Безопасность Евразии», член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, профессор

Лалетина Алла Сергеевна – главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук

Лисицын-Светланов Андрей Геннадьевич – ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор

Мазур Иван Иванович – председатель правления АО «РАО Роснефтегазстрой», доктор технических наук, профессор

Манке Карстен – руководитель группы в Немецкой корпорации международного сотрудничества (GIZ) (German Corporation for International Cooperation GmbH)

Марченко Михаил Николаевич – заведующий кафедрой теории государства и права и политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор

Минашкин Виталий Григорьевич – проректор по научной деятельности Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Мирмохаммади Мостафа – руководитель группы международного права и прав человека Университета Мофид (Иран), доктор юридических наук, профессор

Dovnar Taisiya Ivanovna - Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor

Egorov Aleksey Vladimirovich – Rector of the Vitebsk State University named after P. M. Masherov, PhD of Law, Associate Professor

Ershova Inna Vladimirovna – Head of the Department of Entrepreneurial and Corporations Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zhavoronkova Natalya Grigorievna – Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zankovsky Sergey Sergeevich – Head of the Department of Entrepreneurial Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Zinchuk Galina Mikhailovna – Dean of the Faculty of Economics and Law of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Associate Professor

Zubarev Sergey Mikhailovich – Head of the Department of Administrative Law and Process of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zyryanov Sergey Mikhailovich – Leading Researcher of the Department of Administrative Law and Process of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Ivanov Vilen Nikolayevich – Counselor of the Russian Academy of Sciences, Vice-President of the Russian Academy of Social Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor

Kapustin Anatoly Yakovlevich – Science Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Kleandrov Mikhail Ivanovich – Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation Emeritus, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Kuznetsov Vyacheslav Nikolayevich – President of the Foundation for the Support of the Research of Problems "Eurasian Security", Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sociology, Professor

Laletina Alla Sergeevna – Chief Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law

Lisitsin-Svetlanov Andrey Gennadievich – Leading Researcher of the Institute of State and Law of the RAS, Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Mazur Ivan Ivanovich – Chairman of the Board of JSC «RAO Rosneftegazstroy», Doctor of Engineering Science, Professor

Mahnke Carsten – Head of the Group in the German Corporation of International Cooperation (GIZ) (German Corporation for International Cooperation GmbH)

Marchenko Mikhail Nikolayevich – Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Doctor of Law, Professor

Minashkin Vitaly Grigorievich – Vice-Rector for Research of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Mirmohammadi Mostafa – Director for International Law and Human Rights Group, MoFid University (Iran), Doctor of Law, Professor

Мустафазаде Айтэн Инглаб кызы – директор Института права и прав человека НАН Азербайджана, депутат Милли Меджлиса Азербайджанской Республики, доктор юридических наук, профессор

Алиев Назим Талат оглы – Начальник Академии полиции МВД Азербайджанской Республики, генерал-майор полиции, доктор юридических наук

Плигин Владимир Николаевич – председатель Ассоциации юристов России, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, кандидат юридических наук

Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы – президент Ассоциации юристов стран Черноморско-Каспийского региона, доктор юридических наук, профессор

Сафи Исмаил – член Совета по безопасности и внешней политике при Президенте Турецкой Республики, директор Института безопасности и обороны Университета Истиние, доктор политических наук

Фатьянов Алексей Александрович – заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Хасбулатов Руслан Имранович – заведующий кафедрой мировой экономики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

Шамба Тарас Миронович – президент Коллегии адвокатов г. Москвы «ТАМИР», доктор юридических наук, профессор

Экимов Анисим Иванович – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Яблочкина Ирина Валерьевна – директор Центра гуманитарной подготовки Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор исторических наук, профессор

Mustafazade Ayten Inqlab qizi – Director of the Institute of Law and Human Rights of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Deputy of the Milli Meclis of the Azerbaijan Republic, Doctor of Law, Professor

Aliev Nazim Talat ogly – Head of the Police Academy of the of the Azerbaijan Republic, Police Major General, Doctor of Law

Pligin Vladimir Nikolaevich – Chairman of the Association of Lawyers of Russia, Leading Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, PhD of Law

Ragimov Ilgam Mammadgasan oglu – President of the International Association of Lawyers of the Black Sea-Caspian Region Countries, Doctor of law, Professor

Safi Ismail – Member of the Council on Security and Foreign Policy under the President of the Republic of Turkey, Director of the Institute of Security and Defense of the University of Istinye, Doctor of Political Science

Fatyantov Alexey Alexandrovich – Head of the Department of State-legal and Criminal-legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Khasbulatov Ruslan Imranovich – Head of the Department of World Economy of the Plekhanov Russian University of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Shamba Taras Mironovich – President of the Bar Association of Moscow "TAMIR", Doctor of Law, Professor

Ekimov Anisim Ivanovich – Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Yablochkina Irina Valerievna – Director of the Center of Humanitarian Training of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Historical Sciences, Professor

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций:

ПИ № ФС77-64675 от 22 января 2016 г.

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»
(ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова»)

Адрес редакции:

117997, Москва, Стремянный пер., 36.
Тел.: 8 (499) 237-85-02, e-mail: grapravo.kaf@mail.ru
www.rea.ru

Главный редактор **Р. А. Курбанов**
Заместитель главного редактора **А. М. Белялова**
Ответственный секретарь **Ю. Х. Давыдова, И. С. Денисов**
Редактор **Т. Л. Савельева**

Оформление обложки **Ю. С. Жигалова**

Подписано в печать 20.05.2020. Формат 60 x 84 1/8.
Печ. л. 16,25. Усл.-печ. л. 15,11. Уч.-изд. л. 15,44.

Тираж 500 экз. Заказ

Отпечатано в ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова».
117997, Москва, Стремянный пер., 36.

The journal is registered in Federal Service for communication, informational technologies and media control:
PI N FS77-64675 dated 22 January 2016

Founder
Plekhanov
Russian University of Economics
(PRUE)

Editorial office address:

36 Stremyanny Lane, 117997, Moscow.
Tel.: 8 (499) 237-85-02, e-mail: grapravo.kaf@mail.ru
www.rea.ru

Chief editor **R. A. Kurbanov**
Deputy chief editor **A. M. Belyalova**
Executive Secretary **Yu. Kh. Davydova, I. S. Denisov**
Editor **T. L. Savel'eva**

Cover design **Yu. S. Zhigalova**

Signed in print 20.05.2020. Format 60 x 84 1/8.
Printed sheets 16,25. Conv. sheets 15,11. Publ. sheets 15,44.

Circulation 500. Order

Printed in Plekhanov Russian University of Economics.
36 Stremyanny Lane, 117997, Moscow

СОДЕРЖАНИЕ

Право и общество	
Марченко М. Н.	7
Конституционная реформа в постсоветской России: суть, содержание и назначение	
Шувалов И. И.	13
Роль предпринимательской деятельности в условиях социально-экономического кризиса	
Право и экономические отношения	
Беляев Р. В.	18
Правовые основы распоряжения имуществом на случай смерти	
Файнгерш С. И., Зубков Д. Д.	34
Использование кадастровой оценки для сделок с публичным имуществом	
Чаплин Н. Ю.	41
Защита прав собственников при принудительном прекращении права частной собственности на земельные участки	
Федулов Г. В.	48
Категории безопасности в гражданском праве Российской Федерации	
Давыдов Р.Х.	57
Проблемы защиты чести, достоинства и деловой репутации по законодательству Российской Федерации	
Сравнительное правоведение	
Зульфугарзаде Т. Э.	63
Особенности регулирования государствами-членами Евросоюза гражданско-правовых деликтов в сфере нанобиотехнологий	
Маньковский И. А.	74
Режим гражданского оборота как средство управления цифровой экономикой в условиях интеграции в рамках ЕАЭС	
Уголовное право и процесс	
Серебренникова А. В., Лебедев М. В.	83
Проблемы соотношения и разграничения преступлений и гражданских правонарушений по законодательству Российской Федерации	
Плехановская школа молодых ученых	
Ростовская Т. К., Галич В. М.	90
Государственно-правовое регулирование процесса ресоциализации молодых женщин, вышедших из мест лишения свободы	
Аплалыев Р. М., Бурибаев Т. Н.	97
Реституция как способ защиты частных прав.	
Обеспечение взаимности двусторонней реституции	
Кузнецов А. А.	109
Актуальные проблемы признания права собственности на самовольную постройку	
Берегова А. Л.	117
Публичное и частное в предпринимательском праве	
Рыжков К. С., Федорова И. В., Федорова М. В.	121
Актуальные проблемы защиты экологических прав граждан в Российской Федерации	
Требования к публикациям	130

CONTENTS

Law and Society	
<i>Marchenko M. N.</i> Constitutional Reform in Post-Soviet Russia: Essence, Content and Purpose	7
<i>Shuvalov I. I.</i> The Role of Entrepreneurship in the Context of Socio-Economic Crisis	13
Law and Economic Relations	
<i>Belyaev R. V.</i> Legal Basis for Disposing of Property in the Event of Death	18
<i>Fayngersh S. I., Zubkov D. D.</i> Use of Cadastral Valuation for Transactions with Public Property	34
<i>Chaplin N. Yu.</i> Protection of the Owners' Rights in Case of Compulsory Termination of the Right of Land Private Ownership	41
<i>Fedulov G. V.</i> Security Categories in the Russian Federation Civil Law	48
<i>Davydov R. Kh.</i> Problems of Protection of Honor, Dignity and Business Reputation Under the Legislation of the Russian Federation	57
Comparative Law	
<i>Zulfugarzade T. E.</i> Features by the EU Member States of Civil Law Torts Regulation in the Nanobiotechnology Field	63
<i>Mankovsky I. A.</i> Civil Traffic as a Means of Economic Management Under the Conditions of its Digitization and Integration Within the Framework of the EAEU	74
Criminal Law and Procedure	
<i>Serebrennikova A. V., Lebedev M. V.</i> Problems of Correlation and Differentiation of Crimes and Civil Offenses Under the Criminal Legislation of the Russian Federation	83
Plekhanov School of Young Scientists	
<i>Rostovskaya T. K., Halych V. M.</i> State Legal Regulation of the Process of Resocialization of Young Women Released from Prison	90
<i>Allalyev R. M., Buribaev T. N.</i> Restitution as Method of Protecting Private Rights. Assurance of Reciprocity of Bilateral Restitution	97
<i>Kuznetsov A. A.</i> Actual Problems of Recognition of Property Rights to Unauthorized Construction	109
<i>Beregova A. L.</i> Public and Private in Business Law	117
<i>Ryzhkov K. S., Fedorova I. V., Fedorova M. V.</i> Actual Problems of Protecting the Environmental Rights of Citizens in the Russian Federation	121
Requirements to the Publications	130

Конституционная реформа в постсоветской России: суть, содержание и назначение

М. Н. Марченко

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории государства и права и политологии МГУ имени М. В. Ломоносова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»,
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13.
E-mail: theory.law.msu@gmail.com

Constitutional Reform in Post-Soviet Russia: Essence, Content and Purpose

M. N. Marchenko

Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Moscow State University.
Address: Moscow State University, 1 build 13, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.
E-mail: theory.law.msu@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается круг вопросов, касающихся особенностей проводимой в постсоветском государстве конституционной реформы. Особое внимание уделяется рассмотрению комплексного характера реформы, направленной на создание конституционно-правовых условий, способствующих повышению жизненного уровня населения, обеспечению безопасности страны, укреплению суверенитета государства, совершенствованию государственного механизма. Автором детально анализируются предлагаемые поправки к Конституции Российской Федерации, разработанные в развитие Послания Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию 16 января 2020 г., предпосылки, цели и последствия принятия этих поправок. Исходя из проведенного анализа автор формулирует ряд выводов, в частности о том, что одна из особенностей проводимой в настоящее время конституционной реформы заключается в ее прямой направленности не только на создание условий, способствующих повышению жизненного уровня населения и укреплению гражданского общества, но и на обеспечение безопасности и суверенитета государства.

Ключевые слова: конституционная реформа, комплексный характер, постсоветское государство, суверенитет, безопасность.

Annotation

The article deals with a range of issues related to the features of the constitutional reform carried out in the post-Soviet state. Special attention is paid to the complex nature of the reform aimed at creating constitutional and legal conditions that contribute to improving the living standards of the population, ensuring the security of the country, strengthening the state's sovereignty, and improving the state mechanism. The author analyzes in detail the proposed amendments to the Constitution of the Russian Federation, developed in the development of the Message of the President of the Russian Federation V. V. Putin to the Federal Assembly on January 16, 2020, the prerequisites, goals and consequences of the adoption of these amendments. Based on the analysis, the author draws a number of conclusions, in particular, that one of the features of the current constitutional reform is its direct focus not only on creating conditions conducive to improving the living standards of the population and strengthening civil society, but also ensuring the security and sovereignty of the state.

Keywords: constitutional reform, complex character, post-Soviet state, sovereignty, security.

1. Независимо от того, в какой сфере жизни общества и государства проводится та или иная реформа, она всегда, согласно утвердившемуся в отечественной и зарубежной научной литературе

представлению, воспринимается как «преобразование, изменение, переустройство какой-либо стороны общества, жизни (порядков, институтов,

учреждений), не уничтожающее основ существующей социальной структуры» [2. – С. 1134]; как «преобразование, происходящее в той или иной социальной сфере», связанное с изменением ее функций и структуры и «не направленное на изменение основ общества в целом» [5. – С. 252–253].

В отличие от революций, государственных или дворцовых переворотов, любая социальная, политическая, правовая или иная реформа не имеет своей целью кардинальное изменение существующей в стране социально-политической, государственно-правовой или иной системы, а также свержение стоящего у власти класса, клана, социального слоя, элиты и т. п.

Ее основная цель заключается, в зависимости от видов, характера и других особенностей проводимой реформы, в дальнейшем развитии и совершенствовании существующего в стране политического и общественного строя, социально-экономической, правовой и иных систем, укреплении государственно-властных структур и официально признанных общественных объединений.

С общетеоретической и методологической точек зрения проводившаяся в 2020 г. в постсоветской России конституционная реформа не является исключением.

Основные ее параметры были обозначены в Послании Президента Российской Федерации В. Путина Федеральному Собранию 15 января 2020 года¹, посвященном, как и все прежние ежегодные послания президента, согласно статье 84 Конституции Российской Федерации, положению в стране и основным направлениям внутренней и внешней политике государства².

Необходимость проведения данной конституционной реформы была обусловлена теми весьма значительными позитивными изменениями, которые произошли в обществе и государстве с момента принятия Конституции в 1993 г. и требуют в плане своего дальнейшего развития и совершенствования конституционного отражения и закрепления.

Те позитивные изменения, произошедшие в стране преимущественно за последнее время и непосредственно связанные со стабилизацией экономического курса развития страны, с усилением роли и значения современного Российского государства на мировой арене, а также с укреплением

обороноспособности страны и обеспечением национальной безопасности, как верно подчеркивается в Послании, что «надежная безопасность создает основу для прогрессивного, мирного развития России, позволяют нам сделать гораздо больше для решения самых насущных внутренних вопросов, сосредоточиться на экономическом, социальном росте всех наших регионов в интересах людей, потому что величие России неотделимо от достойной жизни каждого гражданина».

Разумеется, необходимость проведения настоящей конституционной реформы была вызвана не только и даже не столько теми позитивными изменениями, произошедшими в российском обществе и государстве за последние десятилетия, которые требуют дальнейшего развития и совершенствования, сколько существующими в общественной и государственной жизни постсоветской России негативными, с точки зрения интересов большинства членов общества, моментами, с которыми необходимо бороться и от которых следует избавляться.

Речь прежде всего идет о таких проблемах – вызовах времени, многие из которых возникли в стране еще в 1990-е гг., как низкие темпы развития экономики, изначально сориентированной на добычу и использование природных ресурсов; падение жизненного уровня населения, а вместе с тем – общей культуры, фундаментальной науки, медицинского обслуживания населения и уровня образования; появление в стране ничтожного меньшинства сверхбогатых и подавляющего большинства сверхбедных; падение рождаемости в стране и возникновение в связи с этим демографической ямы и др.

Для того чтобы дать соответствующие ответы на данные вызовы времени, в Послании акцентируется внимание на том, что «нам нужно быстрее, не откладывая, решать масштабные социальные, экономические, технологические задачи, перед которыми стоит страна. Это необходимо делать именно сейчас, как подчеркивается в Послании Президента, еще и потому, что «сегодня в нашем обществе четко обозначился запрос на перемены. Люди хотят развития и сами стремятся двигаться вперед в профессии, знаниях, в достижении благополучия, готовы брать на себя ответственность за конкретные дела».

¹ Ежегодное Послание Президента Российской Федерации В. Путина Федеральному Собранию // Российская газета. – 2020. – 16 января 2020.

² Конституция Российской Федерации. – М., 2019. – С. 84. – Пункт 9.

Существующие в постсоветском, равно как и в любом другом обществе, социальные, экономические и иные проблемы – вызовы времени, решаются не конституционно-правовыми, а социально-политическими, экономическими мерами и иными средствами. Однако успешное и долгосрочное их разрешение в современном обществе и государстве, как показывает опыт многих стран, возможно лишь тогда, когда оно опирается на прочную конституционно закрепленную и гарантированную основу, когда в стране существует конституционно-правовой и общественный порядок.

Последнее, согласно практике многих стран, достигается только тогда, когда конституция, как основной закон государства, как «главное правовое описание реальности» [1. – С. 19–21], не только адекватно отражает и закрепляет сложившуюся в стране социально-экономическую, политическую и иную реальность, но вместе с нею изменяется и совершенствуется. Это достигается как с помощью внесения в текст конституции отдельных изменений и поправок, так и путем проведения, как это имеет место в современной России, широкомасштабных конституционных преобразований-реформ, каждая из которых отличается своим характером и другими особенностями.

2. Рассматривая проводимую в настоящее время в постсоветской России конституционную реформу, следует заметить, что она, как и другие аналогичные реформы, имеет свои особенности.

Во-первых, среди них следует назвать широкомасштабный, комплексный характер проводимой реформы, проявляющийся в охвате ею и распространении на все основные, наиболее важные сферы жизни общества и государства.

О распространении конституционной реформы на различные сферы жизни общества свидетельствуют положения Послания Президента, которые нашли свое прямое отражение в Проекте Закона Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти», внесенного им в Государственную Думу 20 января 2020 г., и после его рассмотрения в установленном порядке, получившего юридическую силу закона.

Речь идет, в частности, о таких положениях, которые касаются конституционного закрепления гарантий минимального размера оплаты труда «не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации»; гарантий индексации социальных

пособий и иных социальных выплат в порядке, установленном федеральным законом; гарантий пенсионного обеспечения граждан «на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений»; «регулярного осуществления индексации размера пенсий в порядке, установленном федеральным законом»; увеличения размеров материнского капитала и определения порядка его выплаты и др.

О распространении конституционной реформы на различные сферы государственной жизни и в целом на весь государственный механизм свидетельствуют положения Послания Президента, отразившиеся в содержании внесенного им в Думу Проекта Закона, которые касались фактически всех федеральных органов и институтов, включая обе палаты Федерального Собрания, президента, правительства, высших судебных органов и прокуратуры, а также органов и институтов субъектов Российской Федерации и местного самоуправления.

Во-вторых, одна из особенностей рассматриваемой реформы заключается в ее прямой направленности не только на создание условий, способствующих повышению жизненного уровня населения и укреплению гражданского общества, но и на обеспечение безопасности и суверенитета государства. С этой целью в Послании Президента и в проекте инициированного им Закона предполагается внесение поправки в Конституцию (статья 71), предусматривающей установление ограничений для замещения государственных и муниципальных должностей, в том числе ограничений, связанных «с наличием гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства».

Такого рода требования-ограничения распространяются не только на государственных служащих федерального и муниципального уровня, но и на президента Российской Федерации и высших должностных лиц субъектов Федерации.

В связи с этим в Проекте Закона (статья 81) особо устанавливается, что президентом России может быть избран гражданин Российской Федерации, достигший 35 лет, «постоянно проживающий в Российской Федерации не менее 25 лет, не имеющий и не имевший ранее гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего

право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства».

Дополнительные требования к кандидатуре президента в виде требования постоянного проживания в России не менее 25 лет и отсутствия иностранного гражданства, вида на жительство или иного соответствующего документа, подтверждающего право на постоянное проживание его на территории иностранного государства не только в настоящем, но и в прошлом, объясняется весьма важной, ключевой ролью и ответственностью президента в решении вопросов внутренней жизни страны и внешней политики современного постсоветского государства.

Исходя из принципа единства системы государственной власти современной России отмечается, что в связи с необходимостью обеспечения безопасности страны в Проекте Закона и в пояснительной записке к нему требования об отсутствии гражданства иностранного государства и другие аналогичные им требования предлагается установить также «для высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы, председателя правительства Российской Федерации, его заместителей, федеральных министров, руководителей других федеральных государственных органов, а также для судей».

Необходимость установления такого рода требований-ограничений для замещения государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы обуславливается тем, как справедливо отмечалось в Послании, что смысл, миссия государственной службы состоят «именно в служении, и человек, который выбирает этот путь, должен прежде всего для себя решить, что он связывает свою жизнь с Россией, с нашим народом, и никак иначе, без всяких полутонков и допущений».

Наряду с обеспечением безопасности страны конституционная реформа имеет своей непосредственной целью укрепление суверенитета постсоветского государства.

В Послании Президента по этому поводу прямо говорится, что «Россия может быть и оставаться Россией только как суверенное государство», и этот суверенитет «должен быть безусловным». Для этого в стране, как убедительно доказывает президент, есть все необходимые условия

и возможности. Имея в виду, что после тяжелых «революционных» событий 1990-х гг. и последующих за ними радикальных социально-экономических, политических и иных реформ, отбросивших страну далеко назад, «мы восстановили единство страны, покончили с ситуацией, когда некоторые государственные властные функции были узурпированы фактически олигархическими кланами», создали «мощные резервы, что кратно повышает устойчивость нашего государства, его способность защищать социальные права граждан и национальную экономику от любых попыток внешнего давления». Исходя из этого в Послании предлагается внести в Основной Закон страны соответствующие изменения, «которые прямо гарантируют приоритет Конституции России в нашем правовом пространстве».

В теоретическом и практическом плане это означает «буквально следующее: требования международного законодательства и договоров, а также решения международных организаций могут действовать на территории России только в этой части, в которой они не влекут за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина, не противоречат нашей Конституции».

В связи с этим соответствующая поправка к статье 79 Конституции России гласит, что решения межгосударственных органов, «принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

Следует заметить, что данное положение, гарантирующее приоритет российской Конституции в правовом пространстве страны, является логическим продолжением аналогичного положения, закрепленного в статье 15, части 1 действующей российской Конституции, согласно которому она «имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации»¹. Вместе с рядом других положений и мер данное положение направлено в первую очередь на укрепление суверенитета современного российского государства и на обеспечение безопасности страны.

Положение о высшей юридической силе Конституции на всей территории Российской Федерации полностью согласуется с общепризнанными принципами, нормами международного права и с

¹ Конституция Российской Федерации. – М., 2019. – Ст. 15.

международными договорами России – составными частями ее правовой системы, и свидетельствует о подлинном суверенитете современного Российского государства.

В-третьих, одна из характерных черт и особенностей рассматриваемой конституционной реформы заключается в том, что она охватывает как институциональную, так и функциональную стороны постсоветского государственного механизма.

Институциональная сторона проводимой реформы проявляется и в том, что она предусматривает проведение определенных структурных изменений или изменений состава некоторых существующих государственных органов и институтов, а также создание новых органов и институтов.

В первом случае в качестве примера может служить Совет Федерации, в состав которого предполагается ввести, кроме двух представителей от каждого субъекта РФ, как это предусматривается статьей 95 действующей Конституции, представителей, назначенных президентом России. Их число не может превышать 10 процентов от числа членов Совета Федерации – представителей от законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Во втором случае в качестве примера можно сослаться на предложение президента России закрепить в Конституции России соответствующий статус и роль Государственного совета. Данный орган был создан еще в 1991 г.; в 1993 г. он был упразднен, а в 2000 г. по инициативе В. Путина был возрожден, хотя и не был закреплен в действующей Конституции Российской Федерации.

Будучи совещательным органом, в состав которого входят губернаторы, спикеры Государственной Думы и Совета Федерации, полномочные представители президента и главы фракций Государственной Думы, Государственный Совет, как отмечалось в Послании Президента, за прошедшее время «показал свою высокую эффективность, его рабочие группы обеспечивают профессиональное, всестороннее и качественное рассмотрение наиболее значимых для граждан и страны вопросов». Исходя из этого президентом предлагается принять поправки к статье 83 действующей Конституции России, в соответствии с которыми Государственный совет формируется «в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти, определения основных направлений

внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства».

Статус Государственного совета, его государственно-властные полномочия и роль в системе государственных органов и институтов должны определяться исходя из его огромной социально-экономической, политической и иной значимости федеральным конституционным законом.

Функциональная сторона проводимой в стране конституционной реформы проявляется в том, что она предусматривает наряду с институциональными изменениями государственного механизма одновременное проведение и его функциональных изменений. Наиболее четко это просматривается на примере тех изменений, которые изначально предусматривались в Послании Президента, а затем законодательно отразились в статусе Федерального Собрания, в лице каждой из двух составляющих его палат – Государственной Думы и Совета Федерации.

Речь при этом идет, в частности, об изменениях характера отношений Федерального Собрания – парламента современной России, являющегося «представительным и законодательным органом Российской Федерации», носителем высшей законодательной власти, с правительством России – высшим органом исполнительной власти в стране. Суть этих изменений заключается в том, что если раньше, в соответствии со статьей 111 Конституции, Дума давала лишь согласие президенту на назначение им председателя правительства, то в соответствии с поправками к Конституции, Дума в настоящее время окончательно утверждает кандидатуру председателя правительства. Кроме того, по представлению последнего Дума утверждает также кандидатуры заместителей председателя правительства и федеральных министров, за исключением министров, «ведущих вопросы обороны, безопасности государства, внутренних дел, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности».

Руководство деятельностью этих министров осуществляется непосредственно президентом, который назначает их на должность и освобождает от должности не иначе, как только после консультаций с Советом Федерации, и соответственно, только после согласования с ним.

Говоря о других изменениях характера отношений Федерального Собрания в лице Государственной Думы и Совета Федерации как федерального органа с другими государственными органами, следует обратить внимание на такие поправки к Конституции, которые касаются, в частности, проведения консультаций с Советом Федерации по предложенным президентом России кандидатурам на должность прокуроров субъектов Российской Федерации, а также не только назначения на должность судей Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации, как это предусмотрено статьей 102 действующей Конституцией, но и прекращения, по представлению президента в соответствии с федеральным конституционным законом их полномочий, а также полномочий судей кассационных и апелляционных судов «в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи и в иных, предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий»; констатации того факта, что органы местного самоуправления и органы государственной власти «входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории» и др.

Помимо названных поправок, функциональная сторона конституционной реформы в постсоветском государстве проявляется в таких вносимых в действующую Конституцию поправках, которые касаются повышения роли и значения в жизни современного российского общества и государства Конституционного Суда, расширения его полномочий как высшего судебного органа конституционного контроля в Российской Федерации.

В дополнение к полномочиям, предусмотренным статьей 125 действующей Конституции, Кон-

ституционный Суд, согласно поправкам, наделяется следующими, расширяющими его поле деятельности и возможности, полномочиями: а) по запросу президента проверять, как это следует из Конституции (статьи 107, ч. 3 и 108, ч. 2), конституционность законов не только после их принятия, но и «до их подписания президентом Российской Федерации»; б) решать в порядке, установленном федеральным конституционным законом, вопрос «о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их использовании, противоречащем Конституции Российской Федерации»; в) проверять по запросу президента в порядке, установленном федеральным конституционным законом, конституционность законов субъектов РФ до их подписания высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Федерации).

3. Кроме названных черт и особенностей проводимой в стране конституционной реформы, она отличается рядом других особенностей, касающихся не только ее сути, содержания и назначения, но и довольно демократических форм ее осуществления, к которым причастны наряду с государственными органами и институтами и многочисленные общественно-политические институты.

Важная отличительная черта рассматриваемой реформы, как это следует из Послания Президента Федеральному Собранию и предложенных в связи с этим поправок к Конституции, заключается, помимо всего прочего, в ее востребованности, вызванной произошедшими в постсоветском обществе и государстве после 2000 г. изменениями, а также в ее направленности не только к настоящему, но и к будущему российского общества, государства и права.

Список литературы

1. Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. – 2-е изд. – М., 2019.
2. Советский энциклопедический словарь. – М., 1980.
3. Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (ред. от 28 декабря 2016 г.) // Российская газета. – 1997. – № 245.
4. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 29 июля 2018 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.
5. Dictionary of Sociology and Related Sciences. – edited by Fairchild H. P. – New York, 2008.

Роль предпринимательской деятельности в условиях социально-экономического кризиса

И. И. Шувалов

кандидат юридических наук, председатель Государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ».

Адрес: г. Москва, 107078, проспект Академика Сахарова, д.9 .

E-mail: pr_shuvalova@veb.ru

The Role of Entrepreneurship in the Context of Socio-Economic Crisis

I. I. Shuvalov

PhD in Law, Chairman of the State Development Corporation «VEB.RF»

Address: Academician Sakharov Avenue, Building 9, Moscow, 107078, Russian Federation.

E-mail: pr_shuvalova@veb.ru

Аннотация

25 апреля 2016 г. на III Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом» было отмечено буквально следующее: «В условиях глубокого экономического кризиса и завершения эры углеводородов государство столкнулось с необходимостью переосмысления роли предпринимателей в экономике России и принятия радикальных мер, направленных на создание привлекательных условий для ведения предпринимательской деятельности». В статье предпринята попытка такого переосмысления роли предпринимательства в современных условиях. Мировой экономический кризис, а также вводимые странами обоюдные санкции доказали, что предпринимательство является одним из основных инструментов для достижения стабильности государственной экономики. Вместе с тем предпринимательство не просто направлено на изготовление продукции, оказание услуг, выполнение работ, а также на их доведение до иных субъектов бизнеса, до государства или конкретного потребителя. В современном обществе предпринимательство имеет довольно широкий спектр функций: от общеэкономической, которая обусловлена ролью предпринимательства в качестве субъекта рынка, до новаторской, поскольку здоровая конкуренция в области предпринимательской деятельности стимулирует поиск новых идей организационного, управленческого или технического характера, что является толчком к росту инновационно-технического развития.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, субъект предпринимательской деятельности, новации, бизнес, государство, социально-экономический кризис.

Annotation

On April 25, 2016, at the III International scientific and practical conference «Actual problems of business and corporate law in Russia and abroad», the following was noted: «In the conditions of a deep economic crisis and the end of the hydrocarbon era, the state faced the need to rethink the role of entrepreneurs in the Russian economy and take radical measures aimed at creating attractive conditions for doing business». The article attempts to rethink the role of entrepreneurship in modern conditions. The global economic crisis, as well as the mutual sanctions imposed by the countries, once again proved that entrepreneurship is one of the main tools in achieving the stability of the state economy. At the same time, entrepreneurship is not just aimed at manufacturing products, providing services, performing works, as well as bringing them to other business entities, to the state or to a specific consumer. In modern society, entrepreneurship has a fairly wide range of functions: from General economic, which is due to the role of entrepreneurship as a market subject, to innovative, since healthy competition in the field of entrepreneurship stimulates the search for new ideas of an organizational, managerial or technical nature, which is an impetus to the growth of innovative and technical development.

Keywords: business activity, business entity, innovations, business, state, socio-economic crisis.

Предпринимательство, предпринимательская активность, предпринимательская деятельность являются одной из основ современной рыночной

экономики любого государства. Развитие предпринимательства – одно из определяющих условий экономического роста. Исключением не является и Россия, где предпринимательство уже

стало естественной составляющей национальной экономики.

Вместе с тем эффект от экономических санкций, введенных в отношении России, свидетельствует о том, что реализуемые в настоящее время в стране для стабилизации экономики меры недостаточны для полноценного выхода из кризисной ситуации. В связи с этим, на наш взгляд, особое значение приобретает переосмысление роли предпринимательской деятельности в преодолении последствий социально-экономического кризиса, стабилизации и подъема российской экономики.

Роль предпринимательства наиболее полно раскрывается в сочетании присущих ему функций, к числу которых относят следующие:

- общеэкономическая (производство товаров, оказание услуг и их доведение до конечных потребителей);
- ресурсная (эффективное использование воспроизводимых и ограниченных ресурсов);
- организаторская (принятие субъектом предпринимательской деятельности самостоятельных решений по вопросам организации собственного дела, управления им и направлений его развития);
- социальная (появление новых рабочих мест для наемных работников, социальное и материальное положение которых напрямую зависит от устойчивости и деятельности субъекта предпринимательской деятельности – работодателя);
- инновационная (появление в процессе предпринимательской деятельности новых идей, разработка новых средств и факторов для достижения поставленных целей).

Отмеченные функции предпринимательской деятельности объективно обуславливают ее развитие как одну из наиболее важных государственных задач, что предопределяет поддержку и развитие предпринимательской деятельности как неотъемлемой части реформирования российской экономики.

Анализ исторических аспектов экономической науки позволяет говорить о том, что формирование тех или иных типов и форм осуществления предпринимательской деятельности происходило не одну сотню лет. Неудивительно, что на том или ином историческом этапе развития общества в целом и экономики в частности возникали и обосновывались теории предпринимательства. В частно-

сти, Р. Кантильон, считающийся одним из родоначальников теории бизнеса и предпринимательства, приоритет в предпринимательстве отдавал торговле и отмечал, что предприниматели (к которым он относил не только торговцев, но и ремесленников, крестьян, разбойников и даже нищих) действуют на свой риск для получения постоянного дохода, связанного с неопределенностью рынка [1]. Ж.-Б. Сэй, в отличие от Р. Кантильона, во главу угла в предпринимательстве ставил производство, процесс которого он делил на три стадии: научную, предпринимательскую и производственную. В реализации второй и третьей стадий главенствующая роль отведена им субъекту предпринимательской деятельности [1]. При этом он исходил из того, что эффективной предпринимательская деятельность может быть только при соединении трех классических факторов производства: земли, капитала и труда.

На рубеже XIX–XX вв. происходит расширение понимания функционального назначения предпринимательской деятельности. В частности, французский экономист А. Маршалл наряду с классическими факторами производства (земля, капитал, труд) называет организацию, а австриец Й. А. Шумпетер впервые стал изучать экономическую динамику в противовес статическому анализу представителей неоклассического направления [2] и назвал предпринимательскую деятельность инновационной деятельностью, которая определяет сущность таких экономических явлений, как прибыль, процент и экономический цикл [12]. Согласно учению Й. А. Шумпетера, в основе экономической динамики лежит принцип распространения нововведений в различных сферах хозяйственной жизни. Результатом инноваций является влияние на экономические процессы или непосредственно на продукцию [2].

Американский экономист П. Ф. Друкер уточнил теорию Й. А. Шумпетера об инновационном предпринимательстве. Считая, что нововведения распространяются на все сферы предпринимательской деятельности, включая сферу управления, П. Ф. Друкер называл такие новации «...особым инструментом предпринимателей, средством, при помощи которого они используют видоизменения как благоприятную возможность для осуществления своих замыслов в сфере бизнеса и услуг. В задачу предпринимателей входит целенаправленный поиск источников нововведений, а также изменений их признаков, указывающих на возможность достижения успеха» [5].

На наш взгляд, поддерживая позицию Й. А. Шумпетера и П. Ф. Друкера о новаторском характере предпринимательской деятельности, многие зарубежные и российские ученые справедливо рассматривают предпринимательство в более широком плане, как это сделал австрийский экономист и политический философ, представитель новой австрийской школы, сторонник экономического либерализма и свободного рынка Ф. А. фон Хайек. Он считал, что сущность предпринимательства заключается в поиске и изучении новых экономических возможностей и характеристике поведения предпринимателя [11].

Следует отметить, что до XIX в. предприниматель вкладывал в развитие бизнеса преимущественно собственные средства, сам управлял принадлежащими ему фабрикой или заводом. С конца XIX в. наблюдается несколько иная тенденция: на стадии развития крупного машинного производства собственник передает управленческие функции иным лицам, в результате чего они отдаляются от капитала. Данная тенденция сохраняется и в настоящее время, приобретая еще более сложные внутрикорпоративные связи, отдаляясь от использования собственного капитала и все чаще прибегая к заемным, в том числе инвестиционным, средствам.

Как отмечают современные представители экономической науки, «конец XX – начало XXI в. характеризуется вхождением мира в фазу глобальной трансформации, связанной с окончанием эпохи модерна, индустриализма, кейнсианских и некейнсианских моделей обществ потребления, изобилия, процветания и т. д. Развитие России с сохранением российской идентичности, экономической независимости и социальной справедливости требует консолидации общества на базе общего понимания проблем глобализации и выработки концепции модернизации» [3].

Происходившая на этом историческом этапе трансформация российской экономики осуществлялась с учетом понимания необходимости занятия конкурентоспособной позиции на мировом рынке. Следовательно, предпринимательству, у которого проявляются новые черты, отводится особая роль.

Одним из основных факторов, оказавших непосредственное влияние на основы экономического развития национальных экономик и конкурентоспособности субъектов предпринимательства на

рубеже двух веков, становится так называемый научно-технический прогресс. Это привело к взаимозависимости темпов экономического развития от появления новых технологий. Современная «новая экономика» – «экономика, основанная на знании» – характеризуется социальной направленностью новых технологий, глобальным характером создания и использования знаний, технологий, продуктов и услуг [3]. Данная тенденция трансформации национальных экономик заключается в постепенном отказе от экономического развития на основе факторов производства и инвестиций и переходе на развитие на основе инновационной деятельности. По мнению экономистов, «...в XXI столетии "предпринимательская экономика" придет на смену "управленческой экономике"» [3].

Данный вектор развития наблюдается и в России. В связи с этим был принят ряд основополагающих документов. В частности, распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р утверждена Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года¹, призванная «...ответить на стоящие перед Россией вызовы и угрозы в сфере инновационного развития, определить цели, приоритеты и инструменты государственной инновационной политики». Как отмечено в названном документе, инвестиции в технологическое развитие рассматриваются Соединенными Штатами Америки, Японией, государствами – членами Европейского союза, а также Китаем, Индией и Бразилией в качестве ключевой антикризисной меры. В рамках антикризисных мероприятий по результатам мирового экономического кризиса 2009 г. этими странами были направлены дополнительные инвестиции в развитие медицины, информационных технологий, биотехнологий, альтернативной и возобновляемой энергетики, а также атомной отрасли.

Переход к инновационной (цифровой) экономике и внедрение цифровых технологий и платформенных решений, создание устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных обозначены также в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»².

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 1. – Ст. 216.

² Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 20. – Ст. 2817.

Для Российской Федерации переход на экономику, основанную на инновационном развитии, осложняется введенным в отношении России рядом стран санкций экономического характера. В таких условиях на предпринимательство возлагается особая роль – от предпринимателей требуется наиболее активное включение в инновационно-инвестиционные процессы, которые будут способствовать реанимации функционирования предприятий и подъему экономики.

Предпринимательская деятельность продолжает выполнять и иные функции, в том числе социальные. В юридической доктрине существует позиция о так называемом социальном предпринимательстве [8; 7; 10]. Так, по мнению О. А. Серовой и А. А. Мохова, одним из основных элементов социального предпринимательства выступает цель такой деятельности. Указанные ученые определяют ее следующим образом: «Принципиальным отличием социального предпринимательства от иных видов предпринимательства (например, социально нейтрального) является не простое извлечение прибыли (дохода), а извлечение прибыли (либо получение дохода) посредством решения отдельных социальных задач» [7; 10]. Считаем данное утверждение спорным, поскольку оно не отражает сути предпринимательства. Любой субъект предпринимательской деятельности в первую очередь нацелен на получение прибыли, а не на решение социальных задач. Даже если предприниматель в определенной степени считает себя альтруистом, он все равно будет рассчитывать выгоду от того или иного проекта минимум с позиции исключения возможности признания себя банкротом в результате его реализации. Решение о реализации убыточного для себя проекта он примет только при условии предоставления ему гарантированной материальной поддержки.

Кроме того, как отмечалось выше, традиционно предпринимательство призвано выполнять ряд функций, в том числе и социальной направленности. В связи с этим следует согласиться с мнением А. Г. Быкова, который считает, что государство, провозглашенное в Конституции РФ как социальное, «имеет право и обязано возложить на предпринимательскую деятельность (базовую и единственно пока выработанную цивилизацией общественную форму организации экономической деятельности по производству и реализации товарного продукта) социальные функции и решение социальных задач. По существу, это означает,

что наряду с экономической составляющей предпринимательской деятельности имеет место и социальная составляющая» [4].

На наш взгляд, социальная функция приобретает второстепенное значение, поскольку напрямую зависит от предпринимательской активности населения. Именно субъекты предпринимательской деятельности, осознавая современные потребности экономической ситуации, первыми реагируют на изменения рынка. В случае неудовлетворенного спроса на определенные товары и услуги предприниматель принимает все возможные меры к созданию ожидаемого продукта и доведению его до потребителя. И только инновационное предпринимательство, которое базируется на поиске новых способов организации производства и перераспределении продукции, способно предложить последнему новые технологии и продукты.

Государством должны быть приложены все усилия для того, чтобы превратить субъектов предпринимательской деятельности, нацеленных только на получение максимальной выгоды, в стратегически эффективных новаторов и инвесторов. В этом заключается один из важных путей выхода из кризиса в экономике. Однако поиска новых идей и разработки новых технологий недостаточно для трансформации современного предпринимательства. Как справедливо отмечено в научной литературе, «для обеспечения развития инновационного предпринимательства, выживания маленьких компаний и их трансформации в растущий и зрелый бизнес недостаточно наличия только инновационных идей, исследовательского потенциала научных школ и ресурсов вузов, которые они вносят в уставный капитал хозяйственного общества» [6]. В связи с этим следует поддержать позицию О. А. Серовой, по мнению которой основная задача государства в данном случае заключается в создании единой региональной инновационной инфраструктуры, элементами которой становятся и сами вузы, и малые инновационные предприятия [9].

Таким образом, переход к инновационному предпринимательству должен осуществляться на основе объединения потенциала научных и образовательных организаций, промышленных предприятий и бизнес-структур с использованием информационно-коммуникационных систем в целях создания усовершенствованного ожидаемого потребителем продукта потребления. В этом ключе субъект предпринимательства – новатор – не всегда является создателем новой технологии, его

задача заключается преимущественно в коммерциализации полученного результата.

Изложенное позволяет сформулировать общий вывод о роли и функциях предпринимательства в современный период социально-экономического развития Российской Федерации: намеченный переход к инновационному предпринимательству

предопределяет выделение новаторской функции предпринимательства как основы выхода национальной экономики на новый уровень ее развития; иные традиционно рассматриваемые функции предпринимательской деятельности производны.

Список литературы

1. Автономов В. С. Человек в зеркале экономической теории. – М. : Наука, 1993.
2. Базилевич В. Д. 12. 1. 2 Неортодоксальна теорія Й. А. Шумпетера // Історія економічних учень : у 2 ч. – 3-е изд. – Київ : Знання, 2006. – Т. 2.
3. Блажих И. А., Кобицкий Д. А. Проблемы теории и практики предпринимательства // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 2 (38). – С. 168–170.
4. Быков А. Г. О содержании курса предпринимательского права и принципах его построения // Предпринимательское право в рыночной экономике : сборник статей. – М., 2004.
5. Друкер П. Ф. Рынок: как выйти в лидеры. Практика и принципы. – М., 1992.
6. Ломовцева О. А., Прядко С. Н., Дахова М. Н. Особенности управления малым инновационным предприятием вуза // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: Экономика. Информатика. – 2015. – № 19. – Вып. 36/1. – С. 71–77.
7. Мохов А. А. Медицинская деятельность – вид социального предпринимательства // Медицинское право. – 2016. – № 1. – С. 6–10.
8. Писарев Г. А. Социальное предпринимательство: новое законодательство РФ и вопрос об изменении ГК РФ // Гражданское право. – 2019. – № 6. – С. 33–36.
9. Серова О. А. Правовые механизмы создания на базе университетов как поставщиков инноваций предпринимательской экосистемы // Современные проблемы юридической науки и правоприменительной практики : сборник научных трудов / под общ. ред. О. А. Заячковского. – Калининград, 2018. – С. 63–65.
10. Серова О. А. Социальное предпринимательство: выбор организационно-правовой формы // Гражданское право. – 2019. – № 2. – С. 11–15.
11. Трошихин В. В., Нестерова Л. И. Социально-экономические функции предпринимательской деятельности // Актуальные проблемы экономики. – 2011. – № 3. – С. 177–185.
12. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. – М. : Прогресс, 1982.

Правовые основы распоряжения имуществом на случай смерти

Р. В. Беляев

Судья Московского областного суда.

Адрес: 143402, Московская область, Красногорский район, п/о «Красногорск-2», МКАД 65–66 км.

E-mail: brv201167@rambler.ru

Legal Basis for Disposing of Property in the Event of Death

R. V. Belyaev

Judge of the Moscow Regional Court.

Address: 143402, Moscow region, Krasnogorsk district, p/o «Krasnogorsk-2», MKAD 65–66 km.

E-mail: brv201167@rambler.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию правовых основ распоряжения имуществом на случай смерти, в первую очередь завещания, а также новелл наследственного права – совместного завещания супругов и наследственного договора. Автором исследованы понятие и правовая природа завещания, рассмотрены вопросы, касающиеся различных аспектов составления, содержания, отмены совместных завещаний супругов; понятие наследственного договора и особенности, которые отражают его отличие от классических гражданско-правовых договоров. Уделено внимание решению вопросов о характере наследственного правопреемства при заключении наследственного договора, о необходимости наследникам по наследственному договору принятия наследства одним из предусмотренных в законе способом. Проведенное исследование основано на современных методах научного познания, в числе которых следует назвать метод сравнительного анализа, методы системного и логического анализа, метод диалектического анализа и т. д. Используемые методы позволили сформулировать ряд выводов. Завещание представляет собой одностороннюю сделку, которая имеет строго личный характер. Специфика завещания как сделки всегда заключается в отложенном правовом эффекте – оно вступает в действие в момент открытия наследства и только тогда создает права и обязанности для наследников. К завещанию в силу его специфики не применяются многие общие положения о сделках. Совместное завещание супругов является разновидностью традиционного завещания, при этом его можно характеризовать как одностороннюю сделку со множественностью лиц на стороне завещателя. Такое завещание предполагает общее волеизъявление, что предопределяет некоторую специфику его составления, содержания, исполнения, отмены, а также ограничение принципа свободы завещания. В частности, предложено предусмотреть правила, в соответствии с которыми совместное завещание может быть отменено только при жизни обоих супругов и только по обоюдному их волеизъявлению; принцип свободы завещания также должен быть ограничен после смерти первого супруга посредством установления запрета распоряжения охваченным в совместном завещании наследственным имуществом.

Ключевые слова: понятие и правовая природа завещания, совместное завещание супругов, наследственный договор.

Abstract

The article is devoted to the study of the legal basis for the disposal of property in the event of death, first of all, a will, as well as the novelties of inheritance law – a joint will of spouses and an inheritance contract. The author studies the concept and legal nature of a will, considers issues related to various aspects of making, maintaining, and canceling joint wills of spouses, the concept and features of an inheritance contract that reflect its difference from classic civil law contracts, and pays attention to resolving issues about the nature of inheritance succession when concluding an inheritance contract, and the need for heirs to accept an inheritance in one of the ways provided for in the law. The research is based on modern methods of scientific knowledge, including the method of comparative analysis, methods of system and logical analysis, the method of dialectical analysis, etc. The methods used made it possible to formulate a number of conclusions. A will is a one-sided transaction that is strictly personal. The specifics of a will as a transaction always lie in the deferred legal effect – it comes into effect at the moment of opening the inheritance and only then creates rights and obligations for the heirs. Many General provisions on transactions do not apply to a will because of its specificity. The joint will of the spouses

is a type of traditional will, and it can be characterized as a one-sided transaction «with a plurality of persons» on the side of the testator. Such a will implies a General expression of will, which determines some specifics of its composition, content, execution, cancellation, as well as restrictions on the principle of freedom of will: in particular, it is proposed to provide rules according to which a joint will can be canceled only during the life of both spouses and only on their mutual will; the principle of freedom of will should also be restricted after the death of the first spouse by prohibiting the disposal of inherited property covered in a joint will.

Keywords: concept and legal nature of a will, joint will of spouses, inheritance agreement.

В соответствии с пунктом 1 статьи 1118 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ) в редакции Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ² распорядиться имуществом на случай смерти возможно посредством совершения завещания или заключения наследственного договора. Однако стоит отметить, что еще до недавнего времени единственной правовой формой определения юридической судьбы имущества на случай смерти являлось завещание.

Несмотря на то что завещание является наиболее традиционным и общим для всех правовых систем современности способом распоряжения имуществом на случай смерти, в российском праве отсутствует легальное его определение. В связи с этим в правовой доктрине встречаются различные подходы к толкованию данного термина. Чаще всего завещанием называют сам документ, в котором зафиксирована в соответствии с требованиями законодательства последняя воля завещателя, либо под завещанием подразумевают акт выражения воли лица по распоряжению имуществом на случай его смерти, или же рассматривают завещание в качестве односторонней сделки.

Последнее утверждение основано на нормах действующего законодательства. Согласно пункту 5 статьи 1118 ГК РФ завещание представляет собой одностороннюю сделку. Данный постулат не подвергается сомнению ни в научной доктрине, ни

в судебной практике³. Тем не менее в юридической литературе можно встретить опровергающие позиции, согласно которым завещание не рассматривается в качестве односторонней сделки и более того – в качестве сделки в принципе. Так, например, попытки обосновать двусторонний характер завещания как сделки в доктрине предпринимались С. Н. Рождественским, который рассматривал завещание в качестве оферты, а принятие завещания наследниками – как акцепт [15]. Данную позицию затем отстаивал А. А. Кирилловых, доказывающий, что с формальной точки зрения завещание представляет собой сделку, однако «содержательный элемент завещательных отношений указывает на завещание как на оферту в двусторонней сделке», т. е. завещание есть не что иное как «адресованное одному или нескольким лицам предложение» принять наследство, что не позволяет квалифицировать завещание в качестве односторонней сделки [6].

А. Г. Сараев в своих рассуждениях о правовой природе завещания пришел к еще более неожиданному выводу о том, что завещание в принципе не может рассматриваться как сделка. В качестве аргумента он ссылается на статью 155 ГК РФ, на основании которой автор прослеживает неразрывную связь между самим совершением сделки (действиями) и юридическими последствиями этих действий. Иначе говоря, одно без другого невозможно, следовательно, сделка всегда

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 18 марта 2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 18 марта 2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 18 марта 2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.

² Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть

третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 30. – Ст. 4552.

³ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2019 г. № 11-КГ19-1 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2018 г. № 87-КГ17-14 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 апреля 2017 г. № 18-КГ17-2 // СПС «КонсультантПлюс» и т. д.;

должна повлечь определенные юридические последствия для ее сторон [18. – С. 24–28]. В момент совершения действий завещателем для него никаких прав не возникает, не изменяется и не прекращается. Совершенное завещание не порождает также юридических последствий и в отношении других лиц, поскольку сам по себе факт совершения завещания наследодателем еще не влечет для них возникновения, изменения либо прекращения прав на завещанное имущество.

На это обращает внимание С. П. Гришаев, говоря о том, что завещание направлено на достижение определенных правовых последствий, которые заключаются в переходе имущественных и некоторых неимущественных прав от умершего гражданина к другим лицам. Однако при этом необходимо наличие дополнительных юридических фактов, таких как открытие наследства и принятие наследником наследства¹. Со своей стороны А. Г. Сараев приходит к следующему выводу: «... односторонняя сделка есть сделка, которая совершается одним лицом (только его действиями) и в тот же самый момент реализуется, т. е. влечет последствия для него или другого лица. Значит, положения об односторонних сделках никак не могут быть применены к завещанию, так как односторонность завещания выражается в том, что содержит оно распоряжения только лишь одного лица» [18. – С. 24–28]. В числе иных критериев, по которым завещание не может быть отнесено к сделкам, автор называет отсутствие правоотношений как до смерти завещателя, так и после нее; непостоянство юридического эффекта завещания либо его полное отсутствие (не всегда наступают те юридические последствия, ради которых завещание учинялось); к завещанию нельзя применить ряд общих положений о недействительности сделок; практически абсолютная свобода формулирования пожеланий лица, совершившего завещание, в определении судьбы своего распоряжения и его содержания; предмет завещания настолько широк, что инкорпорирует в себя сами сделки, участником которых был завещатель [18].

Данные доводы вполне обоснованы. Действительно, завещание в момент его совершения не порождает для указанных в нем наследников никаких прав, равно как не влечет для завещателя никаких обязанностей. Завещатель может в любой момент изменить завещание или отменить

его, для чего не нужно получать согласия иных лиц, завещатель также не лишен возможности распорядиться при жизни завещанным имуществом, заключив договор купли-продажи, дарения и т. д. Вместе с тем завещание воплощает в себе волеизъявление гражданина, которое само по себе подлежит правовой охране.

Все это позволяет утверждать, что одним из отличительных признаков завещания является его отложенный правовой эффект. На наш взгляд, данная характеристика завещания не препятствует его квалификации в качестве сделки. Согласно статье 153 ГК РФ, сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Из легального определения понятия сделки можно сделать вывод о том, что одним из отличительных признаков данного юридического факта выступает направленность воли лица на достижение юридических последствий. При этом достижение результата, на который направлено это действие, правового значения не имеет. Цель совершения сделки может быть вообще не достигнута, что не имеет значения для признания волеизъявления сделкой. В качестве аналогичного примера можно привести выдачу доверенности, которая является односторонней сделкой, что в научной доктрине не ставится под сомнение. Лицо, которому выдана доверенность, может так и не воспользоваться ею, от чего доверенность не перестает быть сделкой.

Завещание представляет собой такой же волевой акт с определенной направленностью на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей. Составляя распоряжение на случай своей смерти, завещатель определяет порядок перехода принадлежащего ему имущества к определяемым им лицам, решает предоставить кому-либо имущественные выгоды либо лишить каких-то законных наследников права наследования и т. д., т. е. при составлении завещания лицо рассчитывает на наступление определенных юридических последствий.

Признание завещания односторонней сделкой означает, что к нему применяются положения главы 9 ГК РФ о сделках. Считаем необходимым рассмотреть возможность применения положений данной главы в отношении завещания.

Односторонний характер завещания не вызывает сомнений, что нельзя сказать о многих

¹ Гришаев С. П. Наследственное право : учебно-практическое пособие. – М. : Проспект, 2011.

иных нормах соответствующей главы ГК РФ. В частности, в юридической литературе давно идет спор о возможности составления условных завещаний, суть которых заключается в возможности получения наследства только при выполнении определенных условий: условным завещательный акт можно считать только тогда, когда в его содержание включены отлагательные или отменительные условия [17. – С. 22–27]. Следует сразу сказать, что речь идет об условиях, которые не влекут ограничение гарантированных Конституцией Российской Федерации¹ прав и свобод граждан.

Многие отечественные ученые признают возможность составления условных завещаний, но с определенными ограничениями. В первую очередь, такие условия не должны ограничивать основные права и свободы гражданина [1. – С. 61; 13. – С. 113; 4]. Основная аргументация в этом случае состоит в том, что действующее российское законодательство, хотя и не содержит специальных норм о допустимости условных завещаний, к таким завещаниям могут применяться общие положения о сделках, совершенных под условием (статья 157 ГК РФ) [5. – С. 25; 7. – С. 35].

Стоит отметить, что в процессе обсуждения проекта части третьей ГК РФ предполагалось узаконить возможность составления условных завещаний. Однако, по словам профессора А. Л. Маковского, вероятность предусмотреть в ГК РФ право завещать имущество под условием, что наследник совершит определенные действия (получит образование, займется определенным родом деятельности, продолжит начатое наследодателем дело, откажется от вредной привычки и т. п.), было сознательно отвергнуто, поскольку эти условия могут неоправданно ограничивать права и свободы человека, являющегося наследником, даже несмотря на то, что такие завещания известны праву ряда стран [8. – С. 38].

Считаем целесообразным поддержать законодателя в принятом решении, однако отсутствие легального запрета (или же разрешения) составления условных завещаний порождает теоретическую и практическую неопределенность. Если ис-

ходить из известного постулата «что прямо законом не запрещено, то разрешено», возникает вопрос о допустимых условиях.

В свое время В. И. Серебровским была предложена дифференциация условий завещания на допустимые и недопустимые. По его мнению, вполне допустимо обусловить получение наследства поступлением наследника в институт, но незаконно требовать от него выбора определенной профессии [19. – С. 114].

А. А. Новиков предложил градацию условных завещаний на «законные» (например, прекращение ведения наследником паразитического образа жизни, прекращение злоупотребления алкоголем и др.) и «незаконные, влекущие ограничение гарантированных Конституцией прав и свобод (например, условия о выборе профессии и места жительства, а также условия, ограничивающие права наследника по распоряжению наследственным имуществом и т. д.)» [12. – С. 349–350].

В свою очередь, как отмечает И. А. Михайлова, поскольку принятие наследства является не обязанностью, а правом, наследник делает осознанный выбор: если он не считает для себя условие наследодателя приемлемым, он может отказаться от принятия наследства. В этом случае наследник при решении вопроса, что является более важным и значимым (безвозмездное приобретение наследственного имущества или исключение вмешательства в свою частную жизнь), действует «своей волей и в своем интересе» (п. 2 ст. 1 ГК РФ) [11. – С. 37–45].

На наш взгляд, практически любое условие (о выборе определенной профессии, о получении высшего образования, о вступлении в брак, об исполнении религиозных обрядов и т. д.), от которого зависит возможность принятия наследства, будет навязывать наследнику определенное поведение, что, несомненно, может ограничить его права и свободы.

Как справедливо отмечает Г. К. Рябцева, «... завещание как гражданско-правовой институт имеет целью передачу наследства определенным лицам, а не ограничение прав и свобод или любое другое воздействие на поведение и поступки данных лиц» [16. – С. 17–20].

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г.

№ 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ). – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Кроме того, условные завещания могут породить ряд правоприменительных проблем, на которые указывал еще В. И. Серебровский: «основное практическое затруднение при завещаниях с отлагательным условием заключается в той правовой неопределенности, которая продолжается в течение известного времени – до выяснения вопроса о выполнении выставленного завещателем условия» [19. – С. 132].

По мнению Е. П. Путинцевой, допущение возможности составления завещаний с отлагательным условием приведет к следующим проблемам: на протяжении длительного периода времени наследник может быть неизвестен, поскольку не ясно, наступит условие или нет; наследственное имущество будет находиться какое-то время без собственника, и кто в данной ситуации должен нести расходы на его содержание, как следствие, – неопределенность в гражданском обороте [14].

Учитывая изложенное, следует поддержать позицию А. Л. Маковского, согласно которой завещательные распоряжения под условием следует признать недопустимыми как противоречащие закону, независимо от того, что сами по себе условия не нарушают требований нравственности, свободы выбора рода деятельности, профессии, места проживания, свободы вступления в брак с определенным лицом и др. Наследники, которым завещано имущество под условием, оказываются ограниченными в имущественных правах собственности и др., приобретаемых в силу наследования. Тем самым нарушаются конституционные права наследования и частной собственности, предусмотренные статьей 35 Конституции Российской Федерации [8. – С. 37-38.]. Соответственно, в целях решения данной доктринальной проблемы следует установить законодательный запрет на совершение завещаний под условием.

Не в полной мере применимы к завещанию и положения главы 9 ГК РФ в части требований, предъявляемых к форме его составления. Следует сразу отметить, что в силу специфики завещания как сделки к нему не могут быть применимы ни при каких условиях положения статьи 165 ГК РФ, устанавливающие последствия уклонения от нотариального удостоверения сделки.

В соответствии с пунктом 1 статьи 158 ГК РФ сделки совершаются устно или в письменной форме (простой или нотариальной). Статья 163 ГК

РФ также определяет правила нотариального удостоверения сделок. В этой связи следует отметить, что общие положения о форме сделок не учитывают специфики положений части третьей ГК РФ, согласно которым допускается удостоверение сделки иными лицами (ст. 1124 ГК РФ).

Кроме того, согласно пункту 3 статьи 163 ГК РФ, если нотариальное удостоверение сделки является обязательным, несоблюдение нотариальной формы сделки влечет ее ничтожность. При этом специальные наследственные нормы устанавливают иные последствия несоблюдения установленной законом формы завещания: несоблюдение установленных правил о письменной форме завещания и его удостоверения влечет за собой недействительность завещания (абзац 2 п. 1 ст. 1124 ГК РФ). Принимая во внимание установленный приоритет специальной нормы, мы можем сделать вывод о том, что недействительность завещания в данном случае должна быть установлена судом.

Нормы наследственного права детализируют процедуру составления, подписания и удостоверения завещания. Нарушение данных норм во многих случаях ведет к признанию завещания недействительным (например, недействительным может быть признано завещание в случае отсутствия свидетеля, когда при составлении, подписании, удостоверении завещания или при передаче его нотариусу присутствие свидетеля является обязательным или в случае несоответствия свидетеля установленным в законе требованиям).

Вызывает сомнение применение в отношении завещания общих положений о последствиях признания сделки недействительной. В первую очередь, речь идет о реституции, которая предполагает возврат сторон сделки в первоначальное положение. Очевидно, что при признании завещания недействительным, оно просто-напросто отпадает и никакого возврата к исходному положению дел (т. е. до момента открытия наследства) быть не может, поскольку оспорить действительность завещания возможно только после открытия наследства. В этой связи считаем уместным привести позицию А. М. Эрделевского, по мнению которого к завещанию, с точки зрения последствий его недействительности, применимы только правила о неосновательном обогащении, предусмотренные главой 60 ГК РФ¹, и, как нам пред-

¹ Гражданское право : учебник. – Ч. 1 / отв. ред. В. П. Мозолин. – М., 2007. – С. 285.

ставляется, только те положения, которые касаются истребования имущества собственником из чужого незаконного владения (п. 3 ст. 1103 ГК РФ), поскольку истребовать наследственное имущество возможно лишь у того наследника, который уже принял наследство.

По общему правилу сделки могут совершаться через представителя (ст. 182 ГК РФ), что не применимо к завещаниям. Согласно пункту 3 статьи 1118 ГК РФ, завещание должно быть совершено лично, его совершение через представителя не допускается.

На основании изложенного мы можем сделать следующие выводы о правовой природе завещания. Во-первых, завещание представляет собой одностороннюю сделку, которая имеет строго личный характер. Во-вторых, специфика завещания как сделки всегда заключается в отложенном правовом эффекте: оно вступает в действие в момент открытия наследства и только тогда создает права и обязанности для наследников. До указанного момента не допускается ни оспаривание завещания, ни признание его недействительным. В-третьих, к завещанию в силу его специфики не применяются многие общие положения о сделках, при этом некоторые положения о сделках, которые не противоречат правовой природе завещания и в принципе могут быть использованы, детализированы в специальных нормах наследственного права с определенными отличиями.

Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ существенно расширил диспозитивные начала в регулировании составления завещательных распоряжений: одной из новых правовых конструкций, ранее неизвестных праву советского периода, стал институт совместного завещания супругов. Стоит отметить, что данный институт является принципиально новым только для России, мировой практике он известен очень давно.

В соответствии с действующим российским законодательством составить такое завещание могут только супруги, т. е. мужчина и женщина, брак которых зарегистрирован в государственном органе регистрации актов гражданского состояния. Фактическое проживание одной семьей мужчины и женщины без регистрации в установленном законом порядке регистрации брака не порождает возникновения у них прав и обязанностей супругов, и как следствие исключает возможность составления совместного завещания.

Примечательно, что совместные завещания супругов не могут быть закрытыми, их также невозможно совершить при чрезвычайных обстоятельствах. Несоблюдение этих требований влечет ничтожность совместного завещания (п. 5 ст. 1126, п. 4 ст. 1129 ГК РФ). Помимо этого, совместные завещания не могут быть удостоверены в порядке, приравненном к нотариальному удостоверению завещаний (ст. 1127 ГК РФ). Сложно сказать, чем руководствовался законодатель при установлении данных ограничений к составлению совместного завещания. Вероятно, этому способствовала специфика совместного завещания, в котором должна быть выражена общая воля двух лиц – супругов, в то время как, например, конструкция составления завещания при чрезвычайных условиях не может гарантировать выражения согласованной воли двух лиц. Может быть поэтому лица, наделенные правом удостоверения традиционного завещания, не могут удостоверить совместное завещание супругов. Несмотря на это, на нотариуса, в силу прямого указания пункта 5.1 статьи 1125 ГК РФ, возложена обязанность видеофиксации процедуры совершения совместного завещания супругов. Супругам предоставлено право отказаться от этой процедуры, однако сделать это должны оба супруга. Если только один из супругов будет отказываться от видеофиксации совершения совместного завещания, то нотариус не имеет права удостоверить такое завещание.

В научной доктрине еще на стадии обсуждения вносимых изменений были отмечены недостатки в отношении отсутствия урегулирования порядка удостоверения совместного завещания; нет понимания в решении вопросов составления совместного завещания одним документом или несколькими; необходимо ли одновременное присутствие обоих участников либо возможно последовательное выражение воли супругов в виде двух взаимосвязанных документов и другие вопросы, большинство из которых так и не были урегулированы при их принятии [9. – С. 28–30; 2. – С. 3–7; 3. – С. 135–142].

Согласно абзацу 2 пункта 4 статьи 1118 ГК РФ в совместном завещании супруги могут по обоюдному усмотрению определить следующие последствия смерти каждого из них, в том числе наступившей одновременно: завещать общее имущество супругов, а равно имущество каждого из них любым лицам; любым образом определить доли наследников в соответствующей наследственной

массе; определить имущество, входящее в наследственную массу каждого из супругов, если определение имущества, входящего в наследственную массу каждого из супругов, не нарушает прав третьих лиц; лишить наследства одного, нескольких или всех наследников по закону, не указывая причин такого лишения; включить в совместное завещание супругов иные завещательные распоряжения, возможность совершения которых предусмотрена законом.

Совместное завещание супругов, являясь разновидностью завещания, следует также квалифицировать в качестве односторонней сделки. Однако в российской доктрине уже возникают сомнения в признании совместного завещания односторонней сделкой. Так по мнению А. М. Эрделевского, оно никак не может быть односторонней сделкой, поскольку для его совершения требуется волеизъявление двух лиц – супругов. Ссылаясь также на используемое в пункте 4 статьи 1118 ГК РФ выражение «по обоюдному усмотрению», автор допускает его замену более свойственными гражданскому законодательству выражениями «по взаимному согласию» или «по соглашению». В итоге он приходит к выводу о том, что по своему существу совместное завещание представляет собой результат соглашения между супругами, предметом которого являются условия такого завещания [22].

Считаем, что обоюдное усмотрение супругов, требуемое для совершения совместного завещания в силу закона, не трансформирует его в соглашение. Подтверждением данному выводу является положение абзаца 1 пункта 4 статьи 1118 ГК РФ, в соответствии с которым к супругам, совершившим совместное завещание, применяются правила гражданского законодательства о завещателе, волеизъявление которого представлено двумя лицами. Совершение совместного завещания предполагает общее волеизъявление, т. е. супруги обоюдно связывают свою волю, которая выражается в виде совместного акта. Если хотя бы один из супругов не хочет обусловить действительность своего волеизъявления волей второго супруга, он вправе составить традиционное завещание. Таким образом, совершение этой сделки супругами не влияет на ее односторонний характер, и совместное завещание супругов можно охарактеризовать как одностороннюю сделку со множественностью лиц на стороне завещателя, при этом взаимообусловленный характер распоряже-

ний является одной из отличительных черт совместного завещания супругов как разновидности завещания, что предопределяет некоторую специфику его составления, содержания, исполнения и отмены.

Буквальное толкование соответствующих положений ГК РФ создает правовую неопределенность в решении вопроса о возможности составления так называемого взаимного совместного завещания, в соответствии с которым переживший супруг наследует за ранее умершим. В российской доктрине есть мнение о допустимости совершения взаимных завещаний [2. – С. 3–7; 20].

По нашему мнению, в совместном завещании супруги не могут назначить друг друга наследниками по следующим основаниям. Как уже было отмечено, совместное завещание является разновидностью завещания, по своей правовой природе представляет собой одностороннюю сделку, где волеизъявления одной стороны (завещателя) представлены двумя лицами – супругами. В результате совершения такого завещания супруги выражают согласованную волю по определению судьбы принадлежащего им имущества на случай их смерти.

Если гипотетически допустить возможность составления взаимных завещательных распоряжений в отношении каждого из супругов, каждый из них может одновременно выступать как завещателем, так и наследником по завещанию. Это означает, во-первых, расщепление воли супругов-завещателей, которые одновременно являются потенциальными наследниками, а во-вторых, трансформирует завещание в соглашение двух сторон. Однако на этот случай действующее российское законодательство вводит еще одну новеллу – наследственный договор.

Сделанный нами вывод вовсе не означает, что переживший супруг не становится собственником принадлежащего умершему супругу имущества. В совместном завещании супруги могут установить совместные распоряжения в отношении их общего имущества, а также личные распоряжения, которые касаются имущества каждого из них. Невозможность завещать пережившему супругу касается, на наш взгляд, только личного имущества каждого из супругов.

Иная ситуация складывается с распоряжением общего имущества супругов. Как нам представляется, с учетом одностороннего характера совместного завещания, квалифицируемого в качестве сделки, доля в общем имуществе супругов

переходит пережившему супругу не в порядке наследования. Смерть первого из супругов является юридическим фактом, автоматически порождающим изменение правового режима общего имущества, которым супруги распорядились при жизни. Указанный юридический факт является единственным достаточным основанием для трансформации общей совместной собственности обоих супругов в частную собственность пережившего супруга. И только после смерти последнего имущество, указанное в совместном завещании супругов, переходит к лицам, указанным в нем в качестве наследников.

Косвенным подтверждением нашего вывода являются положения абзаца 1 статьи 1150 ГК РФ, согласно которым доля умершего супруга в совместно нажитом имуществе входит в состав наследства и переходит к наследникам, и абзаца 2 данной же статьи, в соответствии с которым иное может быть предусмотрено совместным завещанием супругов.

Таким образом, доля в праве общей собственности исключается из состава наследственного имущества, что влечет за собой ряд правовых последствий.

Так, в целях получения доли в праве общей совместной собственности переживший наследник не должен принимать наследство, так как с момента смерти одного из супругов совместно нажитое имущество автоматически трансформируется в единоличную частную собственность. Кроме того, такой процесс перехода доли в праве совместной собственности исключает применение положений об обязательной доле в наследстве, а также не дает кредиторам права удовлетворить претензии за счет данного имущества.

Являются дискуссионными также нормы наследственного права о том, что переживший супруг вправе совершить последующее завещание или вовсе отменить совместное завещание после смерти второго супруга (абзац 5 п. 4 ст. 1118 ГК РФ).

Первое, на что при анализе данных положений следует обратить внимание, – это тот факт, что пережившему супругу не предоставлено право изменения завещания. В соответствии с пунктом 2 статьи 1130 ГК РФ завещатель вправе посредством совершения нового завещания отменить прежнее завещание в целом либо изменить его посредством отмены или изменения отдельных содержащихся в нем завещательных распоряжений. В отношении совместного завещания

переживший супруг наделен только правом его отмены или совершения нового завещания.

Как нам представляется, законодатель умышленно не наделил пережившего супруга правом изменения совместного завещания. Данные правила направлены в первую очередь на обеспечение гарантий реализации наследственной воли умершего супруга.

Вместе с тем возникает вопрос, может ли переживший супруг составить новое завещание или отменить совместное завещание. Предоставление пережившему супругу указанных прав является следствием права завещателя в любой момент составить новое завещание или отменить ранее составленное.

В соответствии с абзацем 2 пункта 2 статьи 1130 ГК РФ последующее завещание, не содержащее прямых указаний об отмене прежнего завещания или отдельных содержащихся в нем завещательных распоряжений, отменяет прежнее завещание полностью или в части, в которой оно противоречит последующему завещанию.

К сожалению, законодатель не предусмотрел последствия составления нового завещания в случае наличия совместного завещания супругов. Должны ли в этом случае применяться общие правила об отмене ранее составленного завещания?

На наш взгляд, применение положений пункта 2 статьи 1130 ГК РФ будет противоречить конструкции совместного завещания. Например, переживший супруг, злоупотребляя своим правом при составлении нового завещания, захочет иным образом по сравнению с совместным завещанием распорядиться наследственным имуществом с тем, чтобы его распоряжения совместного завещания оказались отменены, а распоряжения умершего супруга остались бы без изменений. Безусловно, такая практика снизила бы степень охраны интересов участников совместного завещания. При этом следует учитывать, что распоряжение одного супруга действительно лишь постольку, поскольку действительно распоряжение второго супруга.

В этой связи в целях восполнения законодательного пробела и повышения уровня охраны интересов участников совместного завещания супругов следует законодательно установить последствия совершения пережившим супругом нового завещания: во-первых, при совершении нового завещания переживший супруг должен поставить в известность нотариуса, удостоверившего данное завещание, о наличии совместного

завещания; во-вторых, распоряжения последующих завещаний каждого из супругов не могут противоречить распоряжениям совместного завещания супругов; в-третьих, в случае противоречия распоряжений совместного завещания супругов и нового завещания пережившего супруга, именно последнее должно быть признано недействительным полностью или в той части, в которой оно противоречит совместному завещанию супругов.

Что касается наделения пережившего супруга правом отмены совместного завещания, считаем необходимым указать следующее.

Как уже было отмечено, являясь разновидностью традиционного завещания, совместное завещание супругов представляет собой одностороннюю сделку со множественностью лиц на стороне завещателя. Расторжение сделки возможно по соглашению сторон, в случае односторонней сделки – по волеизъявлению одной стороны. В совместном завещании супруги выступают в качестве одной стороны – завещателя. Следовательно, совместное завещание также может быть отменено только по обоюдному волеизъявлению двух супругов, что возможно сделать только при жизни обоих супругов.

Таким образом, предоставление пережившему супругу возможности отмены совместного завещания противоречит самой конструкции совместного завещания. Вследствие чего предлагаем внести изменения в гражданское законодательство и исключить возможность отмены совместного завещания пережившим супругом. Поскольку это может привести к ущемлению наследственных прав пережившего супруга, целесообразно предоставить ему право восстановления завещательной способности посредством отказа от всего, что причиталось бы ему в соответствии с совместным завещанием. В данном случае будет реализован один из принципов наследственного права – принцип свободы завещания.

При анализе нововведений о совместных завещаниях следует ответить на вопрос о допустимости применения к ним правила о том, что завещатель вправе в любой момент продать, подарить и иным образом распорядиться принадлежащим ему имуществом. В настоящее время ничто не препятствует пережившему супругу произвести отчуждение имущества, охваченного совместным завещанием, что также не гарантирует исполнения наследственной воли умершего супруга.

На наш взгляд, решение данной проблемы видится в наложении после смерти первого супруга запрета распоряжаться охваченным в совместном завещании наследственным имуществом. Введение подобного правила будет способствовать сохранению такого имущества в целях его передачи наследникам после смерти второго супруга, что будет гарантировать достижение наследственного результата, на который была направлена воля обоих супругов при совершении совместного завещания.

Очевидно, что выявленные и иные вопросы, касающиеся различных аспектов составления, содержания, отмены совместных завещаний супругов, свидетельствуют о недостатке нормативного регулирования.

Проиллюстрированные примеры невозможного применения к совместным завещаниям ряда положений, которые относятся к традиционным завещаниям, обосновывают необходимость законодательного закрепления нормы, дифференцирующей применение общих норм о наследовании по завещанию к совместным завещаниям.

Наряду с совместным завещанием супругов еще одной новеллой наследственного права стала возможность заключения наследственного договора. Как и совместное завещание супругов, наследственный договор представляет собой принципиально новый правовой институт для российского права, но не для мировой практики.

Согласно абзацу 1 статьи 1111 ГК РФ, в редакции Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ существуют три основания наследования: наследование осуществляется по завещанию, по наследственному договору и по закону. При этом неизменной осталась норма абзаца 2 статьи 1111 ГК РФ, устанавливающая, что наследование по закону имеет место, когда оно не изменено завещанием, а также в иных случаях, установленных ГК РФ. Отметим, что действующий ГК РФ не содержит прямого указания на приоритет наследственного договора над наследованием по закону, что представляется неправомерным.

Законодательное определение наследственного договора раскрывается через установление его условий: в соответствии с пунктом 1 статьи 1140.1 ГК РФ наследодатель вправе заключить с любым из лиц, которые могут призываться к наследованию, договор, условия которого определяют круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к

пережившим наследодателя сторонам договора или к пережившим третьим лицам, которые могут призываться к наследованию, и т. д.

Первое, на что следует обратить внимание, – используемая законодателем терминология. В частности, одна из сторон договора именуется «наследодатель», что не вполне корректно, поскольку наследодателем лицо, заключающее наследственный договор, станет только после своей смерти, учитывая договорную конструкцию данного основания наследования, направленную на распоряжение имуществом на случай смерти, а также принимая во внимание тот факт, что исполнение наследственного договора может осуществляться еще при жизни наследодателя.

Двойное толкование допускают также сформулированные в законе условия наследственного договора. В частности, согласно абзацу 1 статьи 1140.1 ГК РФ наследственный договор определяет, во-первых, круг наследников, а во-вторых, порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим наследодателя сторонам договора или к пережившим третьим лицам, которые могут призываться к наследованию. При буквальном толковании данной нормы возникает вопрос, включаются ли в обозначенный в договоре круг наследников пережившие наследодателя стороны договора или третьи лица, которые могут призываться к наследованию. Если предположить, что перечисленные лица составляют круг наследников, тогда непонятно, почему в одной норме они именуются по-разному.

Вероятно, в данной ситуации законодатель все же исходил из того, что круг наследников может не совпадать с пережившими наследодателя сторонами договора или третьими лицами, которые могут призываться к наследованию. Данный вывод следует из законодательной дефиниции наследственного договора: он определяет «порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим наследодателя сторонам договора *или* (выделено нами. – Р. Б.) к пережившим третьим лицам, которые могут призываться к наследованию». Из этого следует, что лицо, заключившее наследственный договор, обязательно является наследником. Это объясняет также тот факт, что законодатель никак не именует вторую сторону наследственного договора, ограничившись лишь указанием на то, что это может быть любое лицо, которое призывается к наследованию в соответствии со статьей

1116 ГК РФ, в том числе и юридическое лицо. В этом заключается одна из особенностей наследственного договора, которая, на наш взгляд, представляется немного нелогичной, ввиду непонятной роли и оснований их участия в наследственном договоре.

Рассмотрим иные элементы юридической характеристики любого гражданско-правового договора применительно к конструкции наследственного договора. Характеризуя те или иные договорные конструкции, их традиционно относят к односторонне- или двухстороннеобязывающим, возмездным/безвозмездным, реальным/консенсуальным сделкам.

По мнению А. М. Эрделевского, наследственный договор является консенсуальным, поскольку закон не устанавливает необходимости передачи имущества для его заключения; по общему правилу он является безвозмездным (но может иметь признаки возмездного договора, если лицо, которое может быть призвано к наследованию, принимает на себя обязанность совершить действия имущественного характера в пользу наследодателя или иных лиц); не порождает обязанностей у его сторон (но может быть односторонне обязывающим в случае включения в этот договор условия о возложении на участвующих в нем лиц, которые могут призываться к наследованию, обязанности совершить какие-либо не противоречащие закону действия имущественного или неимущественного характера) [22].

В целом считаем возможным согласиться с данной А. М. Эрделевским характеристикой наследственного договора. Действительно, в силу действующего законодательства наследственный договор не может быть реальным, поскольку закон не связывает вступление его в силу с моментом передачи имущества. Более того, наследственный договор подлежит нотариальному удостоверению. При этом к нему не применимы положения статьи 165 ГК РФ в части последствий уклонения одной из сторон наследственного договора от его нотариального удостоверения.

По общему правилу наследственный договор не порождает у его сторон никаких обязательств, что не допускает возможности отнесения наследственного договора к числу обязательственных правоотношений. В силу норм действующего законодательства наследственный договор может быть односторонне обязывающим, если он содер-

жит предполагающие его исполнение участвующими в наследственном договоре лицами, которые могут призываться к наследованию, условия.

Безусловно, будущий наследодатель не обязуется передать имущество в собственность, поскольку переход права собственности на имущество осуществляется после его смерти, т. е. помимо его воли, что исключает совершение активных действий по передаче имущества. Вместе с тем мы можем допустить возможность квалификации наследственного договора как взаимобязывающего в случае включения в него, например, условий, предусматривающих исполнение наследственного договора в пользу будущего наследодателя при его жизни. Принятие исполнения по наследственному договору в данном случае следует рассматривать как его право или обязанность в зависимости от содержания условий договора. Включение таких условий не нарушает принцип свободы договора и не противоречит нормам действующего законодательства о наследственном договоре.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что наследственный договор не порождает для его сторон никаких обязательств либо является односторонне или двусторонне обязывающим в зависимости от его условий.

Сложнее решить вопрос о возмездности или безвозмездности наследственного договора. На первый взгляд, наследственный договор предполагается безвозмездным, однако его следует квалифицировать в качестве возмездного, при условии «возложения на участвующих в наследственном договоре лиц, которые могут призываться к наследованию, обязанность совершить какие-либо не противоречащие закону действия имущественного или неимущественного характера, в том числе исполнить завещательные отказы или завещательные возложения» [22].

Следует отметить и ряд моментов, которые отличают наследственный договор от классического возмездного договора. Во-первых, имущественное удовлетворение лиц, призываемых к наследованию, осуществляется, как уже было отмечено, не лично наследодателем; он не совершает непосредственно передачу имущества, это происходит после его смерти в силу определенного ряда юридических фактов. Во-вторых, на возмездность договора влияет возложение обязанности совершить при жизни будущего наследода-

теля или после его смерти действия имущественного или неимущественного характера в его пользу или в пользу иных лиц.

Таким образом, еще одна особенность наследственного договора, которая отражает его отличие от классических гражданско-правовых договоров, заключается в отсутствии фиксированных в законе его основных юридических характеристик, что обусловлено содержанием наследственного договора, в том числе характером возможных действий, которые должно совершить лицо, призываемое к наследованию (или иное лицо), а также периодом их совершения (при жизни будущего наследодателя или после его смерти).

Как уже было отмечено, наследственный договор направлен на распоряжение имуществом на случай смерти. В силу прямого указания в законе (п. 12. ст. 1140.1 ГК РФ) заключение наследственного договора не лишает будущего наследодателя права совершения любых сделок в отношении принадлежащего ему имущества. Он может распоряжаться принадлежащим ему имуществом своей волей и в своем интересе, даже если такое распоряжение лишит лицо, которое может быть призвано к наследованию, прав на имущество наследодателя. Более того, соглашение об ином ничтожно.

Считаем, что изложенное в столь категоричной форме положение существенно нарушает права потенциальных наследников. Мы исходим из правовой сущности наследственного договора, конструкция которого наделяет, как отмечено в доктрине, «граждан правовой возможностью заранее согласовать все наиболее важные аспекты наследственного правопреемства: во-первых, указать в договоре будущих наследников из числа лиц, которые могут призываться к наследованию, или неких третьих лиц; во-вторых, определить порядок перехода к назначенным наследникам прав на имущество наследодателя; в-третьих, возложить на участвующих в договоре субъектов обязанность совершить после смерти наследодателя какие-либо действия имущественного или неимущественного характера» [10. – С. 33–39]. Таким образом, договорная природа данного распоряжения имуществом на случай смерти позволяет при жизни наследодателя определить судьбу принадлежащего ему имущества с учетом мнения потенциальных наследников, на которых, скорее всего, как покажет практика, будут возложены определенные обязанности имущественного и неимущественного характера. При этом добросовестное

исполнение таких обязанностей в силу закона не гарантирует получение наследства после смерти наследодателя.

Представляется вполне возможной ситуация, что после заключения наследственного договора, условия которого предполагают совершение в пользу будущего наследодателя или иных лиц определенных действий, например, имущественного характера, он распорядится принадлежащим ему имуществом, не ставя в известность потенциального наследника, который соблюдает условия наследственного договора. В итоге потенциальному наследнику на момент смерти наследодателя нечего будет наследовать, в то время как он сам понес материальные расходы, взыскать которые не представляется возможным.

На наш взгляд, анализируемая норма не просто не защищает права потенциального наследника, нивелируя все договоренности, но и создает все условия для злоупотребления правами со стороны будущего наследодателя. В целях преодоления выявленной проблемы предлагаем оставить за будущим наследодателем право совершать любые сделки в отношении принадлежащего ему имущества и иным образом распоряжаться принадлежащим ему имуществом своей волей и в своем интересе, даже если такое распоряжение лишит лицо, которое может быть призвано к наследованию, прав на имущество наследодателя только при отсутствии встречного представления по наследственному договору со стороны переживших наследодателя сторон договора или переживших третьих лиц, которые могут призываться к наследованию.

В случае включения в наследственный договор условий, возлагающих на участвующих в наследственном договоре лиц, которые могут призываться к наследованию, обязанности совершить какие-либо действие имущественного характера в пользу будущего наследодателя или иных лиц, следует ограничить права будущего наследодателя посредством наложения запрета на распоряжение соответствующим имуществом либо сохранить за ним это право с передачей наследственного имущества в залог потенциальному наследнику.

Следует обратить внимание на отсутствие специальных норм, определяющих приоритет наследственного договора или завещания, если одно имущество наследодателя явилось предметом и того, и другого. В решении данного вопроса законодатель ограничился только правилом,

согласно которому если одно имущество наследодателя явилось предметом нескольких наследственных договоров, заключенных с разными лицами, в случае принятия ими наследства подлежит применению тот наследственный договор, который был заключен ранее (абзац 2 п. 8 ст. 1140.1. ГК РФ). Вероятно, это не законодательный пробел, и определение приоритета косвенно вытекает из уже проанализированных нами положений абзаца 12 статьи 1140.1. ГК РФ, гарантирующих право будущего наследодателя распорядиться принадлежащим ему имуществом после заключения наследственного договора, в том числе посредством составления завещания. Исходя из данной нормы и общих положений об определении приоритета одного из нескольких завещаний (ст. 1130 ГК РФ) можно предположить, что завещание, составленное после заключения наследственного договора в отношении того же имущества, должно отменять наследственный договор в соответствующей части. Однако, как нам кажется, в решении столь важного вопроса нельзя руководствоваться умозаключениями, вытекающими из анализа различных норм закона, что может привести в правоприменительной практике к различным выводам.

В связи с изложенным предлагаем на законодательном уровне закрепить нормы, определяющие последствия включения распоряжений в отношении одного и того же имущества в завещание и в наследственный договор. В решении данного вопроса считаем целесообразным закрепить принцип приоритета наследственного договора перед завещанием независимо от даты совершения того или другого.

В данном случае мы исходим из того, что при заключении наследственного договора потенциальные наследники ознакомлены с принятым будущим наследодателем решением относительно судьбы принадлежащего ему имущества на случай его смерти. Как уже было отмечено, скорее всего, подавляющая доля наследственных договоров на практике будет содержать встречные условия имущественного и/или неимущественного характера, в том числе со сроком исполнения при жизни будущего наследодателя. Для таких наследников станет не просто неприятным сюрпризом наличие составленного завещания с более поздней датой, так как они уже понесли материальные затраты, взыскать которые уже не с кого. Гипотетически можно, конечно, обратиться в суд с иском к наследникам по завещанию о взыскании убытков, которые возникли у них в связи с

исполнением наследственного договора к моменту смерти наследодателя. Однако очевидно, что такие дела обречены на провал, хотя бы в силу отсутствия специальных норм, прямо устанавливающих такую возможность. При этом законодатель предусмотрел возможность будущего наследодателя в одностороннем порядке отказаться от наследственного договора путем уведомления всех сторон наследственного договора о таком отказе с последующим возмещением убытков (п. 10 ст. 1140.1. ГК РФ). Таким образом, если наследодатель хочет иным образом распорядиться своим имуществом, он может составить завещание, отказавшись от наследственного договора и возместив потенциальным наследникам убытки.

Весьма важным является также решение вопроса о характере наследственного правопреемства. Ответ на поставленный вопрос в законодательстве отсутствует. Тем не менее он имеет принципиальное значение для всего процесса наследования. Если предположить, что наследники по наследственному договору являются универсальными наследниками, соответственно, на них также будут распространяться нормы об ответственности по долгам наследодателя и т. д. Если исходить из конструкции сингулярного правопреемства, то такие наследники не отвечают по долгам наследодателя пропорционально части перешедшего к ним наследственного имущества.

Считаем, что в решении данного вопроса следует руководствоваться общими положениями о наследовании. В силу статьи 1111 ГК РФ наследственный договор является одним из оснований наследования. Законодательная дефиниция наследования определена в пункте 1 статьи 1110 ГК РФ, в котором она раскрывается через категорию универсального правопреемства. Таким образом, наследник, заключивший наследственный договор, является универсальным правопреемником и отвечает по долгам наследодателя.

Еще один вопрос, на который в законе нет прямого ответа, – вопрос о том, необходимо ли наследникам по наследственному договору принять наследство одним из предусмотренных в законе способов.

Примечательно, что в пункте 2 статьи 1152 ГК РФ при перечислении нескольких оснований наследования, по которым наследник может призываться к наследованию одновременно, указание на наследственный договор отсутствует. Однако содержащийся в нем перечень оснований

является открытым, что не исключает необходимости принятия наследства наследником по наследственному договору.

Данный вывод косвенно подтверждают положения пункта 2 статьи 1140.1. ГК РФ, согласно которому нотариус, ведущий наследственное дело в период исполнения им своих обязанностей по охране наследственного имущества и управлению таким имуществом до выдачи свидетельства о праве на наследство, вправе требовать исполнения установленных наследственным договором обязанностей. Еще один аргумент в пользу необходимости принятия наследства по наследственному договору заключается в возможности стороны наследственного договора отказаться от наследства (п. 3 ст. 1140.1. ГК РФ).

Вместе с тем сделанный нами вывод основан на совокупном анализе наследственных норм, что представляется неверным. Очевидно, что данный пробел требует устранения, в связи с чем считаем целесообразным дополнить перечень оснований наследования в абзаце 2 пункта 2 статьи 1152 ГК РФ указанием на наследственный договор.

Вызывает сомнения категоричность формулировки пункта 4 статьи 1140.1. ГК РФ. Согласно положениям указанной нормы возникающие из наследственного договора права и обязанности стороны наследственного договора неотчуждаемы и непередаваемы иным способом. Данный запрет объясним при жизни наследодателя. Однако насколько оправдан такой запрет после его смерти, если, например, наследник по наследственному договору умер, не успев принять наследство. Статья 1156 ГК РФ, определяющая правила перехода права на принятие наследства после внесения новелл о наследственном договоре, осталась в неизменном виде, в результате чего нормы о наследственной трансмиссии и в настоящее время применимы в силу прямого указания в законе только в отношении наследования по закону и наследования по завещанию.

Вместе с тем непонятно, либо законодатель намеренно установил столь жесткий запрет на неотчуждаемость и непередаваемость прав по наследственному договору, либо упустил необходимость внесения соответствующих изменений в статью 1156 ГК РФ.

Неоднозначное толкование на практике могут вызывать и положения пункта 9 статьи 1140.1. ГК РФ. В соответствии с названной нормой суд может принять решение об изменении или расторжении

наследственного договора в связи с существенным изменением обстоятельств, в том числе в связи с выявившейся возможностью призвания к наследованию лиц, имеющих право на обязательную долю в наследстве. При этом, что понимается под существенным изменением обстоятельств, не разъяснено. Вероятно, в данной связи следует руководствоваться положениями статьи 451 ГК РФ, однако данная оценочная категория, как мы считаем, должна быть разъяснена уполномоченными судебными органами (Пленумом Верховного Суда Российской Федерации) применительно к нормам наследственного права с учетом специфики наследственного договора.

Кроме того, изложенная в подобной редакции норма, так же как и ряд иных, не защищает должным образом прав потенциальных наследников (или другой стороны наследственного договора). Считаем, что в случае изменения или расторжения наследственного договора в судебном порядке наследодатель обязан возместить другим сторонам наследственного договора убытки, которые возникли у них в связи с исполнением наследственного договора (по аналогии с нормами об одностороннем отказе от наследственного договора). Если речь идет о расторжении или изменении наследственного договора по соглашению сторон, то принципиального значения в данном случае компенсация понесенных стороной убытков не имеет, поскольку это решение (о выплате убытков или об отказе от их уплаты) должно быть согласовано сторонами самостоятельно.

Пункт 10 статьи 1140.1. ГК РФ закрепляет право сторон совершить односторонний отказ от наследственного договора. Законодатель устанавливает порядок такого отказа и его последствия для наследодателя, при этом в отношении другой стороны наследственного договора он ограничился отсылочной формулировкой: «другие стороны наследственного договора вправе совершить односторонний отказ от наследственного договора *в порядке, предусмотренном законом* (выделено нами. – Р. Б.) или наследственным договором» (абз. 3 п. 10 ст. 1140.1. ГК РФ).

Иными словами, если наследственный договор не определяет порядок отказа от него другой стороной, следует руководствоваться законом. Однако наследственное право таких норм не содержит, следовательно, подлежат применению общие нормы гражданского законодательства об отказе от договора. Статья 310 ГК РФ содержит

общий запрет на односторонний отказ от исполнения обязательства, за исключением случаев, предусмотренных ГК РФ, другими законами или иными правовыми актами. Поскольку ГК РФ, а именно абзац 3 пункта 10 статьи 1140.1. ГК РФ является одним из таких исключений, мы можем предположить, что правила статьи 310 ГК РФ, подлежат применению в отношении одностороннего отказа от наследственного договора. Однако буквальное толкование положений рассматриваемой статьи свидетельствует о недопустимости ее использования, поскольку установленные в ней правила одностороннего отказа применяются к обязательствам, связанным с осуществлением сторонами предпринимательской деятельности.

Статья 450.1 ГК РФ определяет общий порядок совершения одностороннего отказа от договора: отказ осуществляется посредством направления уполномоченной стороной уведомления другой стороне уведомления об отказе от договора. В случае одностороннего отказа от договора полностью, если такой отказ допускается, договор считается расторгнутым.

Отметим, что несколько иной порядок предусмотрен для отказа от договора будущим наследодателем. В соответствии с абзацем 1 пункта 10 статьи 1140.1. ГК РФ наследодатель вправе совершить в любое время односторонний отказ от наследственного договора путем уведомления всех сторон наследственного договора о таком отказе. В отличие от общих правил одностороннего отказа (ст. 450.1 ГК РФ) уведомление об отказе наследодателя от наследственного договора подлежит нотариальному удостоверению. При этом нотариус, удостоверивший уведомление об отказе наследодателя от наследственного договора, в течение трех рабочих дней должен направить копию этого уведомления другим сторонам наследственного договора. Принимая во внимание требование к форме совершения наследственного договора (он подлежит нотариальному удостоверению), данный порядок отказа от договора представляется обоснованным. Однако непонятно, почему законодатель решил установить иную форму отказа от наследственного договора другой стороной и почему возможно отказаться от сделки, требующей по закону нотариального удостоверения в простой уведомительной форме.

В этой связи считаем, что нужно установить единую процедуру отказа для обеих сторон наследственного договора: уведомление

другой стороны должно быть нотариально удостоверено, и его копия направлена нотариусом наследодателю.

Анализируя соответствующие нормы ГК РФ, О. С. Черепанова обратила внимание на еще одну проблему, которая может возникнуть на практике [21. – С. 41–44]. В частности, абзац 2 пункта 6 статьи 1140.1 ГК РФ устанавливает, что если право на обязательную долю в наследстве появилось после заключения наследственного договора, предусмотренные наследственным договором обязательства наследника по наследственному договору уменьшаются пропорционально уменьшению части наследства, причитающейся ему после удовлетворения права на обязательную долю в наследстве. О. С. Черепанова пришла к верному, на наш взгляд, выводу о том, что практическая реализация данного правила может быть просто не реализована. В качестве гипотетического примера автор приводит следующий: обязанностью наследника по наследственному договору выступило исполнение завещательного отказа в виде предоставления комнаты в полученной после смерти наследодателя в собственность квартире в пожизненное пользование родственнику наследодателя. В подобной ситуации пропорционально уменьшить данное обязательство после появления права на обязательную долю в наследстве не представляется возможным. Кроме того, она также задается верными вопросами, как уменьшить установленные наследственным договором неимущественные обязанности, и кто будет определять пропорции уменьшения.

Эти и иные не проанализированные в рамках настоящего исследования недостатки и пробелы в регулировании отношений, связанных с наследственным договором, свидетельствуют о непроду-

манном отношении законодателя к реформированию наследственного права. По сути, наследственному договору в ГК РФ посвящена всего одна статья, в то время как, например, в Германии, аналогичный институт урегулирован в тридцати статьях (§ 1941, 2274–2302 ГГУ¹). Учитывая сложность и особенности наследственного договора, очевидна недостаточность соответствующего правового регулирования. Кроме того, вызывает непонимание расположение данной статьи в структуре ГК РФ. Напомним, что соответствующая норма находится в главе 62 «Наследование по завещанию», однако к наследованию по завещанию наследственный договор не имеет никакого отношения.

Считаем, что ГК РФ в части наследственного законодательства требует весьма существенной структурной переработки и дополнительного урегулирования многих вопросов, которые либо вообще не нашли отражения в положениях ГК РФ, либо изложены в неоднозначных формулировках, что породит проблемы их правоприменения.

Подводя итог рассмотрению новелл российского законодательства, можно сделать вывод о складывающейся в наследственном праве собственной системе сделок, направленных на распоряжение имуществом на случай смерти. В настоящее время в эту систему включаются классическое завещание, совместное завещание как разновидность завещания, наследственный договор, а также завещательные распоряжения правами на денежные средства в банках. При этом основываясь на классической цивилистической трактовке понятие «сделка» в наследственном праве следует рассматривать с учетом специфики юридической цели ее заключения и исполнения преимущественно после смерти стороны сделки – наследодателя.

Список литературы

1. Барцевский М. Ю. Если открылось наследство. – М. : Юридическая литература, 1989.
2. Блинков О. Е. О совместном завещании супругов в российском наследственном праве: быть или не быть? // Наследственное право. – 2015. – № 3. – С. 3–7.
3. Гребенкина И. А. Совершенствование наследственного права: все ли предлагаемые изменения обоснованы? // Lex russica. – 2016. – № 11. – С. 135–142.
4. Гришаев С. П. Постатейный комментарий к разделу V «Наследственное право» части III ГК РФ // СПС «КонсультантПлюс», 2016.
5. Долинская В. В. Наследственное право Российской Федерации. – М. : Приор, 2002.

¹ Гражданское уложение Германии (ГГУ) от 18 августа 1896 г. (ред. от 2 января 2002 г.) (с изм. и доп. от 31 марта 2013 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

6. *Кирилловых А. А.* Завещательное распоряжение в современном гражданском праве. – М. : Дело-вой двор, 2011.
7. *Крысанова-Курсанова И. Г.* Завещание как основание наследования в современном гражданском законодательстве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005.
8. *Маковский А. Л.* Как лучше гарантировать наследование. Нормы наследственного права в проекте части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации // Законодательство и экономика. – 1997. – № 3–4.
9. *Мартасов Д. В.* Совместное завещание супругов: анализ новелл законодательства // Нотариус. – 2018. – № 8. – С. 28–30.
10. *Михайлова И. А.* Наследственный договор: достоинства и недостатки // Наследственное право. – 2018. – № 4. – С. 33–39.
11. *Михайлова И. А.* Условные завещания: история и современность // Юридический вестник Самарского университета. – 2016. – Т. 2. – № 1. – С. 37–45.
12. *Новиков А. А.* К истории завещания под условием в отечественном гражданском праве // Цивилистические исследования. Вып. 1 : сборник научных трудов памяти профессора И. В. Федорова / под ред. Б. Л. Хаксельберга, Д. О. Тузова. – М. : Статут, 2004.
13. *Омарова У. А.* Наследственное право и социальная справедливость. – Махачкала, 1999.
14. *Путинцева Е. П.* Содержание завещаний по законодательству РФ и ФРГ // Нотариальный вестник. – 2008. – № 5.
15. *Рождественский С. Н.* Завещание как сделка по гражданскому законодательству // Бюллетень нотариальной практики. – 2003. – № 5.
16. *Рябцева Г. К.* Условные завещания в современном российском наследственном праве // Наследственное право. – 2012. – № 2. – С. 17–20.
17. *Сараев А. Г.* Модель института завещания под условием в РФ (de lege ferenda) // Нотариус. – 2015. – № 8. – С. 22–27.
18. *Сараев А. Г.* О правовой природе завещания // Наследственное право. – 2013. – № 2. – С. 24–28.
19. *Серебровский В. И.* Очерки советского наследственного права // Избранные труды по наследственному и страховому праву. – М., 2003.
20. Частное право. Преодолевая испытания. К 60-летию Б. М. Гонгало. – М. : Статут, 2016.
21. *Черепанова О. С.* Наследственный договор как новелла российского гражданского права (критический анализ некоторых положений) // Нотариус. – 2019. – № 2. – С. 41–44.
22. *Эрделевский А. М.* О новых институтах наследственного права // СПС «КонсультантПлюс», 2018.

Использование кадастровой оценки для сделок с публичным имуществом

С. И. Файнгерш

кандидат юридических наук, начальник Управления приватизации городского имущества
Департамента городского имущества города Москвы.

Адрес: 125993, г. Москва, 1-й Красногвардейский проезд, д. 21, стр. 1

E-mail: fayngershsi@mos.ru

Д. Д. Зубков

аспирант кафедры судебной экспертизы юридического факультета
Национального исследовательского Нижегородского государственного
университета имени Н. И. Лобачевского

Адрес: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского», 603950, Н. Новгород, проспект Гагарина, 23.

E-mail: sudexpert2011@mail.ru

Use of Cadastral Valuation for Transactions with Public Property

S. I. Fayngersh

PhD in Law, Head of the City Property Privatization Department
Department of City Property of Moscow

Address: 125993, Moscow, 1st Krasnogvardeysky passage, 21, bld. 1.

E-mail: fayngershsi@mos.ru

D. D. Zubkov

Post-Graduate Student of the Department of Forensic Science of the Faculty of Law of National Research
Nizhny Novgorod State University N. I. Lobachevsky

Address: National Research Nizhny Novgorod State University N. I. Lobachevsky,
23 Gagarin Avenue, N. Novgorod, 603950, Russian Federation

E-mail: sudexpert2011@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье рассматривается ряд проблемных вопросов, связанных с использованием кадастровой оценки при совершении сделок с имуществом, находящимся в публичной собственности. Обозначены преимущества использования кадастровой оценки для определения стоимости объектов публичной собственности. Исследованы правовые коллизии, возникающие при совершении сделок с публичным имуществом, а также выдвинуты предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации, регулирующего данную сферу.

Ключевые слова: кадастровая оценка, рыночная оценка, публичное имущество.

Abstract

This article discusses a number of problematic issues related to the use of cadastral valuation in transactions with publicly owned property. The advantages of using cadastral valuation for determining the value of public property objects are outlined. Legal conflicts that arise when making transactions with public property are investigated and proposals are made to improve the legislation of the Russian Federation regulating this sphere.

Keywords: cadastral valuation, market valuation, public property.

В соответствии с Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» (далее – Закон о кадастровой оценке) в отношении государственного или муниципально-

го недвижимого имущества (как и в отношении любой иной недвижимости) периодически проводится государственная кадастровая оценка, а сведения о кадастровой стоимости вносятся в Единый государственный реестр недвижимости

(далее – ЕГРН) и носят открытый и общедоступный характер.

В соответствии с Методическими указаниями о государственной кадастровой оценке, утвержденными Приказом Минэкономразвития России от 12 мая 2017 г. № 226 во исполнение статьей 5 Закона о кадастровой оценке при определении кадастровой стоимости используются по общему правилу методы массовой оценки, при которых осуществляется построение моделей определения кадастровой стоимости, единых для групп объектов недвижимости, имеющих схожие характеристики (пункт 1.3). Таким образом, с методологической точки зрения сегментация недвижимости по формам собственности при проведении кадастровой оценки если и возможна, то в любом случае весьма затруднительна.

При этом кадастровая стоимость объекта недвижимости определяется на основе рыночной информации и иной информации, связанной с экономическими характеристиками использования объекта недвижимости без учета иных, кроме права собственности, имущественных прав на данный объект (пункт 2 статьи 3 Закона о кадастровой оценке и пункт 1.2. Методических указаний), для целей, предусмотренных законодательством Российской Федерации, в том числе для целей налогообложения.

Фактически, цели определения кадастровой оценки носят исключительно фискальный характер в самом широком смысле – формирование доходной части бюджетов (как в части налоговых, так и неналоговых доходов), а также недопущение необоснованных расходов и выпадение обоснованных доходов (путем установления в законе строгой периодичности процедуры установления и пересмотра кадастровой стоимости).

Указание в Законе и Методических указаниях на неисключительность целей определения налоговой базы (важнейшего элемента имущественного налогообложения) посредством кадастровой стоимости в настоящее время имеет основания лишь в случае, если речь идет о кадастровой стоимости земельных участков. Действительно, в отношении указанной категории недвижимости кадастровая стоимость используется для иных фискальных целей – регулируемого ценообразования в отношении сделок аренды и купли-продажи земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности (например, пункт 3 статьи 39.4, пункты 12 и 14 статьи

39.11 Земельного кодекса Российской Федерации, далее – ЗК РФ).

В отношении таких объектов недвижимости, как здания, сооружения, находящиеся в них помещения, а также объектов незавершенного строительства (далее используется, хотя и не тождественный всем перечисленным категориям недвижимости предусмотренный в пункте 10 статьи 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации термин «объект капитального строительства» [2], но позволяющий четко отграничить рукотворные (антропогенные) объекты недвижимости, являющиеся объектами обложения имущественными налогами, от земельных участков, в свою очередь являющихся объектами земельного налога) единственной, носящей не только экономические, но и юридические последствия целью определения кадастровой оценки, является установление налоговой базы по налогам на имущество организаций (статья 378.2 Налогового кодекса Российской Федерации, далее – НК РФ) и физических лиц (статья 402 НК РФ).

Учитывая, что Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и (или) муниципальные образования (далее публично-правовые образования) в силу требований пункта 1 статьи 9, абзаца 2 пункта 2 статьи 11, статей 19, 373 и 400 НК РФ, а также пункта 1 статьи 124 Гражданского кодекса Российской Федерации не могут выступать плательщиками вышеуказанных имущественных налогов, бюджетные ресурсы, затрачиваемые на определение кадастровой стоимости в отношении объектов капитального строительства, находящихся в казне публично-правовых образований [3], расходуются без какого-либо эффекта (бессмысленно), что прямо противоречит одному из базовых принципов бюджетной системы Российской Федерации, предусмотренных статьей 28 Бюджетного кодекса Российской Федерации – эффективности использования бюджетных средств.

При этом в соответствии со статьей 8 Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон об оценке) в случае вовлечения в сделку объектов оценки, принадлежащих публично-правовым образованиям, в том числе при определении стоимости объектов оценки в целях их приватизации, передачи в доверительное управление либо в аренду, проведение рыночной оценки является обязательным.

Согласно информационному письму Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 30 мая 2005 г. № 92 «О рассмотрении арбитражными судами дел об оспаривании оценки имущества, произведенной независимым оценщиком» в случае, если предусмотрена обязанность привлечения независимого оценщика без установления обязательности определенной им величины стоимости объекта оценки, то такая оценка, данная имуществу оценщиком, носит лишь рекомендательный характер и не является обязательной (абзац 6 пункта 1). То есть, израсходовав бюджетные средства на проведение государственной кадастровой оценки (результаты которой не используются) при необходимости вовлечения в сделку публичного имущества, придется повторно потратить бюджетные средства, чтобы получить еще одну оценку (на этот раз рыночную), результат которой использовать не обязательно.

Необходимо обратить внимание на то, что, согласно Методическим указаниям, определение кадастровой стоимости предполагает расчет вероятной суммы типичных для рынка затрат, необходимых для приобретения объекта недвижимости на открытом и конкурентном рынке (пункт 1.2). При невозможности применения методов массовой оценки определения кадастровой стоимости осуществляются индивидуально сравнительный, и (или) затратный, и (или) доходный подходы к оценке (пункт 1.3), что практически асимптотически сближает кадастровую оценку с рыночной (для сравнения можно обратиться к определению рыночной стоимости, данному в статье 3 Закона об оценке) и закономерно нашло в законодательстве свое воплощение в пункте 3 статьи 66 ЗК РФ, согласно которой в случаях определения рыночной стоимости земельного участка кадастровая стоимость этого земельного участка устанавливается равной его рыночной стоимости.

При этом статья 8 Закона об оценке, принятая более 20 лет назад, не учитывает то, что сделки с государственным или муниципальным имуществом могут быть и безвозмездными (например, ссуда), формально обязывая проводить оценку, результат которой совершенно точно не будет использоваться для целей определения условий сделки.

Таким образом, в целях повышения эффективности бюджетных расходов представляется целесообразным *de lege ferenda* использование результатов кадастровой оценки также для целей

приватизации или передачи государственного или муниципального недвижимого имущества в возмездные сделки.

По аналогии с законом *de lege lata* можно привести использование кадастровой оценки для таких целей в земельном законодательстве.

Так, пунктом 12 статьи 39.11 ЗК РФ установлено, что начальной ценой предмета аукциона по продаже земельного участка является по выбору уполномоченного органа рыночная стоимость такого земельного участка, определенная в соответствии с Законом об оценке, или кадастровая стоимость такого земельного участка, если результаты государственной кадастровой оценки утверждены не ранее чем за пять лет до даты принятия решения о проведении аукциона.

Пунктом 14 статьи 39.11 ЗК РФ определено, что начальная цена предмета аукциона на право заключения договора аренды земельного участка устанавливается по выбору уполномоченного органа в размере ежегодной арендной платы, определенной по результатам рыночной оценки в соответствии с Законом об оценке, или в размере не менее полутора процентов кадастровой стоимости такого земельного участка, если результаты государственной кадастровой оценки утверждены не ранее чем за пять лет до даты принятия решения о проведении аукциона.

Таким образом, соответствующий уполномоченный орган может дискреционно выбрать: объявить ли ему аукцион сегодня по заранее известной и общедоступной кадастровой стоимости или же потратить время, усилия по отбору оценщика в рамках контрактной системы для государственных или муниципальных нужд, а также бюджетные средства на определение рыночной стоимости.

Простота, быстрота, доступность, экономичность и прозрачность использования кадастровой стоимости для определения стартовых условий аукционов очевидна. Практика использования рыночной стоимости для целей установления начальных условий земельных аукционов в Москве свидетельствует о неэффективности данного подхода (уровень конкуренции, т. е. количество независимых участников; уровень роста итоговой цены (хаммер-прайса [1]) над начальной, количество состоявшихся торгов).

В частности, в связи принятием Постановления Правительства города Москвы от 9 апреля 2019 г. № 335-ПП, которым в Постановление Правительства города Москвы от 25 апреля 2006 г.

№ 273-ПП «О совершенствовании порядка установления ставок арендной платы за землю в городе Москве» внесены изменения в части определения начальной цены земельных аукционов, осуществлен переход от рыночной оценки начальной цены права аренды земельных участков на такой порядок начального ценообразования, согласно которому для земельных участков устанавливается инвестиционно привлекательная начальная цена аренды на основании их кадастровой стоимости с учетом градостроительных показателей допустимого строительства (в наибольшей степени цена теперь зависит от плотности застройки), а для земельных участков, предоставляемых в аренду для строительства социально значимых или производственных объектов, установлена минимально возможная, согласно ЗК РФ, начальная цена арендного аукциона – 1,5% от кадастровой стоимости.

С начала 2019 г. и до момента принятия указанного постановления процент реализации земельных участков на аукционе составлял в среднем 40% (что соответствовало среднегодовым значениям этого показателя с 2011 г.), а после его принятия процент реализации составил 99%. Значительно повысился уровень конкуренции с 2–3 до 67 участников [2; 3].

В результате такого возросшего интереса в 2019 г. всего было реализовано 104 земельных участка общей площадью более 26 га на сумму 511,9 млн рублей (из них 14 земельных участков – с установленной стартовой ценой 1,5% от кадастровой стоимости). По итогам торгов превышение итоговой цены лота составило в среднем 266,7% от начальной цены.

При этом если сопоставить начальные ставки годовой арендной платы (далее – ГАП) с кадастровыми стоимостями вовлекаемых в оборот участков, выяснится, что после внесения изменений в порядок ценообразования начальный ГАП (за исключением социальных и промышленных объектов, выставляемых, как было указано выше, за 1,5% кадастровой стоимости в год) стал составлять примерно 10%, в то время как при прежнем порядке он доходил до 40% (в зависимости от нормативного, установленного приказом Минстроя России от 27 февраля 2015 г. № 137/пр срока, необходимого для выполнения инженерных изысканий, осуществления архитектурно-строительного проектирования и строительства зданий, сооружений, и прямо пропорционально зависящего от такого срока в соответствии с пунктом 9 статьи

39.8 ЗК РФ предельного срока, заключаемого на торгах договора аренды земельного участка). То есть увеличение инвестиционного спроса было обусловлено снижением стартовых цен в абсолютном выражении, а не изменением порядка расчета, однако указанная практика наглядно демонстрирует, что без проведения рыночной оценки по каждому конкретному лоту уполномоченный орган публичной власти способен эффективно устанавливать начальные цены аукционов нормативными методами (установлением методики расчета), базирующимися на кадастровой оценке.

Кроме того, практика использования вторичных способов продажи объектов капитального строительства (посредством публичного предложения и без объявления цены – статьи 23 и 24 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества», далее – Закон о приватизации) и их аренды (понижение цены на 30% в соответствии с подпунктом «б» пункта 3.3.1.9. Положения об управлении объектами нежилого фонда, находящимися в собственности города Москвы, утвержденного Постановлением Правительства города Москвы от 29 июня 2010 г. № 540-ПП), а также фиксированных начальных ставок ГАП за объекты капитального строительства (в основном – нежилые помещения для субъектов малого и среднего предпринимательства в соответствии с пунктом 2 Постановления Правительства города Москвы от 25 декабря 2012 г. № 809-ПП «Об основных направлениях арендной политики по предоставлению нежилых помещений, находящихся в собственности города Москвы») выявила существенный рост инвестиционного внимания к объектам, начальные цены торгов на которые определены не в размере рыночной стоимости, что, подобно практике земельных аукционов, привело к значительному увеличению числа участников результативных торгов и, как следствие, превышению итоговых цен.

Так, например, на торгах по приватизации городского имущества в Москве в 2019 г., когда стал активно применяться такой способ приватизации, как публичное предложение, и впервые в отношении недвижимости – способ продажи без объявления цены, количество реализованных объектов по сравнению с 2018 г. увеличилось в два раза (2018 г. – 283; 2019 г. – 592), значительно поднялся процент реализации (2018 г. – 53; 2019 г. –

68,9) и почти в два раза выросло среднее количество участников торгов (2018 г. – 7; 2019 г. – 13).

Причем если аналитически разложить процент реализации по способам продажи, то мы увидим, что в 2018 г. указанный показатель для продаж на открытых аукционах составил 54,1%, для продаж с публичного предложения – 40,9%, а продажа без объявления цены не применялась. В 2019 г. эти показатели (без учета продажи машино-мест, которые в 2018 г. массово не продавались и продажа которых имеет особенности) составили соответственно 60,58; 78,54 и 100%.

Поскольку указанные способы приватизации применяются последовательно и лишь в случае, если предыдущий способ не реализован по причине либо полного отсутствия заявок или участников во время процедуры, либо если заявок или участников менее двух (т. е. один участник или одна заявка), приведенная статистика свидетельствует, что предусмотренные законодательством вторичные способы успешно справляются с задачей нивелировать неточную оценку начальной цены на первичном аукционе, т. е. частота применения и результативность вторичных способов неопровержимо свидетельствует о том, что независимые оценщики в значительном количестве случаев не могут предсказать ценовой интервал, интересный инвестору.

На торгах на право заключения договоров аренды нежилых помещений (а также зданий), где с 2017 г. начальные цены определяются и в соответствии с отчетами об оценке, и по фиксированным ставкам (для специализированных аукционов среди субъектов малого и среднего предпринимательства), процент реализации составлял в 2017 г. 65%, в 2018 г. – 57%, а в 2019 г. – 82%, при этом рос (в 2019 г. составил 72,7%) удельный вес торгов по фиксированным начальным ставкам ГАП, причем процент реализации по таким торгам в среднем за весь рассматриваемый период составил 95,3%.

Из приведенных примеров можно сделать вывод, что само проведение рыночной оценки (довольно трудоемкий и длительный по времени процесс) не обеспечивает эффективность торгов. Изменить ситуацию можно двумя разнонаправленными способами: либо повышением качества оценки (за счет улучшения качества отбора и администрирования договоров с оценщиками), либо установлением начальных цен без использования рыночной оценки, в чем может помочь кадастровая оценка.

Так, в зарубежной и международной практике аукционной торговли (особенно в сфере торгов по продаже произведений искусства) уже давно выработан подход, когда эстимейт (т. е. оценка лота) может быть выше не только начальной, но и так называемой резервной цены [4] (цены, ниже которой консигнатор – клиент аукционного дома – не готов продавать свой лот). Эстимейт может и должен лежать в интервале между начальной и «молоточной» ценой (ценой сделки), а последняя находится в интервале между рыночной и инвестиционной стоимостью, как они определены в пунктах 6 и 7 Федерального стандарта оценки «Цель оценки и виды стоимости (ФСО № 2)», утвержденного Приказом Минэкономразвития России от 20 мая 2015 г. № 298.

В отечественной практике антикоррупционная интерпретация статьи 12 Закона о приватизации (начальная цена равна определенной оценщиком в отчете, хотя в указанной статье так не написано) всегда делает ответственным за отсутствие спроса на торгах независимого оценщика, определявшего рыночную стоимость (которую уполномоченный орган произвольно приравнивает к начальной стоимости) лота.

Использование кадастровой оценки имеет ряд таких неоспоримых преимуществ при реализации преимущественного права выкупа в соответствии с Федеральным законом от 22 июля 2008 г. № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 159-ФЗ), как:

- заранее определенная известность, конкретность, общедоступность и прозрачность цены для арендаторов – субъектов малого и среднего предпринимательства;
- сокращение срока оказания государственной услуги (фактически вплоть до оказания ее в режиме онлайн в момент обращения);
- риск оспаривания выкупной стоимости исключительно за пределами государственной услуги (разумный и добросовестный арендатор не обратится за выкупом помещения, цена которого его не устраивает). Де-факто на сегодняшний день арендатор, обращаясь за выкупом, ничего не знает о цене приобретаемого им имущества, так как оценка его проводится арендодателем в двухмесячный срок лишь после получения обращения

в соответствии с подпунктом 1 пункта 3 статьи 9 Закона № 159-ФЗ);

– единая (универсальная) цена для выкупа объекта и налогообложения. В системе действующего правового регулирования покупатель выплачивает публично-правовому образованию платежи рассрочки исходя из одной стоимости (рыночной), а налог на имущество (причем в городах федерального значения даже в один и тот же бюджет) – из другой (кадастровой), что не может не вызывать определенного диссонанса и, как следствие, различные конфликты с властью.

При этом использование для всех вышеперечисленных целей кадастровой оценки вместо рыночной не повлечет упразднения органов государственной власти и местного самоуправления, уполномоченных на рыночную оценку публичного имущества, а сместит фокус их внимания с размещения государственных или муниципальных заказов на проведение рыночной оценки на наиболее оперативную корректировку кадастровой оценки в сторону ее приближения к рыночной, чтобы в случае определения рыночной стоимости она обязательно отражалась в ЕГРН как кадастровая (как это предусмотрено в статье 66 ЗК РФ).

Учитывая изложенное, для использования кадастровой стоимости при совершении сделок с недвижимым имуществом потребуются внесение изменений в законы о приватизации, об оценке, о кадастровой оценке, Закон № 159-ФЗ и иные нормативные правовые акты Российской Федерации.

При этом использование кадастровой стоимости позволит сделать оборот государственной недвижимости, с одной стороны, более прозрачным (так как любой заинтересованный субъект сможет самостоятельно рассчитать собственные расходы на сделку), а с другой – более стабильным.

Учитывая отсутствие какой-либо иной стоимости, определенной в установленном законом порядке, аналогично кадастровой, во всех остальных случаях, кроме вовлечения в сделку публичного недвижимого имущества для недвижимости, вовлечение государственного или муниципального имущества целесообразно сохранить на базе рыночной стоимости, как это сегодня предусмотрено в действующих редакциях законов об оценке и о приватизации.

В связи с этим в целях гармонизации законодательства, регулирующего оборот недвижимости (сближение порядка вовлечения в оборот земельных участков и расположенных на них зданий и со-

оружений), в специальном законодательстве, регулирующем порядок совершения сделок с государственным или муниципальным имуществом, целесообразно предусмотреть, что при совершении возмездных сделок с государственным или муниципальным имуществом цена сделки (начальная цена при проведении первичных торгов) устанавливается в соответствии с законодательством Российской Федерации, регулирующим оценочную деятельность, при условии, что со дня составления отчета об оценке объекта оценки до дня размещения на официальном сайте в Интернете информационного сообщения о торгах в отношении государственного или муниципального имущества либо заключения сделки без проведения торгов прошло не более чем шесть месяцев, за исключением случаев:

– сделок по ценам, установленным законом, либо принятым в соответствии с ним подзаконным актом (регулируемым ценам);

– сделок с недвижимым имуществом, если результаты его государственной кадастровой оценки утверждены не ранее чем за пять лет до даты принятия решения о проведении торгов или совершения сделки без проведения торгов. При этом отчуждение недвижимого имущества осуществляется по кадастровой стоимости; цена по иным возмездным сделкам определяется на основании кадастровой стоимости в порядке, установленном правительством Российской Федерации или уполномоченным им федеральным органом исполнительной власти в отношении федерального имущества, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления – в отношении государственного недвижимого имущества субъектов Российской Федерации и муниципального недвижимого имущества соответственно;

– установления актуальной рыночной цены объекта недвижимого государственного или муниципального имущества, если кадастровая оценка такого имущества, отраженная в ЕГРН, отличается от нее, орган государственной власти или местного самоуправления обязан внести в ЕГРН соответствующие актуальные сведения в порядке, установленном законодательством о кадастровой оценке в срок не более чем шесть месяцев со дня составления отчета об оценке объекта оценки;

– повторных торгов. При этом установить норму о снижении начальной цены предмета торгов (лота), но не более чем на 50% (как это предлагалось в пункте 5 статьи 17 подготовленного Минэкономразвития проекта Федерального закона «Об открытых торгах в Российской Федерации» [5]);

– если в отношении объекта государственного или муниципального имущества проводились торги менее одного года назад, то аналогичная сделка в отношении этого имущества без проведения торгов может быть заключена только по цене, сложившейся на торгах.

Список литературы

1. Гид по арт-бизнесу: словарь аукционных терминов. – URL: <https://baltzer.com/ru/news/310>
2. Торги имуществом – Инвестиционный порта Москвы. – URL: <https://investmoscow.ru/tenders>
3. Итоги реализации городского имущества по результатам торгов. – URL: <https://www.mos.ru/dgi/function/arenda-imushestva-goroda-moskvy/itogy-realizacii-gorodskogo-imushestva/>
4. Аукционы. Как они устроены? – URL: http://rosculturexpertiza.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=66%3Aauctions&catid=47%3Aauction&Itemid=67&lang=ru
5. Нормативные правовые акты. – URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=53011>

Защита прав собственников при принудительном прекращении права частной собственности на земельные участки

Н. Ю. Чаплин

первый заместитель председателя Московской областной думы

Адрес: 129063 Москва, Проспект Мира, д. 72.

E-mail: moduma@yandex.ru

Protection of the Owners' Rights in Case of Compulsory Termination of the Right of Land Private Ownership

N. Yu. Chaplin

First Deputy Chairman of the Moscow Regional Duma

Address: 129063, Moscow, Prospect Mira, 72.

E-mail: moduma@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу норм земельного и гражданского законодательства с позиции выявления проблем в действующем механизме прекращения права частной собственности на земельные участки в принудительном порядке. Автором рассмотрены такие основания принудительного прекращения, как изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд, а также новелла 2018 г. – отчуждение земельного участка, находящегося в частной собственности, в случае его изъятия в связи с неиспользованием такого земельного участка по целевому назначению или его использованием с нарушением действующего законодательства. По результатам рассмотрения основных вопросов, связанных с принудительным прекращением права частной собственности на земельные участки, в статье сделан вывод о том, что механизм изъятия урегулирован в достаточной мере. Вместе с тем анализ действующего законодательства и правоприменительной практики позволил предложить ряд мер, направленных на повышение уровня защиты прав частных собственников земельных участков в случае реализации механизма их принудительного изъятия.

Ключевые слова: земельный участок, неиспользование земельного участка, государственные и муниципальные нужды.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the norms of land and civil legislation from the position of identifying problems in the current mechanism of termination of the right of land private ownership by force. The author considers such grounds for compulsory termination as the seizure of land for state or municipal needs, as well as the novella of 2018 – the alienation of land in private ownership, in the case of its withdrawal in connection with the non-use of such land for its intended purpose or its use in violation of applicable law. According to the results of consideration of the main issues related to the forced termination of the right of private ownership of land, the article concludes that the mechanism of withdrawal is sufficiently regulated. At the same time the analysis of the current legislation and law enforcement practice made it possible to propose a number of measures aimed at increasing the level of protection of the rights of private owners of land plots in the case of the implementation of the mechanism of their forced withdrawal.

Keywords: land plot, non-use of land plot, state and municipal needs.

Согласно статье 44 Земельного кодекса РФ¹ (далее – ЗК РФ), право собственности на земельный участок прекращается при отчуждении собственником своего земельного участка другим лицам, отказе собственника от права собственности

на земельный участок, по иным основаниям, предусмотренным гражданским и земельным законодательством. В числе иных оснований, предусмотренных гражданским и земельным законодательством, следует назвать изъятие земельных

¹ Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 3 августа 2018 г.) (с изм. и доп.,

вступившими в силу с 1 октября 2018 г.) // Российская газета. – 2001. – № 211–212.

участков для государственных или муниципальных нужд, изъятие земельного участка, находящегося в частной собственности, ввиду его неиспользования по целевому назначению или использования земельного участка с нарушением законодательства Российской Федерации, конфискацию и реквизицию земельного участка. Указанные основания предполагают принудительное изъятие земельного участка.

В отраслевом законодательстве регламентирован механизм принудительного изъятия земельного участка. Учитывая, что при этом граждане априори являются слабой стороной по отношению к власти, считаем необходимым проанализировать нормы гражданского и земельного законодательства с позиции надлежащей защиты их прав при принудительном изъятии земельного участка.

Наиболее распространенным случаем принудительного изъятия земельного участка является его изъятие для государственных или муниципальных нужд. Первое, на что следует обратить внимание, – это регулирование указанных отношений нормами гражданского и земельного законодательства. Согласно положениям Гражданского кодекса РФ¹ (далее – ГК РФ), принудительное изъятие у собственника имущества не допускается, кроме случаев, когда по основаниям, предусмотренным законом, производится в том числе отчуждение недвижимого имущества в связи с принудительным отчуждением земельного участка для государственных или муниципальных нужд (пп. 3.2 п. 2 ст. 235 ГК РФ). Согласно пункту 1 статьи 279 ГК РФ, изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд осуществляется в случаях и в порядке, которые предусмотрены земельным законодательством. В этой связи непонятно, почему в ГК РФ далее следуют нормы, посвященные определенным аспектам принудительного изъятия земельного участка. Логичным было бы закрепление на уровне гражданского законодательства порядка пользования и владения изымаемым земельным участком, а также последствий такого изъятия (утрата права собственности). Однако в настоящее время в данной сфере наблюдается дублирование норм. При этом согласно абзацу 2 пункта 2 статьи 3 ГК РФ, нормы гражданского права, которые содержатся в других законах, должны соответствовать ГК РФ. Одновременно в соответствии

с пунктом 1 статьи 2 ЗК РФ нормы земельного права, содержащиеся в других федеральных законах, законах субъектов Российской Федерации, должны соответствовать ЗК РФ. Таким образом, отсутствие четкого разграничения сфер регулирования гражданского и земельного законодательства проявляется и в случае с принудительным прекращением права собственности на земельные участки, что порождает также проблемы на практике ввиду неоднозначного ответа на вопрос о приоритете применения тех или иных норм в случае коллизии.

Стоит отметить, что механизм изъятия земельных участков довольно подробно регламентирован в ЗК РФ. Вместе с тем в решении рассматриваемых вопросов в части принудительного изъятия земельных участков вновь наблюдается смешение норм, содержащихся как в гражданском, так и в земельном законодательстве. Причем наблюдается либо их полное дублирование, либо весьма существенные расхождения. Так, например, в гражданском законодательстве определены последствия такого изъятия, в результате чего осуществляется прекращение права собственности гражданина или юридического лица на такой земельный участок, прекращение иных вещных прав, а также досрочное прекращение договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, или договора безвозмездного пользования таким земельным участком. Со дня прекращения прав на изъятый земельный участок прежнего правообладателя прекращаются сервитут (по общему правилу), залог, установленные в отношении такого земельного участка, а также договоры, заключенные данным правообладателем в отношении такого земельного участка. Кроме того, согласно положениям абзаца 2 пункта 4 статьи 279 ГК РФ, если изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд делает невозможным исполнение правообладателем земельного участка иных обязательств перед третьими лицами (в том числе обязательств, основанных на заключенных правообладателем земельного участка с такими лицами договорах), то прежний правообладатель изымаемой недвижимости вправе расторгнуть в одностороннем порядке заключенные им договоры при условии, что их исполнение станет невозможным в связи с изъятием

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 3 августа

2018 г.) (с изм. и доп., вступившими в силу с 1 сентября 2018 г.) // Российская газета. – 1994. – № 238–239.

указанной недвижимости. Основанием для прекращения указанных обязательств является решение об изъятии земельного участка.

ЗК РФ также содержит отдельные правила, определяющие прекращение и переход прав на земельный участок и (или) расположенные на нем объекты недвижимого имущества в связи с их изъятием для государственных или муниципальных нужд (ст. 56.11. ЗК РФ). При этом указанная норма содержит более расширенный их перечень. В частности, в соответствии с пунктом 1 статьи 56.11 ЗК РФ заключенное соглашение об изъятии недвижимости для государственных или муниципальных нужд либо вступившее в законную силу решение суда о принудительном изъятии земельного участка и (или) расположенных на нем объектов недвижимого имущества, является основанием для перехода права собственности, прекращения иных вещных прав или досрочного прекращения договора аренды земельного участка или договора безвозмездного пользования земельным участком. В числе последствий изъятия земельное законодательство также называет прекращение права оперативного управления или права хозяйственного ведения на объекты недвижимого имущества, находящиеся в государственной или муниципальной собственности и расположенные на изымаемом земельном участке, либо досрочного расторжения договора аренды или договора безвозмездного пользования такими объектами недвижимого имущества; возникновение прав в соответствии с ЗК РФ на земельные участки, образуемые в результате перераспределения земельных участков или перераспределения земель и земельных участков; государственную регистрацию возникновения, прекращения или перехода прав на изъятый земельный участок и (или) расположенные на нем объекты недвижимого имущества; снос объектов недвижимого имущества, расположенных на изъятom земельном участке, за исключением сооружений, размещение которых на таком земельном участке не противоречит цели изъятия.

Считаем, что вопросы, определяющие судьбу прав на изымаемые земельные участки, относятся к предмету регулирования гражданского законодательства. Перенесение из ЗК РФ соответствующих норм в ГК РФ, во-первых, позволит сократить нормативный материал, во-вторых, будет соответствовать юридическому механизму право-творчества [5. – С. 293–297].

К такому же выводу мы приходим в части анализа иных норм статьи 56.11 ЗК РФ. Считаем, что к гражданскому законодательству относятся такие вопросы, как момент прекращения прав на изымаемый земельный участок и (или) расположенные на нем объекты недвижимого имущества (п. 3 ст. 56.11. ЗК РФ); перечисление субъектов, у которых возникают права частной собственности на изымаемый земельный участок и (или) расположенные на нем объекты недвижимого имущества, и особенности их возникновения (п. 4, 5 и 6 ст. 56.11. ЗК РФ) и т. д.

Следует отметить, что действующий механизм изъятия земельных участков в целом позволяет обеспечить защиту прав их собственников, которые в первую очередь заблаговременно должны быть извещены о условиях и сроках изъятия. Им направляется для подписания соглашение об изъятии земельного участка, а также акт оценки изымаемой собственности. На защиту прав собственников направлены нормы, устанавливающие перечень оснований для принудительного изъятия земельных участков; нормы, устанавливающие перечень субъектов, имеющих право принимать решения об изъятии земельных участков для государственных или муниципальных нужд; нормы, устанавливающие порядок подготовки и заключения соглашения об изъятии; порядок определения размера и способов возмещения выкупной стоимости и т. д.

Основания изъятия земельного участка перечислены в статье 49 ЗК РФ. К ним, в частности, относятся следующие:

- 1) выполнение международных договоров Российской Федерации;
- 2) строительство, реконструкция перечисленных в законе объектов государственного значения (объектов федерального значения, объектов регионального значения) или объектов местного значения при отсутствии других возможных вариантов строительства, реконструкции этих объектов;
- 3) иные основания, предусмотренные федеральными законами.

Примечательно, что законодатель в указанной норме говорит об исключительности оснований изъятия земельных участков, что предполагает их закрытый перечень. Одновременно статья 49 ЗК РФ допускает иные основания изъятия, которые могут быть предусмотрены федеральными законами, что делает перечень оснований изъятия открытым. Так, например, основания

для изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд были конкретизированы Федеральным законом «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ и Федеральным законом «Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с присоединением к субъекту Российской Федерации – городу федерального значения Москве территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»², что было обусловлено возникшими социально-экономическими и политическими условиями.

Такой подход отечественного законодателя неоднократно подвергался критике со стороны научного сообщества [1. – С. 204; 6. – С. 40–46]. Решение об изъятии земельных участков может быть принято федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органами местного самоуправления. В данном случае принимаемое решение следует рассматривать как односторонний волевой акт уполномоченного органа, действующего в публичном интересе, что исключает равноправие субъектов рассматриваемых отношений. Для предотвращения принятия произвольных необоснованных решений изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд в целях строительства, реконструкции объектов федерального значения, объектов регионального значения или объектов местного значения допускается только в случаях, если указанные объекты предусмотрены утвержденными документами территориального планирования (за исключением объектов федерального значения, объектов регионального значения или объектов местного значения, которые в соответствии

с законодательством о градостроительной деятельности не подлежат отображению в документах территориального планирования); утвержденными проектами планировки территории.

Как показывает практика, необоснованные решения принимаются нередко. Это обусловлено во многом иной проблемой – отсутствием на законодательном уровне легального определения государственных и муниципальных нужд. Определение государственных и муниципальных нужд дано Верховным Судом Российской Федерации в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2016 год³. В соответствии с указанным документом Верховный Суд Российской Федерации понимает под государственными или муниципальными нуждами потребности публично-правового образования, удовлетворение которых направлено на достижение интересов общества (общественно полезных целей), осуществить которые невозможно без изъятия имущества, находящегося в частной собственности.

По мнению некоторых авторов, следует отказаться от использования рассматриваемой терминологии, заменив ее такими общими понятиями, как «общественные нужды», «общее благо» и т. д. [1. – С. 206; 7. – С. 46].

Тем не менее в отечественной доктрине преимущественно предлагаются различные формулировки определений уже устоявшейся терминологии государственных и муниципальных нужд [2. – С. 68–69; 3. – С. 75].

По нашему мнению, следует согласиться с позицией авторов, предлагающих закрепить на законодательном уровне понятия государственных и муниципальных нужд, что позволит установить четкие критерии для принятия решения об изъятии земельного участка и будет способствовать недопущению случаев необоснованного изъятия. Что касается перечня оснований изъятия земельных участков для государственных и муниципаль-

¹ Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 310-ФЗ (ред. от 28 июня 2014 г.) «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступившими в силу с 1 января 2017 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 49. – Ст. 6071.

² Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 43-ФЗ (ред. от 3 августа 2018 г.) «Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с присоединением к субъекту

Российской Федерации – городу федерального значения Москве территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 14. – Ст. 1651.

³ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 13 апреля 2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2016. – № 11. – Ноябрь (начало); Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2016. – № 12. – Декабрь (окончание).

ных нужд, содержащихся в статье 49 ЗК РФ, считаем, что норма пункта 3 указанной статьи не нарушает принцип исключительности. На местах субъекты Российской Федерации могли устанавливать собственный перечень таких оснований в дополнение к основному вплоть до 11 апреля 2015 г. В настоящее время дополнительные основания изъятия земельных участков могут быть установлены только федеральными законами. Такой подход законодателя заслуживает одобрения, направлен именно на защиту прав частных собственников и не нарушает принцип исключительности принудительного изъятия земельных участков.

Одна из практических проблем, связанных с определением выкупной стоимости изымаемого земельного участка (т. е. с адекватным установлением рыночной стоимости изымаемого участка, а также размера убытков, обусловленных изъятием) и с датой, на которую должна определяться выкупная цена при рассмотрении спора о выкупной цене в суде и назначении по делу экспертизы, на наш взгляд, обусловлена отсутствием у собственника земельного участка возможности самостоятельного выбора организации, осуществляющей оценку рыночной стоимости изымаемого имущества. Оспорить оценку можно только в судебном порядке, для чего следует не подписывать соглашение об изъятии.

Данная возможность собственника выступает одной из гарантий его прав, однако основная масса судебных разбирательств связана именно с оспариванием выкупной цены изымаемого земельного участка. При этом в настоящее время судебная практика идет по пути определения рыночной стоимости изымаемого имущества на дату рассмотрения спора. В целях надлежащей защиты прав собственника земельного участка в случае его принудительного изъятия считаем целесообразным закрепить сложившуюся судебную практику на законодательном уровне, дополнив пункт 4 статьи 57 ЗК РФ абзацем 2 следующего содержания: «В случае если собственник не согласен со стоимостью объекта, установленной в решении уполномоченного органа об изъятии зе-

мельного участка, суд определяет стоимость объекта исходя из его рыночной стоимости на момент рассмотрения спора».

В свою очередь правила возмещения убытков при изъятии земельных участков определены Постановлением Правительства Российской Федерации от 7 мая 2003 г. № 262¹. Однако, несмотря на законодательно закрепленный довольно детализированный механизм определения выкупной цены и действующие правила, С. Козлова, проанализировав судебную практику по соответствующим делам, отмечает, что «... для назначения судом экспертизы выкупной стоимости объекта бывает недостаточно представить иной отчет об оценке и заявить ходатайство о назначении экспертизы, необходимо обосновать, какие конкретные недостатки и несоответствия имеются в отчете об оценке, представленном истцом». При этом она ссылается на Арбитражный суд Приморского края, который при рассмотрении дела «... отказал в назначении экспертизы и при определении выкупной цены объекта недвижимости положил в основу решения отчет об оценке, представленный истцом, указав, что доказательств, свидетельствующих о несоответствии отчета требованиям действующего законодательства и ставящих под сомнение достоверность величины стоимости объекта оценки, ответчик по первоначальному иску суду не представил» [4. – С. 41–49].

Очевидно, что такой подход судебных органов ставит в весьма затруднительное положение собственников изымаемых земельных участков, которые в большинстве случаев не обладают необходимыми знаниями, чтобы выявить и сформулировать несоответствие отчета требованиям действующего законодательства.

В целом же считаем, что снижению судебных разбирательств по данной категории дел, а также повышению качества защиты прав собственника изымаемого земельного участка будет способствовать наделение его правом самостоятельного выбора организации, осуществляющей оценку рыночной стоимости изымаемого имущества и расчета его выкупной стоимости. Если он не вос-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 7 мая 2003 г. № 262 (ред. от 31 марта 2015 г.) «Об утверждении Правил возмещения собственникам земельных участков, землепользователям, землевладельцам и арендаторам земельных участков убытков, причиненных временным занятием земельных участков, ограничением прав соб-

ственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков либо ухудшением качества земель в результате деятельности других лиц» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 19. – Ст. 1843.

пользуется предоставленным ему правом, соответствующий выбор должен осуществлять уполномоченный орган исполнительной власти.

В 2018 г. Федеральным законом № 340-ФЗ¹ ЗК РФ был дополнен новой статьей 54.1, устанавливающей порядок отчуждения земельного участка, находящегося в частной собственности, в случае его изъятия в связи с неиспользованием такого земельного участка по целевому назначению или его использованием с нарушением действующего законодательства.

В соответствии с новыми правилами, если собственник земельного участка не использует его по целевому назначению или использует его с нарушением действующего законодательства данный участок изымается, при этом его отчуждение осуществляется путем продажи с публичных торгов в соответствии с гражданским законодательством с учетом особенностей, предусмотренных правилами ЗК РФ.

Исходя из смысла пункта 3 статьи 54.1 ЗК РФ соответствующее решение об изъятии у собственника земельного участка в связи с неиспользованием его по целевому назначению или использованием его с нарушением законодательства и о его продаже с публичных торгов принимает только суд. Вместе с тем конструкция данной нормы вызывает сомнения, поскольку в новой статье отсутствует прямо установленное правило о том, что основанием для принудительного изъятия земельного участка является вступившее в силу решение суда. Такой вывод мы можем сделать только на основании анализа отдельной нормы, что представляется неправильным с позиции надлежащей защиты прав собственников земельных участков. Кроме того, вызывает недоумение отсутствие в рассматриваемой статье оговорки о том, что применение данного механизма в качестве меры ответственности возможно только после выявления и фиксации факта ненадлежащего использования земельного участка и привлечения к ответственности за совершенное земельное правонарушение по результатам выполнения проверочных мероприятий при проведении плановых и внеплановых проверок соблюдения земельного законодательства, а также при не-

устранении в установленный срок правообладателем земельного участка нарушений, указанных в предписании. Как представляется, дополнение статьи 54.1 ЗК РФ подобной оговоркой по аналогии со статьей 54 ЗК РФ будет дополнительной гарантией защиты прав собственника земельного участка.

Считаем, что статью 54.1 ЗК РФ следует по аналогии со статьей 54 ЗК РФ дополнить пунктом следующего содержания: «Отчуждение земельного участка, находящегося в частной собственности, в случае его изъятия в связи с неиспользованием такого земельного участка по целевому назначению или использованием такого земельного участка с нарушением законодательства Российской Федерации осуществляется на основании вступившего в законную силу судебного акта об изъятии земельного участка (при условии неустранения административного правонарушения, связанного с неиспользованием земельного участка по целевому назначению или использованием с нарушением законодательства Российской Федерации, – после назначения административного наказания)».

В течение шести месяцев с момента вступления в силу решения суда уполномоченный орган местного самоуправления в отношении земельного участка обеспечивает при необходимости образование нового земельного участка, проведение кадастровых работ, а также проводит публичные торги по его продаже. В данном случае возникает вопрос об определении начальной цены изъятых земельного участка. Согласно пункту 4 статьи 54.1 ЗК РФ, начальной ценой будет рыночная стоимость изымаемого земельного участка, которая определяется в соответствии с Федеральным законом «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»². При этом начальная цена в случае проведения повторных торгов снижается на 20% от начальной цены земельного участка на публичных торгах, признанных несостоявшимися. Вырученные от продажи средства выплачиваются бывшему собственнику земельного участка за вычетом расходов на подготовку и проведение публичных торгов, в том числе расходов на проведение кадастровых работ, работ по оценке рыночной стоимости земельного участка.

¹ Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 32 (Часть II). – Ст. 5133.

² Федеральный закон от 29 июня 1998 г. № 135-ФЗ (ред. от 3 августа 2018 г.) «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3813.

Вместе с тем пункт 12 рассматриваемой статьи допускает изъятие земельного участка без какого-либо возмещения, что нарушает конституционный принцип, изложенный в части 2 статьи 35 Конституции Российской Федерации: «принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения». Поскольку федеральное законодательство, в том числе ЗК РФ, не могут противоречить конституционным нормам, предлагаем исключить данный пункт из статьи 54.1 ЗК РФ. При этом очевидно, что исключение правил пункта 12 из статьи 54.1 ЗК РФ приведет к неурегулированной проблеме несостоявшихся неоднократно торгов. Принимая во внимание конституционные правила о гарантиях права частной собственности в данном случае предлагаем предусмотреть

правило, что в перечисленных в пункте 10 статьи 54.1 ЗК РФ случаях возмещение собственнику изымаемого участка осуществляется уполномоченным органом за счет казны соответствующего уровня в размере начальной цены проводимых последних торгов.

По результатам рассмотрения основных вопросов, связанных с принудительным прекращением права частной собственности на земельные участки можно сделать вывод о в целом в достаточной мере урегулированном механизме изъятия. Вместе с тем анализ действующего законодательства и правоприменительной практики позволил предложить ряд мер, направленных на повышение уровня защиты прав частных собственников земельных участков в случае реализации механизма их принудительного изъятия.

Список литературы

1. Белова Т. В., Собенина М. А. Государственные и муниципальные нужды как условие изъятия земельного участка и прекращения права частной собственности на него // Новая наука: стратегии и векторы развития. – 2016. – № 6–2 (88).
2. Верещагина Д. В. К вопросу о понятии государственной или муниципальной нужды как основания изъятия земельного участка // Правовое государство: теория и практика. – 2012. – № 4 (30).
3. Григорьева А. Г. Процедура изъятия земельных участков для государственных нужд // Теория и практика общественного развития. – 2016. – № 5.
4. Козлова С. Процедура изъятия недвижимости по решению суда: анализ проблем на практике // Жилищное право. – 2018. – № 8.
5. Мамедов Э. Ф. Юридическая техника и механизм правового регулирования: понятие и соотношение // Вестник ИрГТУ. – 2013. – № 7 (78). – С. 293–297.
6. Матвеев П. А. Теоретико-правовая характеристика изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд // Юрист. – 2017. – № 13.
7. Рузанов И. В. Конституционная идея общего блага как основание изъятия земельных участков для государственных нужд // Юридический вестник Самарского университета. – 2015. – № 3.

Категории безопасности в гражданском праве Российской Федерации

Г. В. Федулов

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: fedulov.gv@rea.ru

Security Categories in the Russian Federation Civil Law

G. V. Fedulov

Post-Graduate Student of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: fedulov.gv@rea.ru

Аннотация

В статье исследованы основополагающие подходы к отнесению безопасности как категории гражданского права исходя из его определения прежде всего как отсутствие либо устранение элемента опасности, надежное обеспечение сохранности различных нередко разнородных процессов природного, социально-экономического свойства к части бытия и сознания наравне с комфортностью существования, высоким уровнем доходов, высшим образованием, социальным статусом и публичити. Предметом исследования послужили отношения, возникающие в процессе осуществления жизнедеятельности и удовлетворения потребностей, направленных на получение благ в первую очередь, связанных с устранением различного рода опасностей на всем протяжении указанного процесса. Проанализированы начала гражданско-правового обеспечения безопасности, служащие юридическим основанием для дальнейшего совершенствования и развития такого важного вида социальной инициативы, как участие граждан и их объединений в реализации госполитики в области обеспечения безопасности в современных условиях продолжающегося в Российской Федерации процесса становления институтов гражданского общества. В ходе исследования были сделаны следующие основные выводы о том что, во-первых, гражданско-правовое обеспечение безопасности, включая безопасность личную, в том числе в образовательной деятельности, является составной частью комплексной системы правового обеспечения и национальной, и государственной безопасности Российской Федерации, так как на основании конституционного и законодательных подходов, понятия «безопасность», «национальная безопасность» и «государственная безопасность» являются тождественными; их использование и применение, следуя логике Конституции Российской Федерации и Федерального закона «О безопасности», определяются как равнозначные; во-вторых, в современных, не всегда благоприятных условиях, вызванных процессами глобализации и кибервоздействия, государство и его институты, включая институты образовательные (образовательные организации), обязаны обеспечивать безопасность личности, включая безопасность субъектов образовательной деятельности, что является их неотъемлемым правом как обладателей нематериального блага, присущего субъектам гражданско-правовых отношений.

Ключевые слова: благо, бытие, сознание, комфортное существование, жизнедеятельность, потребление, безопасность, защита, договор, образование, организация, среда, сфера, деятельность.

Abstract

In the article examines the fundamental approaches to the classification of security as a category of civil law, based on its definition primarily as the absence or elimination of the element of danger, reliable security; applicability to various, often heterogeneous processes of natural, socio-economic, etc. properties; attribution to a part of being and consciousness, along with the comfort of existence, high income, higher education, social status and publicity. The subject of the study was the relationship arising in the process of life and satisfaction of needs aimed at obtaining benefits and, first of all, the benefits associated with the elimination of various kinds of dangers throughout this process. Analyzed the basic principles of civil security officers legal basis for further improvement and development of such important social initiatives, which is considered as the participation of citizens and their associations in the implementation of state policy in the field of security in modern conditions

continued in Russia the process of formation of institutions of civil society. In the course of the study, the following main conclusions are made that, first, civil law security, including personal security, including in educational activities, is an integral part of the complex system of legal support for both national and state security of the Russian Federation, as on the basis of constitutional and legislative approaches, the concepts of "security", "national security" and "state security" are identical; their use and application, following the logic of the Constitution of the Russian Federation and the Federal law on security, is defined as equivalent and, secondly, in the modern, not always favorable conditions caused by the processes of globalization and iberostate, the state and its institutions, including the educational institutions (educational institutions) are required to ensure the security of the individual, including the safety of subjects of educational activity, which is their inalienable right as owners of intangible good inherent in subjects of civil law relations.

Keywords: good, being, consciousness, comfortable existence, life activity, consumption, security, protection, contract, education, organization, environment, sphere, activity.

В современной отечественной цивилистической науке категория безопасности на уровне общественного сознания в целом воспринимается как «состояние защищенности, гарантирующее устойчивое развитие того или иного объекта» [16. – С. 4], при этом рассматриваемая категория может быть определена прежде всего как отсутствие (устранение элемента) опасности, надежность (надежное обеспечение), сохранность (обеспечение сохранности); она применима к различным нередко разнородным процессам природного, социально-экономического свойства, о чем достаточно подробно сказано в трудах таких известных российских ученых, как А. И. Васильев [5. – С. 7], Э. С. Иззадуст [9. – С. 12], В. Л. Райгородский [14. – С. 18], С. В. Степашин [18. – С. 48], Т. Э. Шуберт [20. – С. 32]. Наравне с комфортностью существования, высоким уровнем доходов, высшим образованием, «социальным статусом и паблсити» [2. – С. 148] безопасность прежде всего рассматривается в качестве одного из важнейших социальных благ. Она всецело отвечает целям и устремлениям современного человека, является неотъемлемой частью бытия и сознания, о чем идет речь в трудах Е. В. Богданова [4. – С. 29], А. И. Иванчака¹, О. А. Красавчикова [13. – С. 29], Р. А. Курбанова² и др., способствуя формированию правосознания и правовой культуры, духовному росту и зрелости индивида, постоянному развитию личности.

Действительно, безопасность является состоянием отсутствия опасности. Другими словами, безопасность являет собой полную противоположность (альтернативу) другой категории гражданского права – опасности.

По своей правовой природе опасность – это «состояние, при котором создалась или вероятна угроза возникновения поражающих факторов и воздействий источника... (источника опасности. – Г. Ф.)» (п. 3.12 ст. 3 СП 88.13330.2014³) на человека (население), имущество (хозяйственные объекты – объекты экономической деятельности) и окружающую среду, т. е. при опасности возникает возможность причинения ущерба человеку, имуществу и (или) окружающей среде.

Основополагающей категорией опасности выступает наличие факторов (или конкретной ситуации), определяющих их способность вызывать неблагоприятные последствия для человека, имущества, окружающей среды «при определенных условиях воздействия» (п. 10 ч. 1 ст. 3 МР 2.1.10.0033-11. 2.1.10⁴). Таким образом, опасность, представляя собой зло, не является благом. Поэтому во избежание наступления зловердных (злых, вредных) последствий, вызванных состоянием опасности, необходимо прибегнуть к принятию мер безопасности, устраняющих возможные негативные (зловердные) последствия, обращая такого рода действия (в комплексе своем образующим категорию безопасность, являющуюся объектом гражданского права) [11. – С. 8] во

¹ Иванчак А. И. Гражданское право Российской Федерации: Общая часть: учебное пособие. – М.: Статут, 2014.

² Гражданское право. Общая и особенная части: учебник / под ред. Р. А. Курбанова. – М.: Проспект, 2019.

³ СП 88.13330.2014. Свод правил. Защитные сооружения гражданской обороны. Актуализированная редакция СНиП II-11-77. Утв. Приказом Минстроя России от 18 февраля 2014 г. № 59/пр. – М.: Минстрой России, 2014.

⁴ МР 2.1.10.0033-11. 2.1.10. Состояние здоровья населения в связи с состоянием окружающей среды и условиями проживания населения. Оценка риска, связанного с воздействием факторов образа жизни на здоровье населения. Методические рекомендации. Утв. Роспотребнадзором 31 июля 2011 г. – М.: Федеральный центр гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора, 2012.

благо человеку, имуществу, окружающей среде, создавая тем самым нематериальное благо для человека.

Презумпция опасности, или предположение опасности, в повседневной жизнедеятельности человека, в осуществлении им экономической деятельности, в том числе образовательной, объективно предопределяет важность принятия контрмер, направленных на предотвращение негативных последствий, вызванных постоянным состоянием опасности, в результате чего безопасность должна также обеспечиваться на постоянной основе, снижая риски наступления указанных неблагоприятных последствий. Так, одной из наиболее важных проблем, которую каждому человеку приходится решать ежедневно и многократно, является обеспечение безопасности продуктов питания начиная от их производства и заканчивая приготовлением и употреблением в пищу. На каждом из этапов обращения продуктов питания законодательно презюмируется опасность окружающей среды (ст. 3 Федерального закона об охране окружающей среды)¹, другими словами, в Российской Федерации применяется «принцип презумпции экологической опасности, который заключается в том, что любая хозяйственная деятельность и, следовательно, любой объект такой деятельности априори признается экологически опасным» [11. – С. 13].

Соблюдение мер безопасности на каждом из этапов обращения продуктов питания обеспечивает человеку возможность снизить риск наступления неблагоприятных последствий, например, из-за возможности пищевого отравления, вызванного некачественными продуктами либо нарушением технологии производства, хранения и приготовления продуктов питания, при употреблении их в пищу. Аналогичным образом целесообразно соблюдение мер безопасности в любой сфере человеческой деятельности, в том числе в образовательной. Соблюдение мер безопасности в учебно-воспитательном процессе позволяет снизить не только риск получения травм (риск травматизма),

но и надлежащим образом устранить опасность кибервоздействия, нападения злоумышленников на образовательную организацию и др., возводя безопасность как категорию гражданского права [8. – С. 12] в нематериальное благо наравне с жизнью и здоровьем, достоинством личности и т. д.

В современном гражданском праве безопасность выступает в качестве одного из основополагающих элементов «стабильности развития всей системы гражданско-правовых отношений, выражающихся в постоянном и целенаправленном процессе прогнозирования, минимизации, устранения, предупреждения опасностей и угроз посредством функционирования механизмов управления рисками и охранно-защитных механизмов, в случае причинения вреда частноправовым и социально значимым интересам, направленным на стабилизацию и обеспечение условий для нормального функционирования и развития всей экономической системы общества» [1. – С. 76]. Приведенное определение, по нашему мнению, заслуживает внимания как с теоретической, так и с практической точек зрения и позволяет максимально точно отразить всю многоаспектность понятия «безопасность» как категории гражданского права в соответствии с целям проводимого исследования.

В современной России под термином «безопасность» прежде всего принято понимать не только «состояние защищенности» (ч. 6 Указа Президента РФ о СНБ РФ²), но и «отсутствие недопустимого риска», при этом риска, «связанного с возможностью причинения вреда и (или) нанесения ущерба»³. В связи с этим немаловажно сделать оговорку о том что, несмотря на установление рассматриваемой дефиниции вступившим в силу 26 декабря 2011 г. международным договором Российской Федерации – Соглашением правительств государств – членов Евразийского экономического сообщества от 25 января 2008 г. «О проведении согласованной политики в области

¹ Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2018. – Т. 2.

² Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1 (ч. II). – Ст. 212.

³ Соглашение Правительств государств – членов Евразийского экономического сообщества от 25 января 2008 г.

«О проведении согласованной политики в области технического регулирования, санитарных и фитосанитарных мер» // Бюллетень международных договоров. – 2012. – № 8 (действие указанного документа, начавшееся с 26 декабря 2011 г., было приостановлено с 1 января 2015 г. и прекращено 10 октября 2014 г., – с даты вступления в силу Договора о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества (Подписан в г. Минске 10 октября 2014 г.).

технического регулирования, санитарных и фитосанитарных мер»¹, действие которого было приостановлено с 1 января 2015 г. и прекращено с 10 октября 2014 г. в силу Договора о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества² (ЕврАзЭС), данная норма не только продолжает распространяться на правоотношения, возникшие в период с 26 декабря 2011 г. по 1 января 2015 г., но и является базовой для всех государств – членов Евразийского экономического сообщества (ЕАЭС), деятельность которого официально началась 12 августа 2017 г.³, в том числе и для Российской Федерации, так как эта закрепленная в пункте 6 части 1 статьи 29 возможность применения ограничений во взаимной торговле, если таковые необходимы для «обеспечения обороны страны и безопасности государства – члена» ЕАЭС, но не содержат собственной дефиниции термина «безопасность», что позволяет говорить о доктринальной и, возможно, юридически обоснованной экстраполяции такой дефиниции из вышеупомянутого Соглашения правительств государств – членов ЕврАзЭС «О проведении согласованной политики в области технического регулирования, санитарных и фитосанитарных мер», но и на правовые акты ЕАЭС, но исключительно до принятия международного договора, закрепляющего таковую дефиницию в формате действующей организации, которой является ЕАЭС.

В современных условиях глобализации процессов мирового развития, международных политических и экономических отношений, развития цифровой экономики и экономики в свободном доступе (sharing economy) [15. – С. 139], «формирующих новые угрозы и риски для развития личности, общества и государства, Россия в качестве гаранта благополучного национального развития формирует и предпринимает попытки реализации новой государственной политики в области национальной безопасности» [12. – С. 3].

В первую очередь обратимся к основам правового обеспечения безопасности, регламентированным политико-правовым актом, имеющим высшую юридическую силу в России, а именно к Конституции РФ⁴, прямо запрещающей «подрыв безопасности государства» (ч. 5 ст. 13); закрепляющей право каждого на труд «в условиях, отвечающих требованиям безопасности» (ч. 3 ст. 37); допускающей возможность ограничения на основании федерального закона прав и свобод человека и гражданина, в частности, в целях обеспечения «безопасности государства» (ч. 3 ст. 55), а также установления указанных ограничений в соответствии с федеральным конституционным законом в первую очередь для обеспечения «безопасности граждан» [3. – С. 28] (ч. 1 ст. 56), являющейся «одним из начал обеспечения стабильности общества, развития человеческой личности, сохранения жизни и здоровья граждан»; относящей безопасность к исключительному ведению Российской Федерации (п. «м» ст. 70) и к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, в том числе и защиту «общественной безопасности», а также «обеспечение экологической безопасности» (п. «б» ст. 72); предусматривающей введение в соответствии с федеральным законом ограничений перемещения товаров и услуг, «если это необходимо для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей (т. е. обеспечения личной безопасности. – Г. Ф.), охраны природы и культурных ценностей» (ч. 2 ст. 74); устанавливающей, что при вступлении в должность президента Российской Федерации в словах присяги должны содержаться, в том числе следующие слова: «клянусь... защищать безопасность и целостность государства...» (абзац второй п. 1 ст. 82); относящей к полномочиям президента Российской Федерации формирование и руководство на правах главы Совета Безопасности Российской Федерации (п. «ж» ст. 83);

¹ Межправительственное соглашение, заключенное в формате прекратившего в настоящее время деятельность ЕврАзЭС, в связи с чем данное соглашение утратило юридическую силу, но в период своего действия с 26 декабря 2011 г. по 1 января 2015 г. (более трех лет) вплоть до его полного прекращения 10 октября 2014 г. являлось международным договором Российской Федерации, т. е. согласно части 4 статьи 15 Конституции РФ, составной частью правовой системы России; при этом необходимо учитывать, что в международном праве все международные договоры, соглашения, конвенции и т. п. имеют равную юридическую силу.

² Договор о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества (Подписан в г. Минске 10 октября 2014 г.) // СПС КонсультантПлюс.

³ Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.). – URL: <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 20.01.2020).

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 31. – Ст. 4398.

исключающей из иммунитета членов Совета Федерации и Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации запрет на их личный досмотр случаи, в которых такие действия в отношении перечисленных лиц предусмотрены (предусмотрены не только прямо, но и опосредованно, когда предусмотрен личный досмотр всех граждан) федеральным законом «для обеспечения безопасности других людей» (ч. 1 ст. 98), т. е., обеспечения личной безопасности физических лиц; относящей к компетенции правительства Российской Федерации осуществление мер «по обеспечению... государственной безопасности» (п. «д» ч. 1 ст. 114).

Следуя правилам, предусмотренным для дедуктивного метода познания в соответствии с конституционным актом, в нашей стране на общероссийском, государственном уровне в первую очередь обеспечивается безопасность личности (так, в вводной части действующей Конституции РФ декларируются и закрепляются «права и свободы человека»; далее следуют безопасность общества – «гражданский мир и согласие» и безопасность государства – «государственное единство»), т. е. человека и гражданина (немаловажно отметить, что в ряде нормативных правовых актов Российской Федерации превалирование обеспечения безопасности личности не всегда соблюдено исходя из целей и задач соответствующего правового акта). Например, «достоинство личности охраняется государством» (ч. 1 ст. 21), при этом в соответствии со статьей 64 положения главы 2 «Права и свободы человека и гражданина», что вполне логично для современного демократического правового государства, каковым уже более двух с половиной десятилетий является Россия, «составляют основы правового статуса личности» в Российской Федерации, которые в свою очередь «не могут быть изменены иначе как в порядке, установленном» Конституцией РФ.

Таким образом, правовое регулирование направлено прежде всего на обеспечение безопасности личности (человека и гражданина), общества (включая общественные объединения

граждан и юридических лиц, притом что формально общественные объединения граждан могут быть не зарегистрированы в качестве юридических лиц и легитимно осуществлять свою общественную деятельность на основе самоорганизации) и государства.

Правовое содержание безопасности раскрывается также в целом ряде отраслевых нормативно-правовых актов, среди которых важно отметить федеральные законы о пожарной безопасности¹, о федеральной службе безопасности², о радиационной безопасности населения³, о качестве и безопасности пищевых продуктов⁴ и др.

Одним из наиболее значимых отраслевых федеральных законов в исследуемой сфере является указанный ранее Федеральный закон «О безопасности», ставший «краеугольным камнем» новой российской политики в обеспечении безопасности страны» [12. – С. 4] и определивший в качестве предмета своего регулирования основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности и иных, предусмотренных законодательством Российской Федерации видов безопасности (национальной безопасности).

Термин «национальная безопасность» отсутствует в Конституции РФ. Впервые он был закреплен на законодательном уровне Федеральным законом от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации», утратившим силу 8 августа 2006 г. в связи с принятием Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который однако не раскрывает понятие «национальная безопасность». В данном контексте отметим, что в утратившем силу 17 октября 2015 г. Законе Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности», его абзацем 3 статьи 1 к основным объектам безопасности были прямо отнесены личность, а именно, ее права и свободы, общество (его материальные и духовные ценности) и государство (его конституционный

¹ Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 35. – Ст. 3649.

² Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 15. – Ст. 1269.

³ Федеральный закон от 9 января 1996 г. № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 141.

⁴ Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 2. – Ст. 150.

строй, суверенитет и территориальная целостность). Таким образом, как отмечалось выше исходя из целей и задач исследуемого нормативного правового акта – действующего Федерального закона о безопасности, – деятельность по обеспечению безопасности личности в вышеприведенном перечне поставлена не на первое место, что, по нашему мнению, требует внесения изменений, направленных на приведение положений Федерального закона о безопасности к конституционным нормам.

В свою очередь обращаясь к вышеуказанному термину «национальная безопасность», отметим, что таковой отсутствует в Конституции РФ; использованы исключительно термины «безопасность» и «государственная безопасность». Законодательная дефиниция национальной безопасности в настоящее время отсутствует. Весьма ценным в связи с этим представляется мнение, с которым нельзя не согласиться, высказанное известным российским правоведом, профессором А. М. Вороновым о том, что «принятие Закона стало важной вехой в развитии теории безопасности... однако данный Закон не содержит дефиницию «национальная безопасность» [7. – С. 35].

Данный пробел Федерального закона о безопасности был отчасти восполнен утратившим силу 30 декабря 2015 г. Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 (в ред. от 1 июля 2014 г.), закрепившим в абзаце первом пункта 6 статьи 1 раздела I, что «национальная безопасность – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства». Таким образом, при определении терминов, касающихся вопросов безопасности, в отличие от упомянутых ранее утративших силу норм международных договоров Российской Федерации в формате ЕврАзЭС, стало применяться слово «состояние», в том числе словосочетание «состояние защищенности».

Сразу полагаем важным сконцентрировать внимание на использовании в тексте дефиниции «национальная безопасность» вместо слова «состояние», которое неоднократно вызывало негативную реакцию у отдельных представителей законодательных органов и научных работников. Так, например, известный российский правовед,

профессор В. Г. Вишняков, считающийся «принципиальным противником данной юридической конструкции» [17. – С. 9], выступающий в своих научных работах с критикой в том числе по поводу существующей дефиниции термина «национальная безопасность» именно как «состояния защищенности», которые, что немаловажно, отсутствовали в утратившем в настоящее время юридическую силу международном договоре Российской Федерации, заключенном в формате взаимодействия с региональной международной организацией ЕврАзЭС, носившего название «Соглашение правительств государств – членов Евразийского экономического сообщества от 25 января 2008 г. «О проведении согласованной политики в области технического регулирования, санитарных и фитосанитарных мер». По мнению В. Г. Вишнякова, Российская Конституция устанавливает, использует и другие, более точные и значимые, понятия, такие как «принимает меры», «защищает», «гарантирует», «обеспечивает», «осуществляет», «привлекает к ответственности» [6. – С. 29] и др.

Термин «состояние» в Конституции РФ встречается трижды и содержится в статье 42 (право каждого «на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии...»), части 2 статьи 92 (президент РФ «прекращает исполнение полномочий досрочно в случае его отставки, стойкой неспособности по состоянию здоровья...») и части 3 статьи 92 (во всех случаях, когда президент РФ «не в состоянии выполнять свои обязанности...»). Таким образом, к состоянию защищенности конституционные нормы прямого отношения не имеют.

Обращаясь к категории «состояние» важно отметить, что известный российский цивилист Л. А. Чеговадзе, определила таковую категорию, как «правовое положение субъектов в процессе возникновения, становления и развития гражданско-правовых отношений» [19. – С. 442]. По ее заслуживающему вниманию мнению, правовое состояние фактически «предопределено характером соотношения прав и обязанностей индивидуумов в рамках данного правоотношения и во взаимосвязи с другими гражданско-правовыми отношениями» [19. – С. 442]. При этом, по мнению Л. А. Чеговадзе, правоотношение может существовать и в состоянии сотрудничества сторон в устройстве (обеспечении баланса) их социальных

вязей (дружественном состоянии), и в конфликтном (недружественном) состоянии¹.

На основании приведенных положений полагаем возможным сделать вывод о том, что категория «состояние» применительно к состоянию защищенности, достаточно точно характеризует родовой признак баланса интересов, который в свою очередь характеризует правоотношение в состоянии баланса интересов [10. – С. 6], обеспечивая равновесие между состоянием опасности и его антипода – безопасностью.

Приведенная в преамбуле Федерального закона о безопасности норма, не только фактически, но и юридически приравняющая термины «безопасность» и «национальная безопасность», по нашему мнению, позволяет, сообразуясь с нормами российской Конституции, понимать под используемым в Федеральном законе «О безопасности» термином «безопасность» не только прямо указанный термин «национальная безопасность», но и термин «государственная безопасность».

Таким образом, для целей, определенных Федеральным законом «О безопасности», термины «безопасность», «национальная безопасность» и «государственная безопасность» целесообразно признать юридически равнозначными (тождественными), равными по смыслу (смысловой принадлежности). По аналогии подобный тождественный триумвират (триада) представляется вполне логичным и обоснованным при толковании положений нормативных правовых актов Российской Федерации, регламентирующих вопросы безопасности, в том числе безопасности, обеспечиваемой не только на государственном (Российская Федерация и ее субъекты), но и муниципальном уровне, например, деятельность ОМС по обеспечению безопасности, прежде всего личной безопасности граждан – физлиц, проживающих на территории соответствующего муниципального образования, осуществляемая при реализации задач местного значения, в том числе «осуществление мероприятий по обеспечению безопасности людей на водных объектах, охраны их жизни и здоровья» (п. 24 ч. 1 ст. 15 ФЗ об ОМС), а также на

уровне общественных объединений, негосударственных организаций, в том числе функциональную деятельность (функции) по обеспечению безопасности, осуществляемую организациями с «особыми уставными задачами»² (например, подразделения вневедомственной охраны и частными охранными организациями), распространение (экстраполяцию) публично-правовых норм о безопасности на частноправовые нормы с учетом общеизвестных правил превалирования императивных норм над диспозитивными или как это трактуется в международном частном праве, «примат жестких норм над мягкими нормами», позволяющий применение диспозитивных (мягких), имеется в виду прежде всего гражданско-правовых, семейно-правовых и трудовые нормы в сфере правового регулирования вопросов обеспечения безопасности и в первую очередь безопасности личной, на «капиллярном» уровне общегосударственной системы безопасности. При этом вопросы гражданско-правового обеспечения безопасности в образовательной деятельности, прежде всего личной безопасности физических лиц – субъектов указанного вида деятельности, по смыслу преамбулы Федерального закона о безопасности отнесены к иным видам безопасности, предусмотренным законодательством Российской Федерации. Следовательно, гражданско-правовое обеспечение безопасности, включая безопасность личную, в том числе в образовательной деятельности, является составной частью комплексной системы правового обеспечения и национальной, и государственной безопасности Российской Федерации (так как на основании вышеизложенных конституционного и законодательных подходов понятия «безопасность», «национальная безопасность» и «государственная безопасность» являются тождественными; их применение, следуя логике Конституции РФ и Федерального закона о безопасности, определяется как равнозначное).

Подводя итоги резюмируем. В соответствии с нормами гражданского законодательства, установленными в статье 1 ГК РФ, в целях защиты ос-

¹ Государственное регулирование деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций : монография. – М. : Инфра-М, 2019. – Сер. Научная мысль – 100 лет ФУ. – С. 432.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 22 апреля 1997 г. № 460 «О мерах по обеспечению юридических лиц с особыми уставными задачами боевым ручным

стрелковым оружием» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 17. – Ст. 2010.

нов конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства гражданские права (права граждан) «могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо» (абзац первый п. 2 ст. 1 ГК РФ). Гражданским законодательством также определены и иные нормы, предусматривающие правила обеспечения безопасности, включая личную безопасность в гражданско-правовой сфере. Указанный гражданско-правовой подход, несомненно, служит юридическим основанием для дальнейшего совершенствования и развития такого важного вида социальной инициативы¹, каким является участие граждан и их объединений в реализации госполитики в области обеспечения безопасности в современных условиях продолжающегося в Российской Федерации процесса становления институтов гражданского общества.

Завершая исследование категории безопасности в гражданском праве Российской Федерации, учитывая что в современных условиях глобального внедрения цифровизации, распространения киберугроз и роста числа лиц, подверженных неблагоприятному влиянию, в том числе негативной информации, распространяемой публично средствами массовых коммуникаций прежде всего через глобальную сеть Интернет, а также иными, не всегда легитимными методами и средствами, резко возросло количество противоправных деяний, проявлений экстремизма и других

негативных явлений, в том числе в молодежной среде, включая массовые убийства и акты терроризма (специальные антитеррористические нормативные правовые акты, учитывающие безопасность в образовательных организациях, уже приняты в США, Великобритании, Франции, России, Австралии и ряде других государств), происходящие и в образовательных организациях, немалая часть которых непосредственно затрагивает вопросы обеспечения безопасности образовательной среды в целом и образовательных организаций в том числе, прежде всего личной безопасности физических лиц – субъектов образовательной деятельности, учитывая, что в соответствии с Федеральным законом о безопасности субъекты безопасности должны обеспечивать безопасность личности, общества, государства, при этом согласно подпункту 2 пункта 6 статьи 28 Федерального закона об образовании в Российской Федерации, образовательные организации обязаны «создавать безопасные условия обучения, воспитания обучающихся, присмотра и ухода за обучающимися, их содержания в соответствии с установленными нормами, обеспечивающими жизнь и здоровье обучающихся, работников образовательной организации», т. е. другими словами, обеспечивать безопасность субъектов образовательной деятельности (что является их неотъемлемым правом) как нематериального блага субъектов гражданского права.

Список литературы

1. *Абрамов В. В.* Категория «безопасность» в гражданском праве // Общество и право. – 2011. – № 5. – С. 74–78.
2. Государственное регулирование деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций : монография. – М. : Инфра-М, 2019. – Сер. Научная мысль – 100 лет ФУ.
3. *Богданов Е. В.* Правовая природа и содержание права российских граждан на безопасность // Юрист. – 2019. – № 4. – С. 28–34.
4. *Богданов Е. В.* Проблемы правосубъектности человека // Государство и право. – 2017. – № 1. – С. 23–29.
5. *Васильев А. И.* Система национальной безопасности Российской Федерации (конституционно-правовой анализ) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 1999.

¹ Государственное регулирование деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций : монография. – М. : Инфра-М, 2019. – Сер. Научная мысль – 100 лет ФУ. – С. 434.

6. Вишняков В. Г. О методологических основах правового регулирования проблем безопасности Российской Федерации // Журнал российского права. – 2005. – № 9. – С. 27–39.
7. Воронов А. М. Концепция общественной безопасности: вопросы реализации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2014. – Вып. 4 (26). – С. 35–42.
8. Воротников А. А., Баринев П. С. К вопросу о жизнеспособности правовых категорий и аксиом // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 6 (107). – С. 11–17.
9. Иззадуст Э. С. Национальная безопасность России: институциональный контекст и человеческое измерение. – М. : Academia, 2010.
10. Капюжный Ю. Н. Отдельные теоретические подходы к толкованию понятия «безопасность дорожного движения» // Транспортное право. – 2016. – № 2. – С. 3–7.
11. Кодолова А. В. Особенности гражданско-правового статуса юридических лиц, эксплуатирующих экологически особо опасные объекты. – М.: КонсультантПлюс, 2009.
12. Котухов С. А., Кузьмин В. А., Соболева Ю. В. Комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (постатейный). – М. : КонсультантПлюс, 2011.
13. Красавчиков О. А. Гражданская правосубъектность как правовая форма. Категории науки гражданского права : избранные труды : в 2 т. – М., 2005. – Т. 2. – С. 31–32.
14. Райгородский В. Л. Национальная безопасность России: политико-правовые средства обеспечения : монография / науч. ред. П. П. Баранов. – Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ, 2004.
15. Родионова О. М. Проблемы совершенствования российского гражданского права в цифровую эпоху // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 3. – С. – 137–141.
16. Рыбаков В. А., Ирошников Д. В. О гражданско-правовом механизме обеспечения безопасности личности // Юрист. – 2017. – № 2. – С. 4–9.
17. Степанов А. В. Понятие категории «национальная безопасность»: теоретико-правовой анализ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2015. – № 2. – С. 8–17.
18. Степашин С. В. Безопасность человека и общества (политико-правовые вопросы) : монография. – СПб. : Пресс, 1994.
19. Чеговадзе Л. А. Структура и состояние гражданского права . – М.: Статут, 2004.
20. Шуберт Т. Э. Национальная безопасность России: конституционно-правовые аспекты. Сравнительно-правовое исследование. – М. : Право и Закон, 2001.

Проблемы защиты чести, достоинства и деловой репутации по законодательству Российской Федерации

Р. Х. Давыдов

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: davydovnet@ya.ru

Problems of Protection of Honor, Dignity and Business Reputation Under the Legislation of the Russian Federation

R. Kh. Davydov

Post-Graduate Student of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation
E-mail: davydovnet@ya.ru

Аннотация

Проблемы защиты чести, достоинства и деловой репутации (как граждан, так и организаций) в условиях рыночной экономики связаны с публичным распространением порочащей информации (или сведений о лице) в настоящее время приобретают особую значимость и требуют адекватного гражданско-правового регулирования. Актуальность и важность защиты чести, достоинства и деловой репутации обуславливаются тем, что данные категории нематериальных благ всегда выступали гарантией стабильности общественных отношений, а человеческая порядочность – важнейшим условием благополучного развития общества и государства. Понятия «честь», «достоинство» и «деловая репутация» являются взаимосвязанными и взаимообусловленными, имеющими единую теоретическую, правовую и социальную основу. Общетеоретическую базу настоящей статьи составили научные труды выдающихся ученых, среди которых М. М. Агарков, С. И. Братусь, О. С. Иоффе, Н. И. Матузов, А. П. Сергеев, А. М. Эрделевский и др. Методологическая основа статьи представлена общенаучными и специальными методами. Системный метод использовался при исследовании формирования понятий чести, достоинства и деловой репутации в процессе их развития и до настоящего времени. Методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, метод аналогии, а также дескриптивный метод использовались для установления факторов, влияющих на правовое регулирование в указанной сфере. Помимо вышеуказанных методов, были использованы такие методы, как сбор и обработка данных для теоретического описания исследуемых общественных отношений. Сформулированные в статье выводы могут быть полезны для последующего исследования, анализа и выявления актуальных проблем в сфере защиты нематериальных благ в части уточнения научных представлений о таких понятиях, как «честь», «достоинство», «деловая репутация», а также способов их защиты.

Ключевые слова: защита нематериальных благ, компенсация морального вреда, защита прав субъектов, порочащая информация, моральный вред, физические и нравственные страдания, причиненные убытки, репутационный ущерб, презумпция морального вреда, способы защиты чести, достоинства и деловой репутации, опровержение сведений, диффамация.

Abstract

Problems of protecting honor, dignity and business reputation (both of citizens and organizations) in a market economy are expressed in the public dissemination of defamatory information (or information about a person) and are currently gaining special significance and require adequate civil law regulation. The relevance and importance of protecting honor, dignity and business reputation is determined by the fact that these categories of intangible goods have always been a guarantee of the stability of public relations, and human decency is the most important condition for the successful development of society and the state. The concepts of «honor», «dignity» and «business reputation» are closely interconnected and interdependent, having a single theoretical, legal and social basis. The general theoretical basis of this work was made up of the scientific works of outstanding scientists, including M. M. Agarkov, S. I. Bratus, O.S. Ioffe, N. I. Matuzov, A. P. Sergeev, A. M. Erdelevsky and others. The methodological basis was made up of general scientific and special methods. The

systemic method was used to study the formation of the concepts of «honor», «dignity» and «business reputation», as well as the process of their development to date. The methods of analysis and synthesis, induction and deduction, the analogy method, as well as the descriptive method were used to establish factors that affect legal regulation in this area. In addition to the above methods, methods such as data collection and processing for the theoretical description of the studied social relations were used. The conclusions formulated in this paper can be useful for subsequent research, analysis and identification of urgent problems in the field of protection of intangible goods, and the study is a comprehensive work devoted to urgent problems in the field of protection of intangible goods, which will allow further research in terms of clarifying scientific ideas about such concepts as «honor», «dignity», «business reputation», as well as how to protect them.

Keywords: protection of intangible goods, compensation for moral harm, protection of the rights of entities, defamatory information, moral harm, physical and moral suffering, damage caused, reputation damage, presumption of moral harm, ways to protect honor, dignity and business reputation, denial information, defamation.

Вопросы обеспечения защиты прав и свобод в сфере чести, достоинства, а также деловой репутации всегда вызвали повышенный интерес среди правоведов, социологов, историков, философов, общественных и государственных деятелей. Данное явление имплементируется с особо важной степенью комплексного и всестороннего исследования вопросов, связанных с построением в Российской Федерации правового государства, в котором реализуются принципы верховенства закона, высшей ценностью признаются основные права и свободы граждан, а также защита этих прав, являющихся одним из основных направлений государственной политики.

Подлежащие рассмотрению в настоящей исследовательской работе, выступающие, с одной стороны, нравственно-философскими категориями, с другой стороны, являющиеся объектами гражданских прав и нематериальными благами, такие понятия, как «честь», «достоинство» и «деловая репутация», играют важнейшую роль в системе обеспечения, реализации и защиты прав и свобод субъектов гражданских правоотношений.

В свою очередь уровень охраны и степень социальной защищенности принадлежащих физическим и юридическим лицам нематериальных благ отражает уровень развития категории гражданского общества, правовой и социально ориентированной модели любого государства.

Полагаем, что в государстве все возникающие процессы и правовые явления должны быть обусловлены идеей уважительного отношения к достоинству личности, поскольку идея человеческого достоинства всегда лежала в основе функционирования механизма защиты принадлежащих личности прав, свобод и законных интересов.

Правовая охрана рассматриваемых понятий в ряде существующих правовых систем мира возведена в ранг конституционной или в ином виде

официально закреплена на самом высшем законодательном уровне, выступает незыблемой гарантией, требующей ввиду своей высокой значимости не только всеобщего признания, но и эффективного механизма реализации, укрепления и всесторонней юридической защиты.

В Российской Федерации в статье 2 ГК РФ говорится, что гражданским законодательством регулируются «имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения, которые основаны на равенстве, автономии воли сторон и имущественной самостоятельности участников, а неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага защищаются гражданским законодательством, если иное не вытекает из существа этих нематериальных благ». Учитывая изложенное, необходимо отметить, что функция гражданско-правового регулирования прежде всего сводится к защите вышеуказанных нематериальных благ [8. – С. 28].

По законодательству Российской Федерации честь, достоинство, деловая репутация являются нематериальными благами лиц. Указанные блага не могут быть переданы иным лицам, т. е. отчуждаться, и принадлежат гражданам от рождения, а организациям – со дня создания такой организации.

Правовое регулирование и защита рассматриваемых нематериальных благ осуществляется в соответствии со статьей 12 ГК РФ, т. е. общими способами защиты гражданских прав, но с учетом особенностей нарушенного нематериального права, а также характера и степени наступивших последствий совершенного нарушения (п. 2 ст. 150 ГК РФ).

Помимо основных способов защиты, гражданское законодательство России предусматривает специальные способы, которые прямо указаны в законе.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» (далее – Постановление № 3), при разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации следует руководствоваться не только национальным законодательством, но и ратифицированными международными актами, позицией Европейского суда по правам человека, которая выражена в его решениях по вопросам толкования и применения положений Конвенции. Важно обратить внимание на тот факт, что термин «диффамация», используемый Европейским судом, аналогичен понятию «распространение порочащих сведений».

Указание в Постановлении № 3 на важность применения в правоприменительной практике дел в рамках защиты рассматриваемых нематериальных благ общепризнанных норм и принципов международного права обусловлено, в том числе закреплением в части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, а также в части первой статьи 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» тем, что международные договоры Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы Российской Федерации. Кроме того, упоминание в Постановлении № 3 понятия «диффамация» позволяет говорить о том, что вышеуказанный термин является официальным в Российской Федерации.

Следует подчеркнуть, что в настоящее время в Российской Федерации на законодательном уровне не закреплены понятия «честь», «достоинство», «деловая репутация», а также недостаточно урегулированы вопросы, связанные с их защитой. В связи с этим необходимо не только дать точную формулировку понятий, но и раскрыть их сущность.

В большинстве отечественных монографий (например, В. В. Лесняк [4]) честь рассматривается как оценка личности со стороны общества, а также как мера социальных и духовных качеств личности.

Между тем честь требует, чтобы человек подерживал (оправдывал) ту репутацию, которой обладает коллектив или он сам [2. – С. 399].

Важным аспектом для определения значения чести является положительная оценка деятельности личности, даваемая общественным мнением, которое в дальнейшем способно преобразоваться в определенное нравственное отношение к ней со стороны общества.

Под достоинством индивида понимается осознание человеком и его окружением факта, что человек обладает определенными интеллектуальными и положительными нравственными качествами. Если достоинство индивида определяется его собственным сознанием, оно имеет субъективную окраску, тогда как честь – это прежде всего объективная социальная оценка личности, которая характеризует репутацию личности в обществе [3].

С точки зрения этики репутация представляет собой мнение людей о нравственном облике конкретного человека (группы людей), которое основано на его предшествующем поведении и выражается в признании его авторитета в обществе, будущих заслуг, а также то, как оцениваются обществом его поведение и поступки [5].

Репутация, так же как и честь, в определенной степени зависит от самого человека, так как имеет свойство формироваться на основе поведения человека, его отношения к интересам общества и государства. Репутация человека может иметь положительный или отрицательный окрас, зависящий от степени и характера имеющейся у общества информации о конкретном субъекте.

Таким образом, на основе данного определения понятия репутации можно сделать вывод о том, что репутация тесно взаимосвязана с понятиями чести и достоинства личности.

Вместе с тем только при наличии всех необходимых условий возможно возникновение оснований для защиты от посягательств на честь, достоинство и деловую репутацию путем использования предусмотренных законом общих и специальных способов защиты нарушенных нематериальных благ.

Доказательство состава гражданско-правовой диффамации – очень сложный и проблематичный процесс. Элементный состав гражданско-правовой диффамации состоит из следующих компонентов:

- 1) факт распространения информации;
- 2) несоответствие сведений действительности;
- 3) распространение дискредитирующей информации;

4) распространение информации относительно определенного лица, которое в свою очередь создает процесс защиты нарушенного права (исключение составляет защита чести и достоинства умершего лица, так как его защиту осуществляют заинтересованные лица);

5) распространенные сведения должны касаться определенных фактов о конкретном лице (не признаются оценочные суждения, гипотеза, мнение и т. п.);

6) распространенная порочащая информация, а также недостоверные сведения, должны представлять определенные факты, а не гипотезы, мнения или оценочные суждения [1. – С. 27–30].

С целью проведения краткого обзора существующих проблем в сфере защиты чести, достоинства и деловой репутации следует выделить следующее:

1. Трудности в интерпретации и практическом применении понятия «моральный вред», под которым понимаются нравственные и физические страдания, сущность содержания которых не раскрыта законодателем.

Легальное определение морального вреда в действующем российском праве закреплено в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о возмещении морального вреда» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 10).

Моральный вред, как отмечено в Постановлении Пленума ВС РФ № 10, в частности, может состоять из моральных переживаний в связи с потерей родственников, невозможностью продолжать активную социальную жизнь из-за утраты работы, раскрытия медицинских секретов, распространения недостоверной информации, порочащей честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временное ограничение или лишение каких-либо прав, физическую боль, связанную с травмой или другим вредом для здоровья, которые привели к психическим страданиям и т. п.

Вышеприведенное определение заслуживает подробного анализа. К сожалению, суд не дал общего определения физических или моральных страданий, хотя, разумеется, пытался раскрыть содержание одного из видов морального вреда – моральных страданий.

Следует отметить, что А. М. Эрделевский считает использование термина «моральные переживания» неудачным описанием физических и

моральных страданий, предлагая определить их как «негативные психические реакции человека, выраженные в ощущениях и восприятиях» [9. – С. 5]. Позже он также отметил, что в рассмотрении содержания физических и моральных страданий нет особого смысла, поскольку «... невозможно и нецелесообразно ни теоретически, ни практически ввести какое-либо объективное соотношение между тошнотой и удушьем, зудом и головокружением, страхом и горем, стыдом и унижением. Поэтому для определения размера компенсации нельзя принимать во внимание вид или характер моральных или физических страданий, а нужно обращать внимание на характер и значимость тех нематериальных благ, которым причинен вред, поскольку именно их характер и значимость для человека определяют величину причиненного морального вреда» [9].

Полагаем, что на законодательном уровне в обязательном порядке требуется дальнейшая детализация и более полное раскрытие понятия «моральный вред».

2. Затруднено проведение судами всесторонней оценки степени физических и нравственных страданий ввиду отсутствия единого подхода при учете индивидуальных особенностей потерпевшего. Так, на практике один суд при решении проблемы определения размера компенсации морального вреда берет во внимание те или иные индивидуальные особенности потерпевшего лица, другая же судебная инстанция не учитывает данные обстоятельства при формировании своей позиции относительно оснований и размера компенсации морального вреда или не придает им должного значения.

Считаем, что на законодательном уровне в отраслевые источники права с целью единообразного принятия решений судами должны быть внесены определенные дополнения относительно разработки и закрепления содержательного способа учета индивидуальных особенностей потерпевшего лица.

3. Отсутствие разработанных признаков и критериев, позволяющих наиболее объективно, справедливо и соразмерно определить размер сумм компенсации морального вреда. Как следствие – существующее на практике явное занижение или завышение размера назначаемой судом компенсации морального вреда при вынесении решений по аналогичным делам.

Способами преодоления сложившейся ситуации в правоприменительной практике могут стать

выработка и законодательное закрепление для применения судами четкой системы критериев определения размера суммы, подлежащей выплате в качестве компенсации морального вреда потерпевшей стороне. Безусловно, суды при определении размера компенсации должны принимать решение с учетом фактических обстоятельств конкретного дела, беря в расчет индивидуальные характеристики сторон и предмета судебного разбирательства. На наш взгляд, судом должны учитываться и такие недостаточно хорошо разработанные в гражданском законодательстве критерии, как неоднократность совершения, рецидив правонарушения и иные.

4. Отсутствие гарантий при использовании средств защиты чести, достоинства и деловой репутации путем определения адекватного и соразмерного наступившим отрицательным последствиям размера компенсации морального вреда для некоторых категорий граждан ввиду их индивидуальных особенностей в полной мере или частично.

В данном случае к таким категориям или группам граждан можно отнести:

- лица с умственной отсталостью, не способные ввиду этого обстоятельства понимать характер распространенных в их отношении порочащих сведений или действий, так как не имеют возможности испытать в результате этого физические или нравственные страдания. Обеспечение интересов и защита нарушенных прав данных лиц в судебном порядке их законными представителями (родителями, попечителями) и самостоятельное определение ими необходимого и достаточного размера компенсации морального вреда представляются не совсем объективными, так как заявляемый размер компенсаций определяется с учетом даваемой субъективной оценки, основанной на собственных суждениях представителя о характере и степени причиненного морального вреда представляемому лицу, а посему не всегда реально отражающей причиненный моральный вред потерпевшей стороне;

- несовершеннолетние лица, которые в силу своих возрастных особенностей не всегда способны понимать содержание оскорблений, направленных в их адрес с целью унижения чести и достоинства.

Так, зачастую родители, являясь законными представителями своих несовершеннолетних детей, а в случае их отсутствия – законные опекуны при отстаивании интересов своих подопечных в

судебном порядке стремятся посредством самостоятельного определения необходимого размера суммы компенсации морального вреда реализовать удовлетворение и собственных перенесенных переживаний, связанных с нарушением прав подопечного. Как правило, на практике данные требования о компенсации морального вреда объединены в рамках одного искового производства без учета мнения несовершеннолетнего лица, хотя, по нашему мнению, ребенок в возрасте от 14 до 18 лет, уже обладая в этот возрастной интервал частичной дееспособностью, способен отличать плохое от хорошего и давать оценку тому или иному событию, совершенному в его отношении действием, с точки зрения описания собственных реакций и испытанных или же не перенесенных переживаний по этому поводу. Соответственно, его мнение должно в установленных законом случаях заслушиваться и учитываться при итоговом определении судом размера взыскиваемой с ответчика суммы компенсации морального вреда.

5. Отсутствие законодательной базы, регулирующей общественные отношения в сети Интернет. В частности, на практике часто возникает вопрос, связанный с правовым регулированием электронных СМИ. Для того чтобы решить данный вопрос, необходимо внести соответствующие дополнения к закону о СМИ.

6. В настоящее время остается невыясненным вопрос, что рассматривать в качестве доказательства порочащей информации в сети Интернет. В правоприменительной практике нет единого мнения, суды выносят решения с учетом особенностей в каждом рассматриваемом деле. В связи с этим целесообразно создать независимую государственную организацию (подразделение), которая имела бы законное право фиксировать, а затем подтверждать в суде факт публикации порочащей информации в сети Интернет.

Кроме многочисленных проблем, возникающих при распространении диффамационной информации в Интернете, истцу следует также учитывать, что в настоящее время в России нет квалифицированных юристов и судей по компьютерным (в частности, электронным) преступлениям. И здесь возникает вопрос, возможно ли сегодня вынести законное, обоснованное и справедливое решение по делам этой категории.

7. Необходимость оптимизации сроков исковой давности по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации. Введение годичного

срока исковой давности по делам, связанным с распространением порочащей информации в СМИ, является нецелесообразным.

Считаем, что процесс реализации норм, содержащих в себе средства гражданско-правовой защиты указанных нематериальных благ, в настоящее время показывает, что существуют значительные проблемы в теоретической и практической сфере, которые обусловлены недостаточным исследованием объектов защиты.

Решение таких проблем на законодательном уровне путем внесения соответствующих поправок и дополнений, пересмотр ряда положений в отраслевых правовых источниках, в том числе обозначенных в данной работе, в области правоприменительной практики по защите чести, достоинства и деловой репутации, в настоящее время является одним из приоритетных направлений политики нашего государства.

Список литературы

1. *Гаврилов Е. В.* Гражданско-правовая диффамация как гражданско-правовое нарушение // *Налогов.* – 2010. – № 29. – С. 27–30.
2. *Кон И. А.* Словарь по этике. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1983.
3. *Костарева Т. А.* Судебная защита прав и свобод граждан : научно-практическое пособие. – М., 1999.
4. *Лесняк В.* Защита чести, достоинства и деловой репутации в гражданском законодательстве России // *Юрист.* – 1999. – № 1. – С. 52–58.
5. *Рузанова Е. В., Беришвили В. Р.* Расчет компенсации морального вреда по методике А. М. Эрделевского // *Наука сегодня: проблемы и пути решения : материалы Международной научно-практической конференции : в 3 ч.* – Самара : ООО «Маркер», 2018. – С. 65–67.
6. *Рыбина Е. О.* Уголовно-правовая защита чести, достоинства и репутации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. – М., 2009.
7. *Таратухина К. Ю.* Проблемные аспекты защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан. Судебная практика // *Вестник науки и образования.* – 2019. – № 6 (30). – С. 87–90.
8. *Тюленев И. В.* Защита чести, достоинства и деловой репутации по российскому и международному законодательству : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. – М., 2010.
9. *Эрделевский А. М.* Компенсация морального вреда // *Хозяйство и право.* – 2006. – №1. – С. 135–139.

Особенности регулирования государствами – членами Евросоюза гражданско-правовых деликтов в сфере нанобиотехнологий

Т. Э. Зулфугарзаде

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: teymurz@yandex.ru

Features by the EU Member States of Civil Law Torts Regulation in the Nanobiotechnology Field

T. E. Zulfugarzade

PhD of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Civil Legal Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: teymurz@yandex.ru

Аннотация

В статье в качестве предмета исследования определены основные направления и концептуальные подходы к регулированию проблемных вопросов деликтной ответственности в сфере разработки, производства и использования (потребления) нанобиотехнологической продукции по законодательству государств – членов Евросоюза. Методика исследования основана на определении новационных подходов применения судебных тестов «если бы не» (тест равных условий), «значительный вклад в травму (риски)», «значительное возрастание рисков», «удвоение риска» и других методов, применяемых судебными органами, для определения степени опасности вреда (ущерба), причиненного нанобиопродукцией, и возможности выплаты компенсации пострадавшим. Научную новизну исследования определяют выводы, в соответствии с которыми, в частности, изучение требования причинности в применении к внедоговорной ответственности является одним из наиболее важных элементов деликтного права в области гражданско-правового обеспечения нанобиотехнологического регулирования, а также предложения, направленные на совершенствование правового обеспечения отечественной модели определения причинно-следственных связей при установлении степени вреда (ущерба), причиненного нанопродукцией, по аналогии с исследованными моделями, применяемыми в ЕС.

Ключевые слова: гражданское право, деликт, вред, ущерб, инновационный, материалы, продукция, воздействие, причинность, дело, суд, тест, компенсация, осторожность, безопасность, ответственность.

Abstract

The article defines the main directions and conceptual approaches to the regulation of problematic issues of tort liability in the field of development, production and use (consumption) of nanobiotechnological products under the legislation of the EU member States as the subject of research. The research methodology is based on the definition of innovative approaches to the use of judicial tests «if not» (equal conditions test), «significant contribution to injury (risks)», «significant increase in risks», «doubling of risks» and other methods used by judicial authorities to determine the degree of danger of harm (damage) caused by nanobioproducts and the possibility of compensation to victims. Scientific novelty of the research determine the findings, according to which, in particular, the study of the requirement of causation as applied to non-contractual liability is one of the most important elements when considering the application of tort law in the field of civil security nanobiotechnology regulation, as well as proposals aimed at improving the legal support of the domestic model of determining cause-and-effect relationships in determining the degree of harm (damage) caused by nanoproducts, by analogy with the studied models used in the EU.

Keywords: civil law, tort, harm, damage, innovation, materials, products, impact, causality, case, court, test, compensation, caution, safety, liability.

Очевидные для современного человека преимущества, сопряженные с нарастающим развитием нанобиотехнологической научно-производственной сферы, позволяющие обеспечить потребителя новационными товарами и прочими благами цивилизации, вызывают лавинообразный спрос на такого рода продукцию и, как логичное развитие событий, – увеличение объемов ее практически бесконтрольного производства, тотального инвестирования [7 – С. 92] в научные и производственные нанобиотехнологические разработки, что в современных условиях глобальной цифровизированной экономики с присущими ей множественными элементами свободного доступа (sharing economy) объективно предопределяет важность создания новационных институтов компенсации вреда, в основе которых находятся свойственные гражданско-правовой ответственности «идеи восстанавливающей (корректирующей) справедливости»¹, возникшие вследствие разработки, внедрения и применения (использования) указанных технологий. Особую важность компенсационные требования приобретают в связи с широким распространением нанобиотехнологий в сфере потребительского рынка и услуг, а также природопользования в целом [5. – С. 4].

Наиболее корректным и стратегически верным из новационных подходов в исследуемой сфере является переформатированный применительно к современным реалиям правовой институт деликтной (внедоговорной) ответственности (институт деликтного права [6. – С. 103]), служащий эффективным инструментом регулирования нанобиотехнологий. В настоящее время данный институт представляет собой специальные методы защиты и обеспечения безопасности с использованием деликтного права [18]. Такой институт достаточно хорошо развит в США, государствах – членах Европейского союза, Канаде [19], Австралии и России (в частности, в инвестиционной деятельности [7. – С. 94], в сфере интеллектуальной собственности [2. – С. 7], а также при соотношении (корреляции) договорной и деликтной от-

ветственности в сфере защиты прав потребителей [4. – С. 41], как способ защиты гражданских прав, прежде всего прав граждан, а также юридических лиц, пострадавших от действий террористического характера [8. – С. 11] и др.).

Уже более полутора десятка лет среди юристов, экологов, медработников и других специалистов, а также представителей различных институтов гражданского общества ведется полемика, касающаяся последующего возмещения морального вреда и, при необходимости, материального ущерба вследствие преодоления неблагоприятных последствий, вызванных риском поражения наночастицами.

На сегодняшний день, к сожалению, отсутствуют общие подходы к данной проблеме в формате ООН и других универсальных международных организаций. Поэтому с точки зрения реализации института гражданско-правовых деликтов в сфере нанобиотехнологий весьма ценным представляется опыт, накопленный Евросоюзом как региональной международной организацией (в определенной степени ее аналогом в настоящее время являются ЕАЭС, СНГ и др.).

Позитивный эффект безопасного использования нанобиотехнологической продукции при ее разработке, производстве и хранении, учитывая, что «в современном мире безопасность фактически приобрела все черты общественного блага» [9. – С. 49], в странах Евросоюза достигается посредством использования такой структуры воздействий на сферу охраны окружающей среды, сохранности здоровья и обеспечения безопасности, прежде всего, безопасности труда, как Occupational safety and health (OHS) [11].

Дополняют нормативное регулирование и способствуют раскрытию юридической природы деликтного права следующие основные евродирективы: Рамочная директива по технике безопасности и гигиене труда 92/91/ЕЕС (сокращенно – по охране труда)², Директива об ответственности за качество выпускаемой продукции 85/374/ЕЕС³ и

¹ Гражданское право. Общая и особенная части : учебник / под ред. Р. А. Курбанова. – М. : Проспект, 2019. – С. 242.

² Директива Совета Европейских сообществ 92/91/ЕЭС от 3 ноября 1992 г. о минимальных требованиях к безопасности и охране здоровья работников буровых установок на предприятиях добывающей промышленности (Одиннадцатая отдельная Директива в значении Статьи 16 (1) Директивы 89/391/ЕЭС) // СПС «Гарант».

³ Council Directive 85/374/EEC of 25 July 1985 on the Approximation of the Laws, Regulations and Administrative Provisions of the Member States Concerning Liability for Defective Products. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31985L0374:en:HTML> (дата обращения: 15.01.2020).

Директива об ответственности за причинение ущерба окружающей среде (ELD) 2004/35/EC¹.

Как таковая, деликтная ответственность является инструментом регулирования и непосредственно связана с принципом римского права «не навреди» (*neminem laedere*). Согласно данному принципу «тот, кто наносит ущерб (причиняет вред) другому, должен компенсировать его». Это находит свое законодательное закрепление и в национальных правовых нормах России о гражданско-правовой ответственности (например, раздел III части первой ГК РФ² и др.). Дополнительно отметим, что внедоговорная (деликтная) ответственность «возложена на лиц, действия которых наносят вред другим, независимо от того, преднамеренно или по небрежности совершены такие действия» [11].

Таким образом, деликтное право представляет собой актуальный правовой институт регулирования не только нанобиотехнологий, но и других новых, в том числе инновационных технологий, выступая также в качестве средства профилактики и сдерживания. Базовое требование при реализации деликтной ответственности – доказать наличие причинно-следственных связей, т. е. доказать, что причинность является важным утверждением при рассмотрении ответственности в качестве инструмента регулирования нано-, биотехнологий и других новых, прежде всего инновационных технологий. Однако на практике в процессе таких судебных разбирательств возникают разнообразные трудности.

Изучая, проведенное лордом Филиппсом дело *Sienkiewicz v Grief (UK) Limited*³ (Сенкевич, покойная женщина-администратор усадьбы Энид Костелло) (Великобритания) в отношении различных категорий видов причинения вреда с накоплением и агломерацией свойств некоторых наноматериалов (в том числе нанобиоматериалов), вред, причиненный в результате их воздействия, может быть назван составным, т. е. тяжесть причиненного вреда зависит от количества наноматериалов, воздействиям которых была подвержена дан-

ная жертва. Такой наноматериал будет «... сначала действовать в целом (в своей совокупности, кумулятивно) для провоцирования заболевания, а затем содействовать ухудшению данной болезни»⁴. При этом из-за потенциальной токсичности некоторых классов нерастворимых наноматериалов их вредное воздействие может проявляться в виде неделимого вреда, т. е. такого вреда, который становится «единственным, неизменным триггером» и тяжесть его воздействия «не связана с продолжительностью воздействия». В этом случае существует потенциал задержки времени причинения вреда неизвестной этиологии (медицинской причинности). Поэтому «... различные неспецифические заболевания и отрицательные санитарно-гигиенические условия»⁵ могут быть отнесены к воздействию наночастиц, а также к другим причинам. Поскольку затруднено обнаружение наноматериалов и не доказано их воздействие на человека, это приводит к размытой картине возможных последствий и значительно затрудняет доказательство причинности.

В связи с этим представляется важным привести оценку вывода Д. Ховарта о том, что «... в большинстве европейских правовых систем различают два вида причинно-следственных связей: фактическую причинность (или «возможную причинность») и нормативную причинность («отдаленность», «адекватные причины», «законные причины», «ближайшие причины»)» [14. – С. 11], что предопределяет необходимость более подробного рассмотрения фактических причин.

Причинность, т. е. установление связи между вредоносным событием (оспариваемым предполагаемым причинителем вреда) и вредом, причиненным истцу, в большинстве юрисдикций в Европе традиционно определяется путем применения обязательного условия (*conditio sine qua non*), или судебного теста «если бы не», другими словами, «вред не имел бы места (не был бы причинен), если бы с самого начала (изначально) не было (основания для) вины ответчика». Его резюмируют следующим образом: «как это сухо (лаконично) выражается в общем праве: для того чтобы

¹ Directive 2004/35/EC of the European Parliament and of the Council of 21 April 2004 on Environmental Liability with Regard to the Prevention and Remedying of Environmental Damage, OJ L 143. – P. 56–75; Hereinafter Environmental Liability Directive or ELD. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:32004L0035> (дата обращения: 15.01.2020).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

³ *Sienkiewicz (Administratrix of the Estate of Enid Costello Deceased) v Greif (UK) Limited*, 2011 UKSC 10 para. – P. 12–14.

⁴ Ibid – P.14.

⁵ Ibid. – P. 13.

событие или обстоятельство вообще подлежало рассмотрению в качестве причины травмирования потерпевшего, следует продемонстрировать, что этой травмы не было бы, если бы не было этого события» [16. – С. 452].

Таким образом, по нашему мнению, проблема с применением оборота судебного теста «если бы не» в тех случаях, которые будут касаться ответственности за причиненный вред, связанный с воздействием наноматериалов, состоит в том, что он представляет собой подход «все или ничего». Под этим, как мы полагаем, подразумевается, что если воздействие конкретного наноматериала (нанобиоматериала) причиняет такой вред, как рак легких, который может возникнуть по ряду причин, то судебный тест «если бы не» оставит заявителя ни с чем, поскольку все еще может быть сказано, что «все равно придется продемонстрировать вред от воздействия данного наноматериала» [16. – С. 453].

Действительно, достаточно тяжелые последствия применения судебного теста «если бы не» фактически заставили судей и законодателей государств – членов Евросоюза принуждать виновных лиц к ответственности с помощью судебных тяжб для принятия во внимание такого рода несправедливости. При этом практика применения более сложных тестов причинно-следственных связей, как показали результаты проведенного анализа, различается в государствах – членах ЕС.

Так, в английском общем праве принцип разумной предсказуемости вреда, причиненного в результате противоправного деяния (в сочетании с обязанностью соблюдать осторожность), применяется к проведению судебного теста «если бы не». Английское правосудие такие дела рассматривает преимущественно применительно к вопросам о гигиене и безопасности труда.

В Германии могут считаться применимыми три теории к проведению теста наличия обязательного условия (*conditio sine qua non*). Одна из них связана с элементом вероятности в теории адекватности (*Adäquanztheorie*) – событие привело к причинению вреда, если таковой обычно приводит к травме, которая в данном случае оспаривается [16. – С. 397]. В настоящее время эту теорию довольно сложно применить к наноматериалам в целом из-за недостатка данных о последствиях воздействий, времени воздействия, а также суммарном воздействии. Поэтому эта теория, возможно, только тогда станет адекватным средством, когда в повторяю-

щихся случаях будет научно установлено фактическое следствие или последствие, наступившее в результате воздействия (от воздействия) определенного нанобиоматериала.

При этом существуют так называемые границы действия теории данного правила, в которых подлежит ответственности вред, защищенный только правом, нарушенным якобы непростым событием. Акцент здесь смещается с того, как был нанесен ущерб (причинен вред), к тому, что повредила данная нанобиотехнология (нанобиопродукт, нанобиопродукция). Примером такого рода правовых норм является закрепление права на жизнь и физическую целостность. Если бы эта теория действовала самостоятельно при установлении причинно-следственных связей, то был бы удовлетворен критерий в отношении дел, связанных с наноматериалами (нанобиоматериалами). Однако на практике эти теории используются, как правило, в качестве взаимодополняющих [16. – С. 398].

При другом подходе рассматриваются так называемые границы рисков истца [16. – С. 399]. Ответственность не будет предъявлена за вред, который в целом находится в границах рисков, присущих истцу, например, рисков жизни. Так, если минимальное воздействие наноматериалов, которое можно сравнить с воздействием окружающей среды, произошло на рабочем месте и привело к значительному вреду, то работодатель вряд ли будет привлечен к ответственности на основании применения этой теории.

Когда причинно-следственная связь не может быть доказана, суды в Германии только в медицинских случаях позволяют перекладывать бремя ответственности, хотя и с оговоркой, на истца, который должен доказать, что «... поведение ответчика привело к серьезной неосторожности» [16. – С. 460]. Последнее оказывается весьма серьезным препятствием, хотя переложение бремени доказывания, т. е. создание презумпции вины подсудимого, может работать и в пользу истца в случаях воздействия нанобиоматериалов.

В Италии при рассмотрении дел о негативных последствиях, связанных с производством и применением асбеста «в случае рака легких суды также прибегали к опровержимой презумпции причинности при доказанности воздействия» [17. – С. 33]. По нашему мнению, она бы значительно облегчила решение проблем с ответственностью, связанной с воздействием нанобиоматериалов (при выявлении такого вреда). В то же время, хотя презумпция и помогла бы установить

ответственность, она не сможет сделать этот режим более подходящим. В делах с асбестом возбудитель известен и опознаваем в качестве основного источника причинения вреда. Связующее звено между этими двумя событиями остается под вопросом, ответ на который можно получить с помощью применения принципа презумпции. Нанобиоматериалы как возбудители могут быть известны, но не всегда идентифицированы (из-за сложностей их обнаружения). В таких обстоятельствах ставится под сомнение применимость презумпции причинности.

Дополнительно отметим, что в Италии судьи согласились с аргументом «высокая степень вероятности» в целях поддержки доказательств причинно-следственной связи в рассматриваемых делах с асбестом. Согласно этому подходу они придерживаются такого мнения, что воздействие асбеста значительно увеличивает риск заболеваний, т. е. в случаях несоблюдения техники безопасности и гигиены труда (OHS), когда не были установлены необходимые меры безопасности, оказывается воздействие и причиняется вред, принимается аргумент о «бездействии в снижении рисков» [17. – С. 91]. Все это имеет отношение и к делам с нанобиоматериалами, но полагаем значимым отметить, что довод о высокой степени вероятности возникновения заболеваний основан на данных, принятых медицинской наукой, что в настоящее время не вполне применимо к нанобиотехнологиям из-за их плохой изученности.

В свою очередь судебный тест «если бы не» (тест равных условий) является главным фактором, определяющим причинность судами во Франции, которые в некоторых случаях перешли к его применению, сделав потерю возможности (*perte d'une chance*) предметом, подлежащим возмещению. Так, ван Гарвен отмечает, что «даже если истец на самом деле получил травму, причина которой не может быть установлена, все еще можно получить компенсацию за потерю возможности избежать получения этой травмы до тех пор, пока была проявлена неосторожность и существовала ее явная причинно-следственная связь с потерей такой возможности» [16. – С. 460]. Эта интересная концепция вреда (ущерба) при рассмотрении нами тематических примеров по исследованию нанобиоматериалов и их последующих воздействий фактически избавляет от необходимости доказывания того, как был (каким именно образом) причинен вред. Тем не менее считается, что объясняющая теория [16. – С. 421], применяемая так же,

как и германская теория адекватности (*Adäquanztheorie*), связывающая вину с вредом или ущербом, подтверждает возможность применения принципа «потери возможности» [16. – С. 420].

Таким образом, если восприимчивость к воздействиям нанобиоматериалов не может быть на первый взгляд связана с так называемой множественной чувствительностью [16. – С. 421] к химическим агентам, считается, что аргумент потери возможности все еще не действует, даже если может быть доказана причинно-следственная связь между виной и вредом (ущербом).

Сфера действия судебного дела (причинность в юридическом смысле, отдаленность вреда, ближайшая причина) может быть и далее подразделена для обращения с ситуациями, связанными с альтернативными причинными механизмами, в которых причинность не может быть доказана.

Х. А. Коузи подчеркивает различие, приводимое в некоторых американских источниках [12. – С. 16], между общей причинностью и конкретной причинностью, которое, по нашему мнению, имеет отношение к данному исследованию. Конкретная причинность «... имеет дело с вопросом о том, можно ли проследить вред, причиненный жертве, к данному актору или причинителю вреда» [12. – С. 95], другими словами, речь идет о ситуациях с участием нескольких делинквентов. В связи с этим возникает объективная необходимость остановиться на том, что «... деликтное право хорошо знакомо с вопросами неопределенной причинности, как с проблемой конкретной причинности» [12. – С. 96].

Говоря о конкретной причинности (*specific causality*), отметим, что при наличии нескольких делинквентов, которыми в случаях воздействия наноматериалов могут быть или несколько работодателей, или многочисленные производители, необходимо сразу поставить вопрос о выборе солидарной ответственности или пропорциональной ответственности [1. – С. 98]. Например, в США подобный подход был избран в случае с продукцией нанотехнологической компании DES, однако возложение на рынок долевого ответственности вызывает сложности при определении рыночных средств защиты, возможностей ответных действий в отношении одного или всех производителей, потенциально ответственных за данный вред, а также при исчислении убытков. При обращении с такими ситуациями исследуемые меха-

низмы являются традиционными. Однако существуют еще более глубинные критерии, на которые нужно обратить внимание при рассмотрении причинности с несколькими делинквентами, а именно, когда «два или более событий являются условиями, без выполнения которых не было бы потерь» [10. – С. 47].

Этот критерий может быть применен к заболеванию мезотелиомой от воздействия асбеста, используемого несколькими работодателями (неделимый вред), при котором «... возбудитель данного риска, хотя и возникающего из разных источников, всегда имеет ту же природу» [15. – С. 112].

В такой ситуации Принципы европейского деликтного права означают солидарную ответственность. Так, например, в деле *Fairchild v Glenhaven Funeral Services Ltd*¹ ответчики несли ответственность и солидарно, и порознь. В свою очередь в деле *Baker v Corus UK Ltd*² Палата лордов приняла решение о пропорциональной ответственности в зависимости от степени оказанного воздействия, вмененной каждому из ответчиков. Это привело к принятию в Великобритании Закона о компенсации 2006 г., который возвращает к позиции в деле *Fairchild v Glenhaven Funeral Services Ltd*, но относится только к случаям заболеваний мезотелиомой.

Основополагающим правилом в делах *Fairchild/Barker* является то, что ответчик будет нести ответственность, если можно будет доказать при взвешивании всех фактов (что более вероятно, чем нет), что нарушение им обязанности соблюдать осторожность значительно повысило риск того, что истец получит так называемую неделимую травму, т. е. травму, рассматриваемую как единую, не разделяемую на две и более травм по аналогии с травмой сочетанной³. Аналогичные случаи причинения вреда, как следует из рассмотренного выше дела *Sienkiewicz*, фактически «... развили общее право путем приравнивания случаев существенного повышения рисков возникновения заболеваний к фактическому содействию (способствованию) возникновению таких заболеваний в определенных локальных обстоятельствах, к которым относится и незнание того, как на самом деле возникла причинная связь»⁴.

Поэтому в английском общем праве в связи с заболеванием мезотелиомой создание риска считается вредом (ущербом), подлежащим возмещению, хотя и с уже предъявленной травмой. Исходя из этого судом должен быть задан вопрос, будут ли считаться такие риски юридически значимым вредом в случаях воздействия нанобиоматериалов. Тем не менее до сих пор остается без ответа вопрос о риске причинения вреда, что указывает на наличие трудностей, хотя и преодолимых, когда наука достигнет соответствующих высот.

Немаловажно отметить, что в деле *Hotson v East Berkshire Area Health Authority*⁵, связанном с разрушением тазобедренного сустава, Саймон Браун Дж. в суде первой инстанции приравнял значительное возрастание риска к потере возможностей. При таком подходе ответчик был признан виновным за потерю двадцати пяти процентов возможностей избежать инвалидности. При этом были использованы те же самые соображения, что и во французском праве в связи с потерей такой возможности (*perte d'une chance*), когда ответственность распределяется в зависимости от «объема причинности поведения ответчика, за которое он отвечает» [16. – С. 460].

Британская Палата лордов отменила приговор, применив принцип взвешивания (баланса) всех фактов, при котором было обнаружено, что двадцатипятипроцентный вклад ответчика, скорее всего, не причинил вреда. В решении суда по рассматриваемому делу *Hotson v East Berkshire Area Health Authority*, как удалось установить, содержится предположение, в соответствии с которым если, по крайней мере в Великобритании, неделимый вред (ущерб), понесенный в результате воздействия наночастиц, не рассматривается причиной заболевания мезотелиомой из-за научной неопределенности в ее нынешнем состоянии, причинение вреда будет приписываться другим возбудителям, что является плюсом для любых ответчиков в таких случаях.

Если отдельного причинителя вреда в группе нельзя определить, например, несчастный случай на охоте, то во Франции, например, судом было определено, что «вся группа создала риски из-за

¹ *Fairchild v Glenhaven Funeral Services Ltd* [2002] UKHL 22; [2003] 1 AC 32.

² *Barker v Corus UK Ltd* [2006] UKHL 20; [2006] 2 AC 572.

³ *Sienkiewicz (Administratrix of the Estate of Enid Costello Deceased) v Greif (UK) Limited*, 2011 UKSC 10 para. – P. 107.

⁴ *Ibid.* – P. 108.

⁵ *Hotson v East Berkshire Area Health Authority* [1988] UKHL 1, [1987] AC 750, [1987] 2 All ER 909.

своего небрежного поведения, и телесное повреждение истца было вызвано реализацией этих рисков» [16. – С. 443]. При таком подходе французские суды посчитали подсудимых всех вместе и каждого порознь ответственными за данный вред. Презумпция причинности срабатывает каждый раз, когда истец доказывает наличие причинно-следственной связи между ответственностью, наступающей из-за проявления неосторожности неизвестным человеком в группе, и причиненной травмой. При этом важно помнить, что при таком подходе «все лица данной группы, которые, возможно, причинили ущерб (вред), должны предстать перед судом» [16. – С. 444].

В свою очередь в случае с причинением ущерба (вреда) из-за рассеянных источников загрязнения на первый взгляд весьма трудно доказать наличие причинно-следственной связи (не говоря уже о проявлении неосторожности). Директива об ответственности за загрязнение окружающей среды содержит в себе исключение. Так, она «... должна применяться только к экологическим ущербам, вызванным загрязнениями рассеянного, диффузного, характера, когда можно установить причинно-следственную связь между ущербом и деятельностью отдельных операторов» (ст. 4 (5) Директивы ELD)¹.

При этом немаловажно также опираться на решение по делу *Raffinerie Mediterranee (ERG) SpA et. v Ministero dello Sviluppo economico et.*², где «... при наличии достоверных доказательств, указывающих на причинно-следственную связь между действиями оператора и диффузным загрязнением», опровержимая презумпция причинности приводит к переложению бремени доказывания на оператора ответчика, «... что данное загрязнение окружающей среды произошло не из-за его деятельности, или, что он, в противном случае не несет ответственности согласно Директиве ELD. Если это не так, ответчик несет ответственность за возмещение вреда (ущерба) пропорционально или солидарно, в зависимости от транспонирования Директивы ELD в государстве – члене ЕС. Однако в своем решении Европейский суд специально сослался на положение Директивы

ELD, которое предусматривает, что оператор не обязан нести расходы по ликвидации последствий экологического ущерба, если он может доказать, что ущерб был причинен третьей стороной и произошел несмотря на соблюдение соответствующих мер безопасности» [13].

Несмотря на то что Директива ELD не распространяется на физических лиц, это решение представляется интересным с точки зрения примера с *Silver Wash* (стиральными машинами) компании «Самсунг». Диффузное загрязнение грунтовых вод уже трудно доказать из-за сложности выявления источника отдельных химических веществ. При установлении связи, например, только между использованием стиральной машины и токсичностью подземных вод, индивидуальное использование стиральной машины, вероятно, не вызовет значительного роста рисков загрязнения, или при взвешивании всех фактов станет причиной загрязнения, или даже не будет отвечать минимальным критериям. Далее, такую связь будет практически невозможно установить при текущем состоянии дел с ее обнаружением.

Несколько источников рисков того же возбудителя могут привести к составному вреду (ущербу), как например, в деле *Holtby v Brigham & Cowan (Hull) Ltd*³, где постепенное воздействие асбеста привело к кумулятивному заболеванию. Британский Суд королевской скамьи присудил пропорциональное возмещение вреда (ущерба) после того, как истцом было доказано, что нарушение ответчиком своего долга привело к значительному вкладу в его заболевание. Именно тогда суд присяжных должен был распределить убытки «... на основе времени воздействия»⁴.

Еще один вопрос по данной проблематике: «две или несколько причин смогут или не смогут привести к потерям» [10. – С. 47]?

Этому критерию соответствуют ситуации, в которых «... несколькими различными источниками рисков могут стать разные понятные и непонятные причины» [15. – С. 112]. Примерами неделимого вреда выступают заболевания раком легких, вызванные добровольным, направленным на

¹ Directive 2004/35/EC of the European Parliament and of the Council of 21 April 2004 on Environmental Liability with Regard to the Prevention and Remedying of Environmental Damage [2004] OJ L 143. – P. 56–75. Hereinafter Environmental Liability Directive or ELD. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:32004L0035> (дата обращения: 15.01.2020).

² *Raffinerie Mediterranee (ERG) SpA et. v Ministero dello Sviluppo economico et.* C-378/08 [2010] OJ C 113. – P. 8 and Joined cases C-379/08 and C-380/08 [2010] OJ C 113. – P. 10.

³ *Holtby v Brigham & Cowan (Hull) Ltd* [2000] EWCA Civ. – P. 111.

⁴ *Ibid.* – P. 112.

самого себя сигаретным дымом, пассивным курением, а также контактами с асбестом; примером составного вреда является снижение урожайности, которое могло произойти из-за соседства с источником промышленных выбросов или из-за недостатка питательных веществ в почве. Последний пример связан с кумулятивной причиной. Существуют также конкурирующие альтернативные причины, например, в случае заболевания гепатитом В во время гемодиализа или сексуальных отношений с инфицированным человеком, который не проинформировал об этом до вступления в контакт.

Считается, что этот критерий является более значимым в случаях воздействия нанобиоматериалов из-за возможного идиопатического вреда (вреда неясного происхождения), который нанобиоматериалы могут генерировать, хотя он и может быть связан с множеством других возбудителей. В связи с этим представляется целесообразным привести в качестве примера дело *Wilsher v Essex Area Health Authority*¹.

Так, наступление слепоты у несовершеннолетнего могло быть вызвано вследствие пяти различных причин. Истец утверждал, что ответчик был ответственен за одну из них. Палата лордов признала, что для вынесения приговора об ответственности должно быть доказано, что «небрежность ответчика внесла, по крайней мере, значительный вклад в происхождение этой травмы»² как, например, по нашему мнению, это происходит в случаях, когда при помощи «оборудования для татуажа можно занести инфекцию или спровоцировать возникновение и развитие таких заболеваний, как гепатит С и В, рак кожи» [3. – С. 61].

Аналогичное решение было принято по делу *Novartis Grimsby Ltd v Cookson*³. Так, в частности, в этом случае истец заболел раком мочевого пузыря. Он работал на производстве красителей, где подвергался воздействию канцерогенов. Кроме того, он был регулярным курильщиком. Несмотря на то что оба эти фактора можно было бы отнести к причине заболевания раком, здесь были и явные, и неявные моменты. Апелляционный суд не применял ни теста значительного вклада в травму, ни теста значительного возрастания рис-

ков. Скорее он основывал свое решение на эпидемиологических доказательствах того, что неявное воздействие канцерогенов более чем в два раза повысило риски причинения данной травмы, чем риски, связанные с явным курением⁴. В качестве примечания полагаем важным отметить, что это не относится к случаю с заболеванием мезотелиомой, который может свидетельствовать о том, что английские суды могут применить эту причину к случаям воздействия наночастиц, а не руководствоваться решением по делам *Fairchild/Barker*.

На основании вышеизложенного представляется важным более подробно рассмотреть вопросы, связанные с неопределенной минимальной частичной причинностью, где также применяется судебный тест «удвоение риска».

Специальным образом будет рассмотрена ситуация, связанная с двумя или несколькими причинами, каждая из которых хотя и была источником минимального воздействия, но все же привела к причинению вреда. Несмотря на то что на данном этапе расследование такого рода может показаться преждевременным, учитывая отсутствие доказательств вреда от воздействия нанобиоматериалов, притом что минимальное воздействие может и не быть его причиной, такой судебный тест по-прежнему заслуживает рассмотрения. Это связано с тем, что аргументация ответчика, если произойдет причинение вреда при такого рода условиях, скорее всего, будет именно такой, особенно, если последующие потери могут быть связаны с различными разнородными источниками.

Так, например, рассмотренное выше дело *Sienkiewicz v Grief (UK) Limited* дает немало информации для более подробного анализа имевшей место неопределенной минимальной частичной причинности и удвоения рисков. Как было установлено в случае с заболевшей женщиной, которая умерла от мезотелиомы, ее подверженность воздействию асбеста на рабочем месте была минимальной. Ответчик выступал за применение судебного теста удвоенного риска, т. е. он согласился понести ответственность, если эпидемиологически будет доказано, что он, будучи неявной причиной воздействия, более чем в два раза повысил риск заражения мезотелиомой, созданный от воздействия окружающей среды.

¹ *Wilsher v Essex Area Health Authority* [1988] 1 AC 1074, [1987] UKHL 11.

² *Ibid.* – P. 105.

³ *Novartis Grimsby Ltd v Cookson* [2007] EWCA Civ 1261.

⁴ *Sienkiewicz (Administratrix of the Estate of Enid Costello Deceased) v Greif (UK) Limited*, 2011 UKSC 10 para. – P. 22.

Поскольку рассматриваемое дело было связано с заболеванием мезотелиомой, судебный тест «удвоение риска» не мог быть применен из-за действия Закона о компенсации 2006 г.; вместо него был применен тест «значительный вклад в риски». В данном контексте немалое значение имеет ранее проанализированное лордом Филиппом рассмотрение проблем с удвоением рисков в иных случаях, которые не касаются мезотелиомы¹. Лорд Филипс установил, что при наличии тех же неявных источников возникновения мезотелиомы, вызывающих делимый и неделимый вред, тест удвоения рисков не имеет применения². Этот судебный тест служит оправданием тонкого (хитроумного) испытания явных и неявных источников причинения делимого (составного) вреда, а также при наличии конкурирующих альтернативных потенциальных причин этот тест может с уверенностью быть применен³.

Обратимся в этой связи к рассмотрению общей причинно-следственной связи (*general causality*). Полагаем важным еще раз подчеркнуть, что вышеупомянутые ситуации с конкретной причинностью являются таковыми, когда данное действие (действие), как было показано выше, приводит к определенному виду вреда (ущерба). Были проанализированы ситуации, предполагающие наличие позиции, приравниваемой к «после этого, следовательно, из-за этого», где такой подход вытекает из другого, поскольку об этом свидетельствует опыт и данные медицинской науки (даже слегка размытые), что в свою очередь объективно требует ответа на вопрос, «приводит ли определенная деятельность или поведение к определенному виду ущерба (вреда)» [12. – С. 16] и, соответственно, к вопросу об общей причинности.

Теоретически возможно, что воздействие нанобиоматериалов может привести к вреду (ущербу) в основном неизвестной этиологии или к идиопатическому (неясного происхождения) вреду. Это основано на знании того, что «кумулятивное воздействие вредных химических веществ вызывает «восприимчивость», которая целиком определяется теми симптомами, которые наблюдаются у пациента... Они действительно вызывают аллергические симптомы, такие воспалительные заболевания, как артриты или колиты, нервно-мышечные

расстройства, головные боли, затрудненное дыхание и бесчисленное множество других симптомов» [20. – С. 92].

Р. Вернет полагает, что «доводы о том, что воздействия новых, синтезированных человеком наночастиц, вызвали такие болезни и расстройства, практически достоверны» [21. – С. 10]. В связи с этим важно сделать еще один вывод о том, что подобного рода доводы не подкреплены достаточно четкими эпидемиологическими основаниями. Поэтому такие иски будут проигнорированы (оставлены без движения), особенно если заболевания могут быть связаны с другими известными причинами.

Как отмечает Р. Вернет, деликтное право слепо в отношении «научной неопределенности» [21. – С. 11]. В этом, по нашему мнению, и заключается наибольшая сложность в применении принципа ответственности в качестве нормативного инструмента в отношении нанобиотехнологий. Независимо от вышеизложенных методик установление причинности является базовой необходимостью для того, чтобы применение инструмента ответственности имело бы какой-либо успех в регулировании нанобиотехнологий.

Завершая исследование проблемных вопросов гражданско-правовых деликтов по законодательству государств – членов Евросоюза, полагаем важным отметить следующее.

Во-первых, исследование и, что немаловажно, изучение требования причинности в применении к внедоговорной ответственности является, по нашему мнению, одним из наиболее важных элементов при рассмотрении применения деликтного права в области гражданско-правового обеспечения регулирования новых, в том числе новационных технологий в целом и нанобиотехнологического регулирования в том числе.

Во-вторых, для новых, прежде всего инновационных, технологий, как мы полагаем, применение принципа причинности в настоящее время сталкивается с практически непреодолимыми трудностями. Более внимательное рассмотрение данной проблематики позволило выявить, что применение только одного судебного теста «если бы не», не поможет доказать причинность причинения вреда (ущерба), связанного с рисками наступления неблагоприятных последствий при

¹ Sienkiewicz (Administratrix of the Estate of Enid Costello Deceased) v Greif (UK) Limited, 2011 UKSC 10 para. – P. 120.

² Ibid. – P. 121.

³ Ibid. – P. 123.

разработке, производстве и использовании (потреблении) нанобиотехнологической продукции, особенно в случаях неизвестной этиологии, что напрямую связано с недостатками медико-экспертного характера и наличием нескольких потенциальных причин возникновения и негативного проявления таких рисков. Дополняя его аргументами взвешивания вероятностей при значительном росте рисков, удвоении рисков и потере возможностей, используют подход, применимый именно к рискам, но не в качестве самоцели.

В-третьих, научные дискуссии о рисках, как показали результаты анализа научной литературы и материалов правоприменительной практики, практически всегда связаны с демонстрацией причиненного вреда (ущерба). По своей сути обязательственное право в государствах – членах Евросоюза требует демонстрации причиненного вреда (ущерба), чтобы поверить в него, т. е. установить факт наступления такого вреда и присудить компенсацию за последствия его причинения. Риски причинения вреда (ущерба) не являются ощутимыми, если они не основаны на уже продемонстрированном ущербе. Таким образом, при применении деликтного права требуется наличие (общей) причинности, установление причинно-следственных связей в новых технологиях, что довольно сложно. Ссылка на общепринятую цепочку рассуждений, в соответствии с которой воздействие «у» приводит к вреду «z» в большинстве случаев (событий) может означать, что причинность может быть доказана или по крайней мере связь между воздействием и риском причинения вреда может заменить требование наличия причинности.

В-четвертых, реализуемые в правоприменительной практике государств – членов ЕС модели

причинно-следственных связей при диффузных источниках загрязнения и неопределенной минимальной частичной причинности, достаточно подробно исследованные в работе таких судебных тестов, как «если бы не» (тест равных условий), «значительный вклад в травму (риски)», «значительное возрастание рисков», «удвоение рисков» и других методов, применяемых судебными органами ЕС для определения степени опасности вреда (ущерба), причиненного нанобиопродукцией и возможности выплаты компенсации пострадавшим, представляются не вполне определенными. Таким образом, становится очевидным, что в деликтном праве Евросоюза принимается подход «пройди по мосту, если ты подошел к нему». Потенциально, более четкие научные сигналы инициируют запуск работы механизма ответственности с тем, чтобы причинно-следственные связи должным образом позволяли судам оптимально использовать предоставляемые нормативными правовыми актами возможности для установления истины.

Полагаем, что исследованные подходы к рассмотрению споров по делам, связанным с причинением вреда (ущерба) нанобиотехнологической продукцией, апробированные судами в ряде государств – членах Евросоюза, могут быть отчасти использованы в отечественной правоприменительной практике, осуществляемой международными коммерческими арбитражами. Вместе с тем в последующем они, возможно, послужат основанием для совершенствования прежде всего гражданского, а также гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального законодательства Российской Федерации, что позволит надлежащим образом защитить права потребителей, работников нанопроизводств и юридических лиц.

Список литературы

1. Епихина Д. О. Ответственность за совместно причиненный вред // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 8. – С. 88–128.
2. Крупко С. И. Деликтные обязательства в сфере интеллектуальной собственности в международном частном праве : монография. – М. : Статут, 2018.
3. Малеина М. Н. Объекты авторского права на теле человека и проблемы их использования // Журнал российского права. – 2019. – № 5. – С. 56–66.
4. Маркова О. А. Соотношение договорной и деликтной ответственности в сфере защиты прав потребителей // Право и экономика. – 2010. – № 9. – С. 39–43.
5. Мухина И. Д. Гражданско-правовые деликты в сфере природопользования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. – Краснодар, 2004.

6. Нам К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. – М. : Статут, 2019.
7. Пузилов Р. В. Инвестиционная деятельность как предмет гражданско-правового регулирования // Право в современном мире : сборник научных статей по итогам работы международного круглого стола. – Донецк : Донецкий национальный университет, 2018. – С. 91–97.
8. Талеров К. В. Объект и содержание деликтного правоотношения как способа защиты гражданских прав пострадавших от действий террористического характера // Адвокатская практика. – 2008. – № 5. – С. 4–12.
9. Федотов Г. В. Безопасность как нематериальное благо субъектов гражданского права // Экономика. Право. Общество. – 2019. – № 1. – С. 48–55.
10. European Group on Tort Law. Principles of European Tort law: text and commentary. – Springer, Vienna : New York, 2005.
11. Construction Safety and Health. Workplace Safety & Health Topics. National Institute of Occupational Safety and Health. – URL: <https://www.cdc.gov/niosh/topics/construction/> (дата обращения: 15.01.2020).
12. Cousy H. A. Risks and Uncertainties in the Law of Tort. In H. Koziol, & B. C. Steininger // Tort and Insurance Law Yearbook. – Berlin : New York : De Gruyter, 2006. – P. 2–26.
13. Fogelman V. First Environmental Liability Directive cases from European Court of Justice. Retrieved 20.12.2010, from Commerical Risk Europe, 2010. URL: <http://www.commercialriskeurope.com/cre/190/57/First-Environmental-Liability-Directive-cases-from-European-Court-of-Justice/> (дата обращения: 15.01.2020).
14. Howarth D. The General Conditions of Unlawfulness. Edited by A. Hartkamp et al. Towards a European Civil Code. – 2nd Revised and Expanded Edition. – Nijmegen : Ars Aequi Libri, 1998. – P. 397–430.
15. Khoury L. (2008). Causation and Risk in the Highest Courts of Canada, England and France. Law Quarterly Review, Vol.124 (Jan), pp.103-131.
16. Lever L., von Bar Viney. Tort Law – Scope of Protection, Common Law of Europe Casebooks. Oxford (UK) : Hart Publishing, 1998.
17. Martin-Casals M. The Development of Liability in Relation to Technological Change, Comparative Studies in the Development of the Law of Torts in Europe. Vol. 4. Cambridge University Press, 2010.
18. Micallef-Borg Ch. and van Calster G. Non-Contractual Liability as an Instrument for Regulating Nano and New Technologies : A Thorough Review Using National and European Union Tort Law, 2011. – June 21. – URL: <https://ssrn.com/abstract=1934730> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1934730> (дата обращения: 15.01.2020).
19. Safety, Government of Canada, Canadian Centre for Occupational Health and (2018-11-29). Violence in the Workplace : OSH Answers. – URL. www.ccohs.ca (дата обращения: 15.01.2020).
20. Theories of T. G. Randolph Cited by Huber PW. Galileo's Revenge: Junk Science in the Courtroom. Harper Collins : Basic Books, 1991. – P. 92–110.
21. Wernette R. C. The Coming Age of Nanotorts. In Product Liability Law & Strategy, 2009. – P. 9–11. – URL: [http://www.bowmanandbrooke.com/files/News/bd4f4875-5bfb-4b58-94f0-1e0705a78f4d/Presentation/NewsAttachment/4d38d4da-f8f4-46e8-95bf-6f146901b109/Wernette-PLLSNanotorts\(articleonly\).pdf/](http://www.bowmanandbrooke.com/files/News/bd4f4875-5bfb-4b58-94f0-1e0705a78f4d/Presentation/NewsAttachment/4d38d4da-f8f4-46e8-95bf-6f146901b109/Wernette-PLLSNanotorts(articleonly).pdf/) (дата обращения: 15.01.2020).

Режим гражданского оборота как средство управления цифровой экономикой в условиях интеграции в рамках ЕАЭС

И. А. Маньковский

кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора Минского филиала
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», Минский филиал,
220070, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Радиальная, 40.
E-mail: Mankovskiy.IA@rea.ru

Civil Traffic as a Means of Economic Management under the Conditions of its Digitization and Integration within the Framework of the EAEU

I. A. Mankovsky

PhD, Assistant Professor, Deputy Director of the Minsk branch
of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, Minsk Branch,
40 Radial st, 220070, Minsk, Republic of Belarus.
E-mail: Mankovskiy.IA@rea.ru

Аннотация

Автором констатируется тот факт, что сложившаяся к настоящему времени система управления обществом посредством разработки правовых норм, регулирующих социальные процессы, включая процессы экономического взаимодействия применительно к текущему периоду государственного развития, по сути, является единственно приемлемой, позволяющей оперативно реагировать на новые экономические вызовы, своевременно создавать правовые нормы, способные обеспечить эффективное, рациональное и безопасное, с точки зрения государственного устройства, введение в экономический оборот не только новых объектов материального мира и технологий, различных видов криптовалют, но и новых средств платежа. В качестве одной из составляющих эффективного развития экономики называется гарантированная нормами Гражданского кодекса (далее – ГК) возможность свободного перемещения на государственной территории товаров, услуг и финансовых средств, т. е. их экономический оборот. При этом в качестве одного из правовых средств управления экономическим оборотом рассматривается такая категория цивилистической доктрины и догмы, как гражданский оборот, предусматривающий три гражданско-правовых режима экономического оборота товаров, услуг и финансовых средств, позволяющих государству оказывать регулирующее воздействие на их перемещение в пределах государственной территории, в том числе ограничивать или запрещать их экономический оборот, несмотря на закрепленный в ГК принцип свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств на государственной территории. На основании сравнительного исследования норм, закрепленных в ГК государств – участников Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС): Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизии и Российской Федерации, устанавливающих режимы гражданского оборота объектов экономической деятельности, анализируется степень влияния применяемого государством режима гражданского оборота на эффективность развития соответствующего сегмента экономических отношений, в том числе применительно к возможно допустимому на государственной территории гражданско-правовому режиму экономического оборота криптовалюты. Делается вывод о необходимости разработки единого ГК ЕАЭС и введении общих для государств – участников ЕАЭС правил экономического оборота криптовалюты. В исследовании использовались общенаучные и частнонаучные методы познания: диалектический и системный анализ, юридическая герменевтика, формально-юридический метод.

Ключевые слова: правовое регулирование, гражданский оборот, экономический оборот, цифровая экономика, Евразийский экономический союз, криптовалюта, унификация условий осуществления экономической деятельности, единый гражданский кодекс ЕАЭС.

Abstract

The author ascertains the fact that the current system of society management through the development and implementation of legal norms governing social processes, including the processes of economic interaction, in

relation to the current period of state development, in fact, is the only acceptable one that allows you to quickly respond to new economic challenges, timely create legal norms that can ensure efficient, rational and safe, from the point of view of states devices, the introduction of the economic cycle, not only the new objects of the material world and technology, including various types of cryptocurrency, but also new means of payment. As one of the components of the effective development of the economy, the possibility of the free movement of goods, services and financial resources on the state territory, i. e. their economic turnover, guaranteed by the norms of the Civil Code, is called. Moreover, as one of the legal means of managing economic turnover, we consider such a category of civilistic doctrine and dogma as civil circulation, which provides for three civil legal regimes for the economic circulation of goods, services and financial resources that allow the state to exert a regulatory influence on their movement within the state territories, including restricting or prohibiting their economic circulation despite the principle of free movement enshrined in the Civil Code. As for goods, services and financial assets in the national territory. Based on a comparative study of civil law norms enshrined in the Civil Codes (hereinafter referred to as the Civil Code) of the member states of the Eurasian Economic Union (hereinafter - the EAEU): the Republic of Armenia, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic and the Russian Federation, which establish the regimes of civil circulation of economic objects activities, the degree of influence of the civil turnover regime applied by the state on the development efficiency of the corresponding segment of economic turnover, including in relation to possible valid on the territory of the state of civil-legal regime of economic turnover cryptocurrency. The study used general scientific and private scientific methods of cognition: dialectical, system analysis, legal hermeneutics, formal legal. It is concluded that it is necessary to develop a single EAEU GC and establish common rules for the cryptocurrency economic turnover for the EAEU member states.

Keywords: legal regulation, civil circulation, economic turnover, digital economy, Eurasian Economic Union, cryptocurrency, unification of the conditions for carrying out economic activities, a single EAEU civil code.

Мироустройство конца второго десятилетия XXI в. характеризуется тотальным правовым регулированием всех социальных процессов, возникающих на межгосударственном уровне как внутри отдельных государств, так и между ними, т. е. активной международной экономической интеграцией посредством создания различных международных организаций, например, такой как ЕАЭС, которая развивается в условиях построения на территории государств-участников цифровых экономик.

Исходя из того, что развитие практически любых социальных процессов, включая сферу экономического взаимодействия, как внутри государства, так и на межгосударственном уровне, обусловлено действующей системой национального и международного права, можно утверждать, что эффективность экономического развития каждого отдельного хозяйства, государства, государств, объединенных в рамках ЕАЭС, поставлена в определенную зависимость от качества национальных систем права государств-участников и принятых ими международных нормативных правовых актов, устанавливающих порядок взаимодействия в условиях международной экономической интеграции и в условиях построения национальных цифровых экономик, в том числе с применением криптовалют.

Функции основного национального нормативного правового акта, нормы которого создают правовую основу экономической деятельности на государственной территории, должен выполнять ГК, занимающий в силу своего места в иерархической системе нормативных правовых актов Армении, Казахстана, Киргизии и России, положение «экономической конституции». Однако это не свойственно системе нормативных правовых актов Беларуси, в которой ГК занимает подчиненное по отношению к актам главы государства место и на роль «экономической конституции» претендовать не может.

Одной из неоспоримых составляющих эффективной экономической интеграции следует признать, во-первых, установленную правовыми нормами возможность свободного движения в рамках единого экономического пространства ЕАЭС товаров, работ, услуг, трудовых ресурсов и финансовых средств, т. е. наличие надлежащих правовых режимов «для целей обеспечения стабильности экономического оборота и его развития» [6. — С. 152], во-вторых, создание на государственных территориях, образующих единое экономическое пространство, единообразных правовых условий осуществления экономической деятельности субъектами каждого из государств, что предполагает принятие унифицированного нормативного правового акта, составляющего правовую основу экономической деятельности, т. е. единого

ГК ЕАЭС, обладающего после государственных конституций высшей юридической силой в области регулирования экономических отношений.

В настоящее время в рамках единого экономического пространства ЕАЭС на каждой из государственных территорий государств-участников действуют ГК, входящие в национальные системы законодательства и различающиеся в некоторой степени по своему регулирующему воздействию на субъекты экономической деятельности.

Гарантии свободного движения продукции и финансовых средств закреплены в пункте 5 статьи 1 «Основные начала гражданского законодательства» ГК РФ, согласно нормам которого товары, услуги и финансовые средства свободно перемещаются на всей территории Российской Федерации. При этом в ГК государства – партнера Российской Федерации по ЕАЭС – Беларуси как в аналогичной по предназначению статье 2 «Основные начала гражданского законодательства», так и в других статьях, нормы, допускающие свободное перемещение товаров услуг и финансовых средств на государственной территории, отсутствуют. Вместе с тем соответствующие нормы закреплены в пункте 3 статьи 2 ГК Казахстана, в пункте 3 статьи 2 ГК Киргизии, в пункте 3 статьи 3 ГК Армении. Таким образом, Беларусь является единственным государством – участником ЕАЭС, не гарантирующим свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств на своей территории.

Фактическое движение товаров, услуг и финансовых средств составляет экономический оборот, под которым мы понимаем реальную передачу материальных благ и финансовых средств (средств платежа) от одного участника экономической деятельности другому. Легальный экономический оборот в современном миропорядке невозможен вне правового регулирования соответствующих экономических отношений, в рамках которого совершается гражданский оборот, понимаемый как процесс перехода субъективных гражданских прав и гражданско-правовых обязанностей в отношении объектов экономической деятельности от одних лиц к другим в результате участия в гражданско-правовых отношениях, влекущий за собой, как правило, фактическую передачу имущества (экономический оборот).

В рамках гражданского оборота участники экономической деятельности признаются субъек-

тами гражданского права, что, собственно, и позволяет им легально осуществлять урегулированную нормами права экономическую деятельность.

Таким образом, легальный экономический оборот возможен только на основании гражданского оборота, из чего следует вывод о том, что фактическая передача имущества вне рамок передачи прав на него является противоправной и, следовательно, недопустимой.

Несмотря на то что ГК Армении, Казахстана, Киргизии и России закрепляют свободное движение товаров, услуг и финансовых средств, т. е. их свободный экономический оборот, в ГК каждого из государств – участников ЕАЭС, в том числе и Беларуси, включена статья «Оборотоспособность объектов гражданских прав» (ГК Армении – ст. 133, Беларуси – ст. 129, Казахстана – ст. 116, России – ст. 129), а в ГК Киргизии – ст. 23 «Объекты гражданских прав в гражданском обороте». Названные статьи ГК имеют в целом идентичное содержание и, несмотря на задекларированный принцип свободного экономического оборота товаров, услуг и финансовых средств на государственной территории (за исключением ГК Беларуси), устанавливают для названных объектов определенные режимы гражданского оборота, в соответствии с которыми гражданский и, как следствие, экономический оборот отдельных объектов материального мира в рамках гражданско-правовых отношений может быть ограничен или запрещен.

Предусмотренная указанными нормами возможность ограничения гражданского и, как следствие, экономического оборота отдельных объектов или их изъятие из гражданского оборота позволяют государству посредством принятия правовых норм регулировать экономический оборот определенных объектов материального мира, что в условиях построения цифровой экономики имеет важное значение для обеспечения экономической безопасности государства. Особенно актуальной представляется допущенная нормами гражданского права возможность законодательно ограничить оборот объектов экономических отношений в свете попытки введения в экономический оборот такого объекта экономических интересов, как криптовалюта.

Так, в Беларуси действует Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8); в Российской Федерации ко второму чтению подготовлен Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах и

о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (о цифровых финансовых активах)» (далее – Проект ФЗ о цифровых активах)¹ и таких объектов гражданских прав, как цифровые права (введен в ст. 128 ГК РФ Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ). В Казахстане разработан законопроект «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий», направленный в декабре 2019 г. в Мажилис (парламент страны) [7]. Однако в Киргизии считают, что криптовалюты «отрицательно влияют на внутренние функции государства в части валютно-финансового регулирования, бюджетного регулирования, обеспечения общественного порядка и национальной безопасности» [5]. «В Армении предложили легализовать рынок майнинга криптовалют. В случае одобрения представленного оппозицией законопроекта Армения станет вторым после Беларуси государством в ЕАЭС, где будут разрешены операции с виртуальными валютами» [1].

Анализируемыми нормами установлены три режима оборота гражданских прав на объекты экономической деятельности и, как следствие, три гражданско-правовых режима фактического (экономического) оборота объектов материального мира. Согласно указанным нормам объекты гражданских прав могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства либо иным способом, если они не изъяты из оборота или не ограничены в обороте.

Таким образом, гражданский правовой порядок устанавливает следующие правовые режимы оборота объектов гражданских прав и экономических отношений: режим свободного оборота (обращения); режим ограниченного оборота (обращения); режим, запрещающий оборот отдельных объектов.

Правовой режим оборота объектов экономической деятельности, установленный нормами гражданского права, определяет возможность и способы приобретения (отчуждения) субъективных гражданских прав на тот или иной объект, т. е. его оборотоспособность, под которой следует понимать юридически установленную возможность совершения сделок и иных правомерных действий, направленных на фактическую передачу объектов

экономической деятельности посредством участия в гражданско-правовых отношениях.

Установленные нормами ГК режимы оборотоспособности объектов гражданских прав в полной мере позволяют удовлетворить государственные потребности в правовом регулировании экономических процессов, связанных с перемещением товаров, услуг и финансовых средств на государственной территории, допускают возможность применения запретов и ограничений на перемещение отдельных объектов экономических отношений в интересах государственной и общественной безопасности, в том числе в случае наличия потребности ведения государственного учета их движения. Необходимость установления для различных объектов экономической деятельности конкретного правового режима определяется возможностью причинения из-за их включения в экономический оборот вреда человеку, окружающей среде, обществу, государству. В частности, появление в экономическом обороте криптовалюты развязало руки наркобизнесу, который «... породнился с криптовалютой, и сегодня это невозможно отрицать. С ее помощью можно безопасно вести «бизнес» и расплачиваться с сотрудниками» [3]. По состоянию на 23 июля 2018 г. в производстве Федерального бюро расследований США находилось более 100 различных дел о преступлениях, включая торговлю людьми, наркотиками и факты вымогательства, в которых так или иначе фигурируют криптовалюты [4].

Безусловно, основным гражданско-правовым режимом экономического оборота является *режим свободного обращения*, позволяющий в полной мере реализовать принцип свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств на государственной территории, способствующий эффективному экономическому развитию. Режим свободного обращения можно назвать общим или универсальным, в рамках которого вещные (иные) права на объекты гражданских прав, подпадающие под его действие, а также непосредственно сами объекты экономической деятельности, могут беспрепятственно передаваться между ее участниками по любому легитимному основанию. Действие анализируемого режима распространяется на большинство объектов материального мира, вовлеченных во внутрихозяйственную и предпринимательскую деятельность субъектов, что спо-

¹ URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/57223.html/>

способствует нормальному развитию государственной экономики в целом. Однако применительно к отдельным субъектам экономической деятельности и (или) к отдельным способам передачи субъективных гражданских прав на объекты экономической деятельности, в отношении которых по общему правилу установлен режим свободного обращения, он может быть ограничен или запрещен в целях защиты общественных и государственных интересов. В частности, согласно нормам пункта 4 статьи 546 ГК Беларуси, запрещено применять договор дарения в качестве правовой формы перехода субъективных гражданских прав на объекты экономических отношений между коммерческими организациями. Аналогичные нормы закреплены в статье 575 ГК России, статье 598 ГК Армении, статье 511 ГК Киргизии. Вместе с тем глава 27 «Дарение» ГК Казахстана норм, устанавливающих запрет оборота гражданских прав и, соответственно, объектов материального мира в рамках договора дарения между коммерческими организациями, не содержит.

Отсутствие в ГК Казахстана анализируемых норм ГК ЕАЭС, устанавливающих единообразные правила гражданского и, как следствие, экономического оборота на территории единого экономического пространства, может привести, например, к тому, что коммерческие организации Беларуси и России посредством создания на территории Казахстана своих филиалов, совершат гражданский и, соответственно, экономический оборот товаров с использованием такой правовой формы, как договор дарения, запрет на применение которой для указанных целей установлен на их территории. Установленный в России и Беларуси запрет направлен на предотвращение совершения коммерческими организациями притворных сделок, влекущих причинение вреда фискальным интересам государства.

Наряду с установлением прямого запрета на применение отдельных правовых форм для совершения гражданского и экономического оборота объектов экономической деятельности, в отношении которых установлен режим свободного обращения, между отдельными субъектами ограничение возможности свободного приобретения и отчуждения таких объектов и субъективных гражданских прав на них может следовать из объема прав и обязанностей конкретного субъекта.

Так, нормы пункта 3 статьи 276 ГК Беларуси (п. 2 ст. 295 ГК России, ст. 230 ГК Киргизии) огра-

ничивают возможности субъектов права хозяйственного ведения по самостоятельному отчуждению прав на недвижимое имущество, находящееся у них на праве хозяйственного ведения. Нормы статьи 200 ГК Казахстана наряду с ограничением на передачу прав на недвижимое имущество дополнительно устанавливают для субъекта права хозяйственного ведения ограничения на отчуждение прав на акции, дебиторскую задолженность, а также на передачу вещных прав на денежные средства с использованием их в качестве правовой формы договора займа.

Нормы статьи 278 ГК Беларуси (ст. 297 ГК России, ст. 206 ГК Казахстана, ст. 231 ГК Киргизии) устанавливают запрет на отчуждение субъектом права оперативного управления вещных прав на любое закрепленное за ним имущество без согласия его собственника.

ГК Армении не предусматривает таких ограниченных вещных прав, как право хозяйственного ведения и право оперативного управления, что также может служить некоторым препятствием для осуществления экономической деятельности субъектами анализируемых вещных прав Беларуси, Казахстана, Киргизии и России на территории Армении в рамках договора о ЕАЭС и, соответственно, требует унификации.

Кроме того, физические лица, не обладающие дееспособностью в полном объеме, ограничены в возможности самостоятельного отчуждения прав на имущество, находящееся у них на праве собственности несмотря на то, что оно подпадает под действие режима свободного обращения, а также в возможности вовлечения такого имущества в экономический оборот.

Таким образом, режим свободного обращения, установленный для большинства объектов экономической деятельности, имеет ряд исключений, обусловленных правовым статусом некоторых категорий участников экономической деятельности, что в целом не влияет на содержание универсального правового режима гражданского и, соответственно, экономического оборота таких объектов.

Тем не менее фактические потребности отдельного человека, общества и государства достаточно многогранны, что предполагает вовлечение в экономическую деятельность наряду с объектами, не представляющими потенциальной общественной опасности и, соответственно, допущенными к свободному экономическому обороту, таких объектов материального мира, применение

которых без специальной подготовки или знаний, может нанести вред отдельному пользователю и обществу в целом. Названные свойства объектов экономической деятельности обуславливают необходимость ограничения их оборотоспособности с целью осуществления государственного контроля за производством и потреблением (использованием) потенциально опасного, но необходимого человеку имущества.

Согласно нормам, закрепленным в статьях ГК, предусматривающим возможные режимы гражданского оборота на территориях государств – участников ЕАЭС, ограничение гражданского и, соответственно, экономического оборота может быть установлено законодательными актами. В частности, в России Федеральным законом «Об оружии» от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ и принятым в его исполнение Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» установлен режим ограниченного оборота гражданского и служебного оружия, а также патронов к нему. Распространение режима ограниченного оборота на гражданское и служебное оружие позволяет уполномоченным федеральным (Российской Федерации. – И. М.) органам исполнительной власти осуществлять контрольно-надзорные функции в сфере гражданского и, соответственно, экономического оборота гражданского и служебного оружия [2. – С. 246].

В Беларуси в названной сфере действует Указ Президента Республики Беларусь от 30 августа 2002 г. № 473 «О мерах по совершенствованию регулирования оборота боевого, служебного, гражданского оружия и боеприпасов к нему на территории Республики Беларусь». Государство может ограничить экономический оборот отдельных объектов и по иным основаниям, вызванным, например, необходимостью выполнения государством возложенных на него функций управления, что имеет важное значение непосредственно для регулирования оборота платежных средств, в частности, иностранной валюты, электронных денег и, что особенно важно, различных видов криптовалюты.

Установленный в отношении потенциально опасных объектов экономической деятельности гражданско-правовой режим ограниченного оборота предполагает необходимость выполнения участниками экономической деятельности опре-

деленных правовых условий экономического оборота таких объектов, позволяет государству осуществлять контроль за их оборотом, в целом ограничить возможности субъектов экономических отношений в праве обладания вещными (иными) субъективными правами на отдельные объекты экономической деятельности и предоставить такое право определенным участникам экономической деятельности, как например, предусмотрено нормами Закона Республики Беларусь от 15 июля 2010 г. № 169-З «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства». В соответствии с нормами статьи 1 Закона право собственности на объекты экономической деятельности, перечень которых закреплен в статье 7 Закона, может принадлежать только государству, что свидетельствует о распространении на них режима ограниченного оборота. Причем, согласно нормам преамбулы Закона, режим ограниченного оборота установлен в целях обеспечения территориальной целостности государства, национальной, экономической и энергетической безопасности, социальной защищенности населения, охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, сохранения историко-культурного и духовного наследия. В России действует Постановление Верховного совета Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 3020-1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность»; в Казахстане – Закон Республики Казахстан от 1 марта 2011 г. № 413-IV «О государственном имуществе». Ограничение оборотоспособности указанных в приведенных нормативных правовых актах объектов экономической деятельности распространяется на субъекты частной формы собственности, которым по общему правилу не доступны вещные (иные) гражданские права на закрепленные в приведенных нормативных правовых актах объекты экономической деятельности.

Режим ограниченного гражданского и, как следствие, экономического оборота установлен в отношении таких объектов экономической деятельности, как лекарственные средства. В частно-

сти, в Беларуси введено в действие Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 10 апреля 2019 г. № 27 «Об установлении перечня лекарственных средств, реализуемых без рецепта врача». Следовательно, в Беларуси по общему правилу в отношении лекарственных средств установлен режим ограниченного оборота, а свободный оборот в виде исключения допускается в отношении лекарственных средств, закрепленных в Приказе № 27, что следует признать фактором, способным сдерживать экономическое развитие аптечной сети Беларуси. В Казахстане действует приказ Министерства здравоохранения и социального развития Республики Казахстан от 28 апреля 2015 г. № 288 «Об утверждении Правил отнесения лекарственных средств к рецептурному отпуску». В России лекарственные средства отпускаются в соответствии с приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 11 июля 2017 № 403н «Об утверждении правил отпуска лекарственных препаратов для медицинского применения, в том числе иммунобиологических лекарственных препаратов, аптечными организациями, индивидуальными предпринимателями, имеющими лицензию на фармацевтическую деятельность».

В отличие от Беларуси, в России и Казахстане в отношении лекарственных средств по общему правилу установлен режим свободного гражданского и, следовательно, экономического оборота. Исключение составляет отдельная группа лекарственных средств, перечень которых закреплен в приказе № 403н (Россия) и № 288 (Казахстан), в отношении которого установлен режим ограниченного гражданского и, соответственно, экономического оборота. Примененный в России и Казахстане подход, в отличие от подхода к обороту лекарственных средств, используемых в Беларуси, направлен на создание правовых условий развития экономического оборота лекарственных средств и повышение эффективности предпринимательской деятельности, осуществляемой в анализируемой сфере.

Таким образом, предусмотренный ГК режим ограниченного гражданского оборота является правовым средством, позволяющим государству устанавливать контроль за экономическим оборотом отдельных объектов, использование (применение) которых может представлять повышенную общественную опасность, регулировать экономический оборот таких объектов, вести учет лиц, имеющих право оптовой или розничной торговли

потенциально опасными объектами, а также лиц, имеющих право приобретать такие объекты на праве собственности (ином вещном праве) либо по основаниям, вытекающим из гражданско-правовых обязательств (аренда, безвозмездное пользование).

Наряду с режимом ограниченного гражданского оборота в арсенале правовых средств, регулирующих экономический оборот, что отмечалось выше, ГК допускает применение режима, запрещающего гражданский и, соответственно, экономический оборот отдельных объектов в рамках гражданско-правовых отношений.

Применение режима, запрещающего оборот отдельных объектов гражданских прав, означает, что переход вещных (иных) гражданских прав на объекты, изъятые из гражданского оборота, а также переход отдельных правомочий собственника на такие объекты в рамках гражданско-правовых обязательств, невозможен.

Виды объектов гражданских прав, изъятых из гражданского оборота, должны быть закреплены в законе. Например, в соответствии с нормами части 2 пункта 2 статьи 23 Закона Республики Беларусь от 15 ноября 2018 г. «Об особо охраняемых природных территориях» земли заповедника признаны изъятыми из хозяйственного оборота. В соответствии с нормами главы 2 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» оборот указанных объектов допускается только в соответствии с правилами, закрепленными в законодательстве о наркотических средствах, психотропных веществах их прекурсорах и аналогах. Фактически указанные вещества изъяты из гражданского оборота, а переход вещных прав на них осуществляется в рамках административно-правового регулирования.

Отдельные виды объектов гражданских прав изъяты из гражданского оборота непосредственно в соответствии с нормами ГК. К указанным, в частности, относятся нематериальные блага, перечень которых закреплен в статье 151 ГК Беларуси (150 ГК России, пункте 4 статьи 116 ГК Казахстана). Согласно нормам названных статей личные неимущественные права и нематериальные блага принадлежат человеку от рождения или в силу правовых норм, непередаваемы и неотчуждаемы иным способом.

Наряду с запретом гражданского и, соответственно, экономического оборота личных неиму-

щественных прав и нематериальных благ нормами статьи 354 ГК Беларуси установлен запрет на гражданский оборот прав, неразрывно связанных с личностью кредитора, в частности, прав требования об уплате алиментов, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, о выплате пенсии по потере кормильца и других аналогичных прав. Нормы пункта 4 статьи 129 ГК России изымают из гражданского и, следовательно, экономического оборота непосредственно результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, что не исключает переход гражданских прав на них (прав вовлечения объектов в экономическую деятельность) в случаях и порядке предусмотренных ГК РФ.

Режим, запрещающий гражданский и, соответственно, экономический оборот названных объектов установлен в связи с их непосредственной связью с личностью носителя гражданских прав на такие объекты либо с их специфическими свойствами. Кроме того, необходимость распространения на отдельные объекты экономической деятельности правового режима, запрещающего их экономический оборот в рамках гражданского правопорядка, обусловлена интересами государственного управления, в том числе сферой экономики, общественной безопасности и непосредственно гражданского оборота. В настоящее время много внимания уделяется такому объекту экономической деятельности, как криптовалюта в целом и в частности биткоину. Так, в Беларуси с 2018 г., согласно нормам Декрета № 8, в экономический оборот введены цифровые знаки (токены), под которыми понимается запись в реестре блоков транзакций (блокчейн), иной распределенной информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой.

Вместе с тем нормы Декрета № 8 запрещают совершать сделки по обмену токенов на объекты гражданских прав иные чем белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги, непосредственно токены. По сути, в Беларуси установлен режим ограниченного оборота криптовалюты, допускающий осуществление деятельности по майнингу, приобретению, отчуждению токенов за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги и (или) обмен на иные токены, но запрещающий приобретение за криптовалюту товаров, работ, услуг.

Закрепленный в Декрете № 8 подход позволяет защитить экономику государства, включая ее финансовый и банковский секторы, от неконтролируемой государством эмиссии средств платежа (по сути – денежной массы), что, как правило, ведет к росту цен, гиперинфляции и, соответственно, является необходимым правовым средством воздействия на участников экономических отношений в условиях цифровизации экономики.

Режим ограниченного гражданского оборота криптовалюты закреплен в Проекте Федерального закона о цифровых активах, согласно нормам которого, во-первых, цифровые финансовые активы не являются законным средством платежа на территории Российской Федерации, что исключает их использование субъектами экономической деятельности для расчетов за товары, работы, услуги, во-вторых, для совершения обмена криптовалюты на рубли или иностранную валюту требуется идентификация владельца цифрового кошелька, что исключает анонимность операций с цифровыми финансовыми активами и направлено на обеспечение государственной безопасности во всех сферах.

Меры по защите государственной безопасности, принятые в Проекте Федерального закона о цифровых активах и Декрете № 8, следует признать обоснованными, поскольку, как считает Р. Шиллер, лауреат Нобелевской премии по экономике 2013 г., «Криптовалюта не имеет единого курса ..., что биткоин – лучший пример спекулятивного пузыря ... Из-за невозможности проследить, кто именно является владельцем криптовалюты, она пользуется популярностью у хакеров, торговцев оружием и наркотиками ... Новые технологии порождают новые угрозы и вирусы...» [8].

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что региональная экономическая интеграция в рамках ЕАЭС в условиях построения государствами-участниками национальных цифровых экономик и законодательно закрепленной на национальном уровне возможности приобретения и отчуждения криптовалюты участниками экономических отношений, во-первых, требует создания единых (в рамках ГК ЕАЭС) правил осуществления экономической деятельности и допуска в экономический оборот цифровых знаков (токенов), во-вторых, в силу негативных тенденций в экономике, развитие которых возможно в результате допуска в свободный гражданский и экономический оборот криптовалюты, необходимо распространить на всей территории ЕАЭС режим

ограниченного гражданского оборота криптовалюты на уровне наднационального акта ЕАЭС, установив запрет на использование криптовалюты в качестве средства расчетов за товары, работы услуги, как минимум до момента разработки комплекса правовых мер, позволяющих на межго-

сударственном уровне ЕАЭС регулировать эмиссию криптовалюты и осуществлять полный государственный контроль ее применения владельцами электронных кошельков, включая налогообложение оборота криптовалюты.

Список литературы

1. В ногу со временем или по краю пропасти: в Армении узаконят криптовалюты? – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/02/07/v-nogu-so-vremenem-ili-po-krayu-propasti-v-armenii-uzakonyat-kriptoalyuty>
2. Дудаев А. Б., Филонов Н. В. Особенности правового регулирования и взаимодействия государственных органов при осуществлении контроля за оборотом гражданского оружия // Ленинградский юридический журнал. – 2018. – № 2 (52). – С. 246–255.
3. Наркотики и криптовалюта: как биткоин развязал руки наркомафии. – URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5b4328c9489e8d00ac4e47a4/narkotiki-i-kriptovaliuta-kak-bitkoin-razviazal-ruki-narkomafii-5c2b561c0129cd00aaa59f1f>
4. Перспективы законодательного внедрения криптовалюты в Казахстане с учетом опыта зарубежных стран. – URL: <https://www.zakon.kz/4929372-perspektivy-zakonodatelnogo-vnedreniya.html>
5. Правительство не знает, что делать с майнингом и криптовалютами. – URL: <https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan-mining-cryptocurrency-law/30062089.html>
6. Шаблова Е. Г. Предпосылки стабильности гражданского оборота в свете реформирования гражданского законодательства России // Проблемы обеспечения безопасности развития современного общества : сборник трудов IV Международной научно-практической конференции : в 2-х ч. – Ч. II. – Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2014. – С. 152–156.
7. Эксперты обсудили регулирование криптовалют в Казахстане. – URL: https://coinspot.io/law/ussia_sng/eksperty-obsudili-regulirovanie-kriptoalyut-v-kazahstane/
8. 5 главных угроз криптовалютам. – URL: <https://www.dw.com/ru/5-40484064>

Проблемы соотношения и разграничения преступлений и гражданских правонарушений по законодательству Российской Федерации

А. В. Серебрянникова

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права
и криминологии МГУ имени М. В. Ломоносова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»,
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, строение 13
E-mail: serebranna@hotmail.com

М. В. Лебедев

аналитик РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский государственный университет нефти и газа имени И. М. Губкина»,
119991, Москва, Ленинский проспект, д. 65.
E-mail: 3g4g@mail.ru

Problems of Correlation and Differentiation of Crimes and Civil Offenses Under the Criminal Legislation of the Russian Federation

A. V. Serebrennikova

Doctor of Law, Professor, Professor of Criminal Law and Criminology
Lomonosov Moscow State University.

Address: Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, building 13,
119991, Moscow, Russian Federation.
E-mail: serebranna@hotmail.com

M. V. Lebedev

Analyst of Department of National Security Gubkin Russian State University
of Oil and Gas (National Research University).

Address: Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University),
65, Leninsky Prospekt, 119991, Moscow, Russian Federation.
E-mail: 3g4g@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье автор исследует особенности соотношения и разграничения уголовно-наказуемых деяний и гражданских правонарушений в отечественном законодательстве. Акцентируется внимание на сущности указанного правового явления, причинах формирования, методологии определения и аспектах развития, а также, проблематике дифференциации правонарушений в сфере уголовного и гражданского судопроизводства. Автор статьи, акцентируя внимание на сложностях разграничения гражданских деликтов от преступлений в отечественной правоприменительной практике, связывает проблематику качества такого регулирования со слабой изученностью исследуемого понятия и в особенности тех сегментов его использования, где воля правоприменителя на установление ответственности, не подкреплена достаточной законодательной основой.

Ключевые слова: уголовный процесс, гражданское судопроизводство, правонарушение, преступление, гражданский деликт, ответственность, демаркация.

Abstract

In this article, the author explores the features of legislative regulation of issues related to the presentation of such a phenomenon as an offense. Attention is focused on the essence of this legal phenomenon, the reasons for the formation, the methodology for determining and aspects of development, as well as the problem of differentiation of offenses in the field of criminal and civil proceedings. The author of the article, focusing on the difficulties of

distinguishing civil tort from crimes in domestic law enforcement practice, connects the problems of the quality of such regulation with poor knowledge of the concept under study, and especially those segments of its use where the law enforcement will to establish responsibility is not supported by a sufficient legislative basis.

Keywords: criminal procedure, civil proceedings, offense, crime, civil tort, liability, demarcation.

Тематика определения правильности соотношения и разграничения видов правонарушений между собой в настоящее время представляется одной из самых противоречивых в юридической науке. Посылком чему служат не только постоянно изменяющиеся отношения в различных социальных сферах человеческого взаимодействия, но и вполне понятное желание ученых-правоведов выработать качественную методику определения критериев и, соответственно, сущности такого явления, как правонарушение, тем самым последовательно сформировать и внедрить объективную модель межотраслевой дифференциации правонарушений и противоправных деяний.

Особенно актуальной такая позиция признается исследователями в области коммерческих интересов, поскольку с учетом уже сформировавшихся экономических реалий, а также задач, стоящих перед государством в вопросе развития малого бизнеса и предпринимательского сектора в целом, законодателем не во всех случаях выработана верная идеология понимания, какие именно отношения могут быть разрешены посредством гражданско-правового спора, а какие и почему должны рассматриваться и регулироваться путем применения нормы уголовно-правового характера.

Вполне логично, что задачи, поставленные перед правоохранительными органами в части полного контроля за расходованием прежде всего бюджетных средств, подталкивают правоприменителей на применение необходимых мер к недобросовестным участникам оборота денежных средств и других материальных ресурсов, что, как следствие, приводит, скорее, к нарушению общих норм, регулирующих порядок привлечения к ответственности, а также умалению прав участников отношений, подпадающих порой под необоснованное преследование со стороны государства. То, что данная проблематика является следствием недостаточного законодательного развития, уже ни у кого не вызывает вопросов.

Так, в ходе одного из своих ежегодных выступлений перед Федеральным собранием Российской Федерации, а также представителями высших судебных инстанций нашего государства, Президент РФ В. В. Путин подчеркнул, что работа

законодателя заключается в том, чтобы своевременно и качественно реагировать на постоянно изменяющиеся отношения в экономической сфере, проводить мониторинг слабых мест развития инвестиционного климата, а в случае возможности или необходимости вносить соответствующие изменения в действующие акты с учетом того, что такие корреляции помогут не только установить ясность при контроле за правилами ведения бизнеса, но и исключить необоснованное применение норм уголовного права в ходе оценки протекающих экономических процессов. В подтверждение своих слов президент указал на то, что недобросовестное использование уголовно-правовых механизмов приводит к необоснованным нарушениям прав участников социально-экономической среды, о чем свидетельствует статистическая отчетность, согласно которой только по 15% уголовных дел экономической направленности были вынесены обвинительные приговоры. При этом судами при рассмотрении данных дел неоднократно обращалось внимание на то, что некоторые составы преступлений были исключены из обвинения по причине относимости рассмотренных действий обвиняемых к иной сфере судопроизводства, в частности к гражданско-правовой, и непосредственно – арбитражной [8. – С. 10].

Нужно заметить, что именно недостаточность в определении сходств и различий между нарушениями прав участников гражданского оборота стала причиной прекращения впоследствии большей части таких дел за отсутствием состава преступления. А неопределенность границ между преступлениями, например, в сфере экономики и гражданскими правонарушениями давала повод представителям силовых структур самовольно и безосновательно вмешиваться в процессы регулирования бизнеса, нанося ему тем самым серьезный урон.

Говоря о сложности разграничения гражданского правонарушения от преступления, нужно сказать, что исследователями в данном вопросе было выработано два основных направления, одно из которых формировалось с учетом мнения о возможности подобной дифференциации, другое стало основой для утверждения в обратном.

В частности, еще в начале XX в. такие отечественные ученые в области права, как А. Ф. Кистяковский, Л. С. Белогриц-Котляревский, П. Д. Калмыков и др., утверждали, что демаркация между гражданскими деликтами и преступными деяниями невозможна априори, а сам процесс отграничения основан на условности отраслевого предназначения, поскольку сущность любого нарушения заложена в принципе заведомой противоправности [1. – С. 87–98].

Другая группа исследователей, к которым, в частности, относились Г. В. Ф. Гегель, Х. Р. Кёстлин, А. Ф. Бернер, не соглашаясь с позицией неотделимости гражданского проступка от преступления, указывали, что противоправность как общее свойство правонарушения и означенная условность не должна служить доказательством тому, что противоправные деяния не могут быть отделены друг от друга, поскольку само понятие противоправности основано на условности, подкрепленной как объективными, так и субъективными представлениями о феномене нарушения вообще.

Идея разделения противоправных деяний более детально была представлена в трудах Гегеля, который одним из первых, определяя право как абсолютную волю, указал, что любое уклонение от заданных параметров социального регулирования должно рассматриваться как правонарушение, при этом необходимо различать, что гражданская «неправда» формируется как последствие неосознанного (неосторожного) влияния субъекта на возникшие отношения, в то время как уголовное нарушение – это «неправда», суть которой заключается в сознательном противопоставлении поведения субъекта не только интересам другого лица, но и общественным интересам (всеобщей воле) [5. – С. 11–17].

Указанные точки зрения стали основой для успешного развития того и другого направления, однако впоследствии привели к тому, что в настоящее время ученые так и не смогли выработать общий знаменатель по спорному вопросу. Одни продолжают настаивать на том, что уголовно-наказуемое деяние характеризует исключительно наличие предусмотренного законом конкретного наказания, в то время как нормы гражданского законодательства в своей структуре не только не имеют санкций за нарушение установленных правил гражданского оборота, но и в отличие от норм уголовного права, не содержат даже дефиниции «правонарушение».

Согласно положениям Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – Кодекс, УК РФ), понятие преступления имеет вполне понятные очертания, закрепленные в статье 14 данного Кодекса, и включает в себя такие идентификационные правовые признаки, как противоправность, наказуемость и общественная опасность. В свою очередь гражданское законодательство аналогичного подхода к определению понятия правонарушения не содержит, отсутствует он и в научной среде. При этом понятие преступления, как мы знаем, было выработано и сформулировано на основе объективного представления об уголовном деянии не только к нашей стране, но и за рубежом. В каждой норме Особенной части Кодекса установлена ответственность за допущенное нарушение закона, а ее дифференциация свидетельствует о индивидуальности подхода законодателя к каждому составу правонарушения в отдельности.

Это подтверждается исследователем Л. Л. Кругликовым, который убежден, что именно характер и степень общественной опасности, выраженные законодателем в конкретных признаках и категориях, формируют верное представление о значимости нарушения и, как следствие, позволяют отличать преступление от иных видов нарушений права (правонарушения), в том числе и гражданских деликтов [7. – С. 19–32].

Как мы видим, воля законодателя и нормативная определенность в вопросе обозначения степени общественной опасности и характера какого-либо отдельного нарушения вносят ясность как в сущность понятия правонарушения, декларируя его особенности с учетом отраслевого предназначения, и одновременно с этим определяет его категорическое отличие от остальных видов правонарушений, в том числе и гражданских.

Другие исследователи, принимая точку зрения о значимости роли законодателя в установлении отграничений одного вида нарушения от другого, указывают на критическую условность в вопросе установления вышеуказанных признаков. Вместе с тем отсутствие в гражданских законах понятия правонарушения является лишь свидетельством того, что суть неправомерного деяния различна только по дополнительным отраслевым критериям и подкрепляется мнением о наличии прямой зависимости представления о том или ином правовом явлении от постоянно изменяющегося общественного внимания к вопросам ответственности, социаль-

ного развития и материального благополучия граждан и даже изменения внутриполитической конъюнктуры [4. – С. 11–24].

Примером этому может служить ситуация с таким правонарушением, как оскорбление, которое, вопреки существующей практике за рубежом, относящей данное правонарушение исключительно к категории уголовно наказуемых, российским законодателем было выведено из числа общественно опасных и определено в разряд административных проступков. В то же время деяния, предусмотренные статьями 148, 297, 319, 336 УК РФ, продолжают расцениваться как общественно опасные, несмотря на то, что по своей сути и вопреки общей конституционной позиции, согласно которой высшей ценностью являются права и свободы именно гражданина и человека (ст. 2. Конституции РФ), а не человека и гражданина наделенного властными полномочиями или правом относить себя к религиозной организации, несмотря на то, что в части противопоставления одной личности интересам другой, носят аналогичное предназначение.

Все это свидетельствует о неопределенности в вопросе разграничений между одним правонарушением и другим. Если между административными правонарушениями и преступлениями разница заключается в относимости последних к общественно опасным деяниям в основном в силу образуемых последствий (или возможности их наступления), то проблематика определения объективной стороны гражданского правонарушения в сравнении с составом преступления носит более филигранный характер.

Одним из критериев разграничения противоправных деяний на гражданские и уголовные является такой правовой показатель, как малозначительность, – общее явление, предусмотренное частью 2 статьи 14 УК РФ, которое не так широко, в силу крайне субъективного оценочного подхода, и предметно изучается в отечественной науке и, как следствие, применяется на практике [3. – С. 74–83].

Тем не менее, в силу возможного влияния на оценку действий, притом что данный критерий, как правило, повсеместно применяется исключительно по умысленным составам правонарушений, малозначительность порой играет важную роль. Благодаря его действию даже при наличии прямого умысла на хищение чужих средств (мошенничество) такое деяние в силу незначительности вреда может не влечь за собой уголовное пре-

следование, а лишь только применение мер гражданско-правового характера. Подтверждением служит и позиция Верховного Суда Российской Федерации, который в своих решениях неоднократно обращал внимание на недопустимость уголовного преследования из-за отсутствия в деяниях виновного последствий в виде существенного вреда, следовательно, по причине малозначительности.

Несмотря на положительность разграничения правонарушений по принципу малозначительности, его действие носит крайне оценочный характер, а механизм не содержит понятных постулатов правильности использования, чем ставит легитимность его применения в исключительную зависимость от воли правоприменителя.

Другим проблемным аспектом разграничения гражданских деликтов от уголовных деяний представляется то, что и уголовная, и гражданско-правовая ответственность в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации могут выступать одной единой силой в вопросах достижения целей социальной справедливости. Однако их целевая направленность привносит многочисленные суждения относительно правильности такого подхода, так как право гражданского истца, предусмотренное статьей 44 УПК РФ и подача им искового заявления вследствие вреда, причиненного преступлением, при условии, что возмещение причиненного вреда возможно в добровольном порядке, делает возможность привлечения ответчика к уголовной ответственности потенциально губительной для общественного развития. Кроме того, логико-правовое осмысление подобного развития событий формирует представление о двойном наказании не только у участников отношений и их представителей, но и у правоприменителей. Представляется вполне очевидным, что в таких случаях основания для использования как уголовной, так и гражданско-правовой ответственности носят дублирующий характер, в связи с чем целесообразно поставить вопрос о двойственной природе возникших отношений и, соответственно, тождественности противоправных явлений: гражданского и уголовного.

Так, в 2018 г. практически во всех субъектах РФ был проведен опрос среди федеральных судей относительно правильности использования вышеуказанного подхода при определении вины в совершении таких преступлений, как кража (ст. 158 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ) и иных

противоправных деяний, цель совершения которых состоит в неправомерном завладении чужим имуществом либо его незаконным приобретением. При этом было сформировано условие, при котором на момент принятия такого дела к производству, вред, причиненный действиями обвиняемого, был возмещен в полном объеме, а в его действиях усматривались признаки конклюдентного поведения, направленного на возмещение такого вреда [2].

По результатам опроса, мнения представителей судебного корпуса разделились практически поровну, чем дали почву для размышлений о правильности используемого механизма и о возможности причинения необоснованного вреда общественным интересам правоохранителями вследствие применения мер уголовно-правового характера.

Следует отметить, что наиболее часто при данном анкетировании звучало упоминание о сложности отграничения такого вида преступления, как мошенничество, осуществляемого под прикрытием гражданско-правовых договоров, от реальных сделок, причиной неисполнения обязательств по которым становятся, как правило, форс-мажорные обстоятельства субъективного характера, предпринимательская слабость и профессиональная неподготовленность одного из участников договорных отношений, а также отсутствие должной государственной поддержки в вопросах изменения социально-экономического климата. Кроме этого, одним из результатов данного опроса стал вывод о сложности разграничения деяний именно в сфере экономики. Хотя на протяжении почти 20 лет в соответствующие главы УК РФ неоднократно вносились изменения, связанные с криминализацией и декриминализацией различных деяний в сфере экономики.

Одним из критериев, которые признаются на практике и в правовой науке при разграничении уголовно-наказуемого мошенничества и гражданских правонарушений, является способ, посредством которого пострадавший от противоправных действий может осуществить защиту принадлежащего ему имущества. При этом важно учитывать, что именно нормы гражданского права являются основным инструментом во всем цивилизованном мире при защите права собственности. К таким способам можно отнести виндикационные и негаторные иски, а также иски о защите права собственности [6. – С. 5–10].

Еще одним критерием отграничения являются специальные признаки составов мошенничества. Так, например, для отграничения состава преступления, предусмотренного статьей 159.1. УК РФ (мошенничество в сфере кредитования) от гражданского нарушения, законодатель ставит условие невозможности использования недостоверных (подложных) сведений в отношениях между кредитором и заемщиком на стадии заключения кредитного договора. Однако на практике возникает проблема, суть которой может выражаться в том, что заемщик, предоставляя, например, сведения о своем доходе, тем самым гарантирует его неизменность во всяком случае на протяжении срока действия кредитных обязательств. В то же время гарантировать, что предоставленные им сведения относительно постоянства такого заработка не изменятся, клиент кредитного учреждения не может. Поэтому гарантированность предоставления таких сведений должна быть соблюдена исключительно на стадии их первоначальной подачи. Данная позиция была озвучена Пленумом Верховного суда Российской Федерации в Постановлении от 30 ноября 2017 г. № 48 (далее – Постановление), в котором отмечалось, что обстоятельства, указывающие на невозможность исполнения своих обязательств должником, в дальнейшем не должны рассматриваться судом как предоставление заведомо ложных сведений изначально. Судам необходимо с учетом дополнительных признаков (действий и бездействия должника) и в каждом конкретном случае устанавливать, намеревалось ли лицо исполнять свои обязательства.

Еще одним важным признаком объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 159 УК РФ, которое при отграничении данного деяния от гражданско-правового создает сложности в оценке действий субъекта, является злоупотребление доверием. Ошибочность при выявлении или оценке такого признака зиждется на неверном понимании того, в какой именно момент данные о невозможности исполнения обязательств по договору были предоставлены в адрес владельца или уполномоченного на передачу средств лица (п. 3 Постановления), как и при обмане, имеют место перед заключением сделки. Таким образом, если одной из сторон сделки еще до ее заключения известно, что обязательства ею исполнены не будут, то речь следует вести о мошенничестве. Если же договорные обязательства

не исполняются в результате возникших после заключения сделки обстоятельств, о которых сторона, не исполнившая обязательства, не знала при заключении договора, либо форс-мажорных обстоятельств, не указанных в договоре, деяние уголовно наказуемым считаться не будет.

Вместе с тем возникает вполне логичный вопрос об оценке действий лица, если оно, будучи точно уверенным в возможности предстоящего банкротства, заключает сделку, пытаясь избежать его, в результате уверяет другую сторону в своей платежеспособности.

Следовательно, взвешивая собственные силы, лицо не намеревалось нарушать условия договора, однако находилось в состоянии обоснованного сомнения, о которых будущему кредитору не сообщило. Последовательно это создает ситуацию, которая в данном случае будет считаться пограничной, поскольку умысла на обман клиент кредитного учреждения не имел, но при этом вводил в заблуждение относительно достоверности предоставляемых им сведений.

Полагаем, что при таком положении дел решение о необходимости уголовного преследования должно формироваться с учетом реального финансового положения лица, определяя ключевой момент в предоставлении сведений – заключение сделки, а также последующее поведение должника в том числе и в части реализации собственных активов, предоставления документов, свидетельствующих о желании их исполнения, возмещения части убытков или др.

Другим проблемным примером такого разграничения служат преступления, где среди признаков объективной стороны одним из них оказывается признак крайне оценочного свойства. Так, в диспозиции статьи 167 УК РФ, устанавливающей ответственность за умышленное уничтожение или повреждение к последствиям отнесены только те последствия, которые по факту причинили значительный моральный и материальный вред и

ущерб соответственно. Вместе с тем в практике привлечения виновных лиц возникают проблемы, поскольку в самом законе нет четких указаний на то, каким образом вести подсчет и давать оценку причиненному вреду в части определения его значительности. Это в свою очередь порождает различные спекуляции как со стороны пострадавших, так и со стороны правоохранителей, нередко исключающие возможность дополнительного сбора сведений относительно реальности материального положения потерпевшего.

Затронув некоторые аспекты разграничения понятия «правонарушение» в таких сферах законодательного регулирования, как уголовная и гражданско-правовая, мы можем отметить, что основной причиной формирующейся проблематики является недоработка в вопросах нормативного закрепления критериев, определяющих сущность такого явления, как «правонарушение» в гражданском праве, недостаточность доктринального представления о признаках разграничения при применении норм гражданского законодательства и уголовного закона на практике, а также разбалансированность сегментов гражданско-правовой и уголовной ответственности при определении меры наказания с учетом совершенного деяния и возможности устранения его последствий. К сожалению, институт гражданского права до сих пор остается недостаточно разработанным в юридической науке, что объясняется сосредоточенностью отрасли на вопросе гражданско-правового регулирования общественных отношений в сфере нормального имущественного оборота. Поскольку в связи с совершением гражданского правонарушения наступает как договорная, так и внедоговорная ответственность, многогранность и неоднородность данного института неоспорима. Однако, по нашему мнению, это не означает, что юридическая наука бессильна в вопросе выработки отраслевых критериев отграничения гражданских правонарушений и преступлений.

Список литературы

1. *Александрова В. В.* Преступление и гражданское правонарушение: теории разграничения // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2017. – № 4. – С. 87–98.
2. *Александрова В. В.* Преступления в сфере экономики: проблемы соотношения и разграничения с гражданскими правонарушениями : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2018.
3. *Винокуров В. Н.* Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы // Журнал российского права. – 2014. – № 4 (208). – С. 74–83.

4. *Волошко М. В.* Гражданско-правовая ответственность за коррупционные правонарушения // Студенческий вестник. – 2020. – № 2–2 (100). – С. 11–14.
5. *Егоров А. А.* Теория правонарушения в трудах классиков немецкой философии (И. Кант, Г.В.Ф. Гегель) // Российское право онлайн. – 2019. – № 1. – С. 11–17.
6. *Игнатович Н. М.* Обеспечение иска как способа защиты гражданских прав // Научно-исследовательские публикации. – 2014. – № 6 (10). – С. 5–10.
7. *Кругликов Л. Л.* Характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного: понятие, влияние на выбор судом наказания // Современное состояние и пути развития уголовного права Российской Федерации: научные и учебно-методические аспекты : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова / под ред. В. Ф. Лапшина. – Рязань, 2016. – С. 19–32.
8. Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации Прямая речь // Стандарты и качество. – 2020. – № 2.

Государственно-правовое регулирование процесса ресоциализации молодых женщин, вышедших из мест лишения свободы

Т. К. Ростовская

доктор социологических наук, профессор, заместитель директора ИСПИ ФНИСЦ РАН,
заведующая кафедрой социальной педагогики
и организации работы с молодежью РГСУ.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»,
107076, г. Москва, ул. Стромынка, д. 18.
E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

В. М. Галич

магистрант РГСУ.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»,
107076, г. Москва, ул. Стромынка, д. 18.
E-mail: galich0707@mail.ru

State Legal Regulation of the Process of Resocialization of Young Women Released from Prison

T. K. Rostovskaya

Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Institute of Socio-Political Research – Branch
of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy
of Sciences (ISPR FCTAS RAS), Head of the Chair of Social Pedagogic
and Organization of Work with Young of the Russian State Social University.

Address: Russian State Social University, 18, Stromynka street, Moscow, 107076.
E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

V. M. Halych

Master's Degree in Organization of Work with Young People Russian State Social University.

Address: Russian State Social University, 18, Stromynka street, Moscow, 107076.
E-mail: galich0707@mail.ru

Аннотация

В статье обращается внимание на проблему государственно-правового регулирования процесса ресоциализации молодых женщин, вышедших из мест лишения свободы. Актуализируется необходимость законодательного регулирования отношений, связанных с обеспечением надлежащих условий для социальной адаптации лиц, освободившихся из мест заключения, охраной их трудовых и социально-экономических прав.

Ключевые слова: осужденные молодые женщины, социальная адаптация молодых женщин, вернувшихся из мест лишения свободы, государственные механизмы поддержки молодых женщин, вернувшихся из мест лишения свободы.

Abstract

The article draws attention to the problem of state-legal regulation of the process of re-socialization of young women released from prison. The need for legislative regulation of relations related to ensuring appropriate conditions for social adaptation of persons released from their places of detention, protection of their labor, social and economic rights is being updated.

Keywords: convicted young women, social adaptation of young women who returned from prison, state support mechanisms for young women who returned from prison.

В условиях реформирования системы поддержки женщин в современном обществе¹, постпенитенциарная помощь женщинам, освобожденным из мест лишения свободы, приобретает особую актуальность в связи со снижением среднего возраста осужденных женщин.

Ресоциализация как юридическая категория предусматривает пенитенциарный (во время отбывания наказания) и постпенитенциарный (после освобождения) периоды, когда происходит социальная адаптация, требующая трудоустройства и предоставления правовой, социальной, медицинской и психологической помощи.

Социальная адаптация женщин – это комплекс мероприятий, направленных на восстановление связей бывшей осужденной и ее социальную реабилитацию после освобождения на волю, что имеет первоочередное значение для молодых женщин. Если молодой женщине, освобожденной из мест лишения свободы, создать достойные жилищные условия, трудоустроить, оказать правовую, финансовую, психологическую и медицинскую помощь, то процесс реабилитации пройдет успешно и не возникнет риск повторного совершения преступления. Если же молодая женщина не сможет найти работу, жилье, не создаст семью, не наладит связей с родственниками и близкими, не получит правовую, медицинскую, психологическую и финансовую помощь, то она, вероятно, снова станет на путь совершения преступления. Поэтому именно постпенитенциарная социальная адаптация имеет важное значение для социальной адаптации личности молодой женщины.

Известно, что изоляция от общества, особенно на длительный срок, влечет потерю социально полезных связей и лишает самостоятельности в решении бытовых проблем. Процесс возвращения к законопослушной жизни молодых женщин, освобожденных из мест лишения свободы, усложняется отсутствием у них социальных связей, образования и работы до осуждения.

Находясь в учреждениях исполнения наказаний, женщины зачастую приобретают навыки преступной жизни, при этом во время отбывания наказания деформация личности может углубиться, что существенно усложнит ресоциализацию и социальную адаптацию после выхода на волю.

Практика свидетельствует, что молодым женщинам, освобожденным из мест лишения свободы, утратившим социальные связи с семьей, родственниками и близкими, на поиски места работы и жилья необходимо несколько месяцев, в течение которых они попрошайничают, ночуют на вокзалах, в подвалах и снова совершают преступления.

Одним из способов успешной ресоциализации женщин после освобождения из мест лишения свободы является процесс их социальной адаптации, предусматривающий восстановление социального статуса, полезных связей, привычек, навыков, трудовой квалификации, а также формирование положительного образа жизни. Однако для этого необходимы нормальные жилищные и бытовые условия, наличие регистрации (прописки), трудоустройство, медицинская, психологическая и социальная помощь.

Статьями 180, 181, 182 «Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 20 декабря 2017 г.)² закрепляются права лиц, освобождаемых из мест лишения свободы. В УИК РФ в общих чертах закреплены обязанности исправительного учреждения по оказанию содействия по трудовому и бытовому устройству, а также некоторые виды социальной помощи. На сегодняшний день уголовно-исполнительное законодательство содержит бланкетные нормы в части определения бытового и трудового устройства, но не определяет четкий порядок и алгоритмы оказания социальной помощи прежде всего государством. Частично нормы прописаны в дополнительных ведомственных нормативных документах. Решение же жизненно важных вопросов для бывших осужденных законодательством четко не урегулировано. При этом то, что прописано в уголовно-исправительном законодательстве Российской Федерации обеспечивается неудовлетворительно. Следует также обратить внимание на участвовавшие в последнее время коррупционные факты функционировании уголовно-исполнительной системы, которые ослабляют эффективность всего механизма реализации и обеспечения прав осужденных. Нарушения прав и свобод в данной сфере связаны с предоставлением за опреде-

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 марта 2017 г. № 410-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы».

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 20 декабря 2017 г.).

ленное вознаграждение досрочного освобождения, а также необоснованных льгот отбывающим наказание.

Одной из важных проблем, связанных с социальной адаптацией женщин, являются налаживание их взаимоотношений с близкими и родственниками и трудоустройство. Так, среди осужденных женщин за время пребывания в тюрьме семья сохранилась только у 25,5% и только 1,6% отбывающих наказание снова создали семью или вступили в брак [2].

В рамках настоящего исследования установлено, что причиной невыполнения центрами занятости населения, органами внутренних дел требований по трудоустройству молодых женщин, освобожденных из мест лишения свободы, является их низкая квалификация. Так, по статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации высшее образование имеют только 13% осужденных женщин¹.

Обеспечение работой – важный фактор в процессе социальной адаптации женщин после освобождения на волю, формирующий у них положительные установки. Поэтому в обязанности органов государственной власти и местного самоуправления входит помощь в трудоустройстве таких женщин, что предусмотрено Законом РФ «О занятости населения в Российской Федерации». Проблему трудоустройства женщин можно решить путем создания региональных центров занятости осужденных при местных органах власти.

Для этого необходимо объединить усилия различных государственных органов, общественных и религиозных организаций, а также создать единый орган, который стал бы заниматься вопросами социальной адаптации осужденных в масштабе всего государства, например, центр ресоциализации осужденных и его филиалы. Кроме вопросов трудоустройства и ресоциализации осужденных, целесообразно возложить на него решение вопросов жилищного, трудового и бытового устройства женщин, которые уже отбыли наказание и готовятся к освобождению. При таких центрах целесообразно создать специализированные женские отделения, в которых осужденным женщинам оказывали бы помощь по устройству детей в детские учреждения, в оформлении опеки над ними, организации квалифицирован-

ного медицинского и юридического консультативного обслуживания, а также материальную помощь в необходимых случаях. На наш взгляд, центром социальной адаптации женщин должен быть только административный орган, уполномоченный от имени государства выполнять функции по трудоустройству и оказанию правовой, медицинской помощи освобожденным женщинам и их детям. Необходимо также создать специальную ассоциацию бывших осужденных женщин, имеющую собственный денежный фонд, который создавался бы за счет взносов ее членов. В Законе есть ряд положений о предоставлении женщинам помощи по трудовому и бытовому трудоустройству, однако финансирование из бюджета не предусмотрено, поэтому следует дополнить этот закон положением о выделении средств на социальную и трудовую реабилитацию лиц, освобожденных из учреждений отбывания наказаний.

На основании вышеизложенного, можно сделать следующие выводы. Так, для решения вопроса о государственном финансировании программы социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, необходимо четко регламентировать предоставление правовой, социальной, медицинской, психологической помощи. Вместе с тем важно осуществлять социальный контроль в период социальной адаптации; решить проблему трудоустройства и предоставления жилья, что предусмотрено Жилищным кодексом Российской Федерации. Женщинам, не имеющим жилья в выбранном городе проживания, должна быть предоставлена возможность временного проживания в общежитиях или центрах социальной адаптации, которые должны быть созданы местными органами исполнительной власти. В регионах с помощью городских государственных администраций и органов местного самоуправления за счет местных бюджетных и внебюджетных средств, благотворительных и религиозных организаций нужно организовать приюты, дома ночного и временного пребывания лиц, не имеющих жилья, а также создать единый орган, который бы занимался вопросами социальной адаптации осужденных в масштабе всего государства.

В современной России, начиная с 1997 г., в нижнюю палату Федерального собрания Российской Федерации неоднократно вносились законо-

¹ Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. – URL: <http://crimestat.ru>

дательные инициативы, связанные с обеспечением условий для социальной адаптации лиц, освободившихся из мест заключения, защитой их трудовых, социально-экономических прав. Это такие законопроекты, как «О социальной помощи лицам, отбывшим наказание, об организации контроля их поведения», «Об основах социальной адаптации и адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы», «О мерах по социальной поддержке осужденных и лиц, освобожденных из мест лишения свободы» [1].

Коллективом авторов ФКУ НИИ ФСИН России также разработана концепция проекта Федерального закона «О государственной поддержке лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы», основной целью которого является «...законодательное закрепление комплекса организационно-правовых и социально-экономических мер, направленных на создание адресной системы государственной поддержки лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и нуждающихся в трудовом и бытовом устройстве, жилищном и пенсионном обеспечении, охране здоровья, и гарантий ее получения» [3]. Помимо реализации правозащитных функций для осужденного лица, целью этих законопроектов является защита всего общества от преступных посягательств, предупреждение рецидивной преступности среди освободившихся.

Как известно, основная задача функционирования учреждений уголовно-исправительной системы – достижение целей уголовного наказания, в частности, исправление осужденных.

Еще один аспект в рамках совершенствования механизмов обеспечения прав осужденных лиц – введение в штат исправительных учреждений высококвалифицированных специалистов в области социальной работы. Это во многом будет способствовать решению проблем заключенных в части их дальнейшей социальной адаптации, а также проблем общества, связанных с ростом рецидивной преступности, особенно в молодежно-подростковой среде.

Практика показывает, что проводимая в местах лишения свободы социальная и психологическая работа способствует оздоровлению морально-психологического климата, особенно среди молодежи, включая женщин-преступниц [4].

Вместе с тем большая часть работы с осужденными на современном этапе должна осуществляться исправительными учреждениями. При этом

право на социальную помощь, в том числе в разрезе социальной адаптации при освобождении, является одним из общих социально-экономических прав граждан, закрепленных статьей 39 Конституции Российской Федерации.

Для работников многих организаций наличие у лица судимости в прошлом, даже давно погашенной, – это веская причина для отказа в приеме на работу. Причем причину отказа сотрудники кадрового аппарата указывают совершенно другую. Именно поэтому от того, каким образом сложатся отношения между освободившимися из мест лишения свободы и государственными структурами, которые призваны им оказывать содействие и реализовывать социальный контроль, многое зависит. Очевидно, низкая, а зачастую негативная оценка общественностью адаптационной работы, необходимость непрерывно преодолевать бюрократические преграды, а также большой уровень рецидивной преступности в условиях настороженного, а иногда и враждебного общественного мнения о судимых ранее, приводит к мысли о бесполезности собственных усилий.

Для разработки эффективного перечня мер по ресоциализации женщин-преступниц необходимо понять суть явления, выявить причины и глубинные процессы, которые осложняют этот процесс.

Примером того, как сложно бывшему заключенному получить помощь от государства, является апелляционное определение Астраханского областного суда от 19 января 2015 г. по делу № 33-74/ 2015 об отказе в удовлетворении требования истца по предоставлению материальной помощи для приобретения необходимой по сезону одежды исправительным учреждением, где он содержался, так как данная норма законом не предусмотрена.

Действующая на современном этапе система правового регулирования и сложившаяся система бытового и трудового устройства лиц, отбывших наказание, не обеспечивает в полной мере реализацию прав и законных интересов указанной категории граждан, не отвечает принципам социальной справедливости. Проблема обеспечения прав вышедших на свободу молодых женщин, помимо несовершенства законодательной базы, заключается и в качестве исполнения имеющихся законов и подзаконных актов.

Острота проблемы социальной помощи гражданам, освободившимся из мест лишения свободы, обуславливается еще и тем, что многие из

них страдают тяжелыми хроническими заболеваниями, находятся в пенсионном возрасте, в силу чего нуждаются в госпитализации, медицинском обследовании, помещении в туберкулезные диспансеры, дома для престарелых и инвалидов. Социальная адаптация и адаптация освободившихся из мест лишения свободы – сложный процесс. Во избежание совершения освободившимся лицом новых преступлений первостепенной задачей государства является продуманная, комплексная помощь бывшим осужденным в адаптации, а также оказание им помощи в бытовой жизни и трудоустройстве.

В целом исходя из анализа законодательной базы и правоприменительной практики можно говорить об отсутствии в Российской Федерации эффективного механизма реализации прав, оказания помощи, прежде всего государством, данной категории граждан в решении вопросов адаптации и социализации, об отсутствии четко разработанного и отлаженного механизма обеспечения прав и законных интересов лиц, освободившихся из мест заключения, а также лиц, ранее приговоренных к мерам наказания, не связанным с лишением свободы. Помощь таким гражданам носит эпизодический характер, недостаточно обеспечена нормативно и организационно, особенно это касается тех случаев, когда эти права нарушаются.

Тем не менее несмотря на всю логичность выводов, они кажутся искусственными. Для обеспечения достижения целей уголовного наказания, особенно исправления осужденных, государство тратит колоссальные средства, получая взамен весьма сомнительный результат. Уголовно-исполнительная система России во многом сохранила черты старой пенитенциарной системы, ориентированной на другое общество и на других преступников. Поэтому совершенствование нормативно-правовой базы деятельности уголовно-исполнительной системы, практики назначения и исполнения наказаний, введение новых видов наказаний, альтернативных лишению свободы, сами по себе не смогут изменить ситуацию, если не будет налажена действенная система воспитания осужденных в период отбывания ими наказания.

Весьма проблематично обеспечение управляемости такой социально опасной массой, не говоря уже о системном воспитательном воздействии на нее в течение всего периода отбывания наказания.

В России в работе с осужденными важное место в воспитательной работе всегда отводилось самодетельным организациям осужденных, создаваемым для решения проблем самих осужденных, возникающих в процессе совместной жизнедеятельности в исправительном учреждении. Однако, несмотря на детальную регламентацию вопросов организации и деятельности самодетельных организаций ведомственными приказами и положениями, во многих учреждениях уголовно-исполнительной системы они функционировали формально, а нередко и с грубейшими нарушениями законодательства, выражавшимися в частности в незаконном делегировании им полномочий по обеспечению надзора, дисциплины, порядка и др. В целях решения данных проблем был принят ряд нормативных актов, в том числе и Закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания». Приказ Минюста России от 8 июня 2005 г. № 79 «Об утверждении Положения о порядке формирования и деятельности самодетельных организаций осужденных в исправительном учреждении Федеральной службы исполнения наказаний» признан утратившим силу. Заменявший его Приказ Минюста России от 31 декабря 2009 г. № 441дсп «Об утверждении Положения о порядке формирования и деятельности самодетельных организаций в исправительных учреждениях» предусматривает только одну организационную форму самодетельных организаций – совет коллектива осужденных исправительного учреждения.

Это обстоятельство привело к тому, что в одних учреждениях ФСИН все самодетельные организации были распущены, в других продолжают функционировать различные советы и их секции, а также советы коллективов отрядов и их секции. И это несмотря на то что в докладе Президиума Государственного Совета Российской Федерации от 11 февраля 2009 г. (г. Вологда), посвященном проблемам состояния уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, была признана необходимость проведения работы по активизации и совершенствованию деятельности общественных формирований осужденных.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года в разделе «Социальная, психологическая, воспитательная и образовательная работа с осужденными» в числе основных задач устанавливает

разработку новых подходов к формированию самодетельных организаций осужденных с учетом интересов и потребностей в них самих осужденных, а также совершенствование правового регулирования их деятельности.

В России, как и во всем мире, наиболее распространенным и традиционным методом реинтеграции осужденного является система инспекций по контролю за досрочно освободившимися лицами. Этот метод наиболее заформализован и недостаточно эффективен, так как изменение режима отбывания наказания не гарантирует, что человек может успешно решать свои проблемы. В рамках этого метода в основном осуществляется контроль за освобожденным и его поведением.

Другой метод социальной адаптации базируется на индивидуальной помощи освобожденным лицам. Типичная форма такой работы – социальное сопровождение освобожденного из мест лишения свободы. Специфика такого метода заключается в том, что в ходе сопровождения решаются индивидуальные проблемы, актуальные именно для этого освобожденного. Однако индивидуальная работа требует больших человеческих и материальных ресурсов. Поэтому успех этого метода будет достигнут в тех странах, где развиты традиции волонтерства. Например, в некоторых тюрьмах Великобритании на одного осужденного приходится два волонтера. Интересен опыт групп самопомощи, которые создаются бывшими осужденными, уже успешно реинтегрированными в общество. Такие группы оказывают не только социальную, но и психологическую поддержку. Первое такое сообщество появилось в XIX в. в Великобритании. В настоящее время оно положительно себя зарекомендовало и в других странах.

Решающим фактором существования таких групп является осуществление супервизии (наставничества), что требует установления определенных стандартов работы и оценки ее эффективности.

Следует выделить и такой метод социальной адаптации осужденного, как создание и развитие инфраструктуры, позволяющей решать различные проблемы освобожденных, прежде всего жи-

ля, трудоустройства, досуга, поддержки общественно полезных связей и т. п. Такие учреждения, как правило, включены в государственную и муниципальную социальную систему и отличаются разнообразием предоставляемых услуг. Цели таких социальных учреждений заключаются преимущественно в минимальной поддержке де социализованных лиц, вернувшихся из мест лишения свободы, предотвращая таким образом их окончательное падение на социальное дно. В западных странах популярность получили Центры социальной реинтеграции, нацеленные на помощь перспективному меньшинству, т. е. на тех, кто хочет изменить свою жизнь к лучшему. Опыт таких апробационных (испытательных) программ накоплен во многих ведущих странах мира, в частности в Канаде, Швеции, Великобритании.

Международная практика не имеет очевидных универсальных механизмов реинтеграции и отличается различными подходами и новаторскими экспериментами, которые целесообразны в той или иной стране. Каждый из методов реинтеграции имеет свои ограничения и недостатки, поэтому для достижения эффекта реинтеграции необходимо сочетать различные меры работы с лицами, которые нуждаются в постпенитенциарной опеке в пределах финансовых, кадровых и материальных ресурсов, которые есть в наличии. По нашему убеждению, в современном российском обществе в условиях ограниченности государственного финансирования институтов постпенитенциарной опеки, имеющих преимущественно формальный характер деятельности, неразвитости волонтерского движения, направленного на помощь этой категории людей, отсутствия традиции привлечение групп самопомощи для решения проблем реинтеграции осужденных и т. п. именно деятельность центров реинтеграции является наиболее перспективной в адаптации освобожденных граждан к жизни на свободе.

Зарубежный опыт ресоциализации для России является достаточно актуальным и перспективным. Поэтому целесообразно его разностороннее изучение и использование для реформирования российской пенитенциарной системы с учетом наших национальных особенностей и условий.

Список литературы

1. Гусаров П. Н. Ресоциализация и адаптация осужденных: проблемы и перспективы пенитенциарной системы в России // Молодой ученый. – 2018. – № 22. – С. 270–273. – URL: <https://moluch.ru/archive/208/51126/> (дата обращения: 17.10.2019).
2. Лобанова К. А., Пчелина О. В. Социальная адаптация женщин, освободившихся из мест лишения свободы // Россия в пространстве глобальных трансформаций: в фокусе наук о человеке, обществе, природе и технике / ответственный и научный редактор В. П. Шалаев : материалы Международной междисциплинарной научной конференции, 2016. – С. 119–120/
3. Первозванский В. Б., Голик Н. М. О Концепции проекта Федерального закона «О государственной поддержке лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы» // Вестник Кузбасского института. – 2016. – № 3 (28). – С. 66–74.
4. Фундаментальные научные исследования: теоретические и практические аспекты : сборник материалов III Международной научно-практической конференции, 2017. – С. 640–641.

Реституция как способ защиты частных прав. Обеспечение взаимности двусторонней реституции

Р. М. Аллалыев

кандидат юридических наук, доцент кафедры

гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова»,

117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: Allalyevu.rm@rea.ru

Т. Н. Бурибаев

студент 3-го курса факультета экономики и права РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова»,

117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: timbur99@gmail.com

Restitution as Method of Protecting Private Rights. Assurance of Reciprocity of Bilateral Restitution

R. M. Allalyev

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,

Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: Allalyevu.rm@rea.ru

T. N. Buribaev

3th Year Student of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,

Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: timbur99@gmail.com

Аннотация

В статье исследуются сложившиеся подходы к пониманию правовой природы одного из общих последствий недействительности сделки – реституции. В результате проведенного анализа различных точек зрения на вопрос о подлинной сущности института реституции, был выявлен наиболее предпочтительный, по мнению авторов, подход к пониманию такого исследуемого механизма, как особый способ защиты частных интересов. Авторы уделяют внимание исследованию обязательственного характера реституции, а также ее самостоятельности в системе способов защиты гражданских прав. Рассматривается проблема соотношения реституционного, виндикационного и кондикционного требований. На основе анализа судебной практики приводятся аргументы в пользу возможности применения по аналогии закона правил, установленных статьей 328 ГК РФ.

Ключевые слова: реституционные обязательства, виндикация, неосновательное обогащение, последствия недействительности сделок, способ защиты права, синаллагма, двусторонняя реституция, обеспечение исполнения реституции, обязательства, добросовестный приобретатель, конфискация.

Abstract

The article investigates prevailing approaches to understanding the legal nature of one of the general consequences of transaction invalidity - restitution. Following the analysis of various viewpoints on the question of the true nature of restitution, the authors found the most preferable approach to understanding the examined mechanism as a special way of protecting private interests. Particular attention was paid to the study of the binding nature of restitution, as well as its independence in the system of civil rights protection methods. The authors consider the problem of the correlation between restitution, vindicatory and condictional requirements. Based on the analysis of judicial practice, arguments are presented in support of the possibility to apply the rules established by article 328 of the Civil Code of the Russian Federation, by analogy of statute.

Keywords: restitutional obligation, vindication, unjust enrichment, consequences of invalidity of transactions, methods of protection of rights, synallagma, bilateral restitution, enforcement of restitution, obligation, bona fide purchaser, confiscation.

В современном гражданском праве Российской Федерации такой институт по защите публичных и частных интересов, именуемый как реституция, несколько отличается от реституции в ее классическом понимании. Рассматриваемый механизм берет свои истоки в римском праве. Институт реституции в Древнем Риме в большей степени носил публично-правовой характер, являясь средством защиты прав ограниченного круга лиц. В том случае, если применение общих норм права представлялось невозможным или последствия их применения претор¹ считал несправедливыми, тогда и применялась *restitution in integrum* – возврат в первоначальное положение. Так как реституция выступала крайней мерой защиты прав и интересов, то и основания ее применения были весьма ограничены, и выражались в следующем:

1) несовершеннолетие одной из сторон (дееспособными считались лица 14 и 12 лет (для юношей и девушек соответственно), а в последние годы республики – лица, не достигшие 25 лет, также могли просить о назначении реституции);

2) совершение сделки под угрозой (понууждение лица к заключению договора с применением психического давления или физического насилия над личностью);

3) временное отсутствие одной из сторон (например, лицо находилось в плену или под арестом).

Помимо удовлетворения одного из вышеперечисленных оснований, также требовалось соблюдение таких условий, как причинение ущерба и своевременность прошения о реституции. Так, по классическому праву просьба о реституции считалась своевременной, если она была предъявлена в течение одного года со дня обнаружения вреда.

Несмотря на достаточно глубокую степень исследования рассматриваемой темы в отечественной доктрине, на сегодняшний день вопрос определения правовой природы и сущности такого механизма защиты прав, как реституция носит полемический характер.

Важно отметить, что исследуемый механизм широко используется как общее последствие недействительности сделок, за исключением случаев, предусмотренных законом (например, пункт 4 статьи 167 и статья 169 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), однако самой дефиниции «реституция» на данный момент гражданское законодательство не содержит. Законодатель также не использует и понятие «реституционные обязательства». Тем не менее пункт 2 статьи 167 ГК РФ описывает данный механизм, как обязанность каждой из сторон недействительной сделки возвратить все полученное по такой сделке другой стороне, а в том случае если сторона сделки не может возвратить полученное в натуре, то возместить его стоимость. Таким образом, законодатель недвусмысленно указывает на обязательственный характер реституции.

Интересно, что понимание правовой природы реституции в нынешней цивилистической доктрине незначительно отличается от ее понимания в советский период. Это во многом объясняет и то, что легальное определение механизма реституции (п. 2 ст. 167 ГК РФ) практически не отличается от ранее существовавшего его определения (ч. 2 ст. 48 Гражданского Кодекса РСФСР 1964 г. (далее – ГК РСФСР)). В период формирования подходов к толкованию реституции в советской цивилистической науке, сложилось мнение, согласно которому реституция являлась специальным инструментом борьбы с такими пережитками капитализма, как недействительные сделки [13. – С. 22]. Реституция носила исключительно публично-правовой характер и применялась с целью защиты интересов государства. Также на публично-правовой характер исследуемого института социалистического периода указывают положения статьи 49 ГК РСФСР, согласно которой, если сделка совершена с целью противной интересам социалистического государства и общества, то при наличии умысла обеих сторон все полученное по сделке взыскивается в доход государства. Законодатель, а также правоприменитель, советского периода данный механизм рассматривали как меру, направленную на охрану

¹ Должностное лицо, осуществлявшее высшую судебную власть и охрану внутреннего порядка и права.

правопорядка, а не как средство защиты частных правовых интересов. Такой подход к пониманию реституции отразился на деятельности судов, которые в свою очередь должны были применять реституцию как следствие признания сделок недействительными независимо от воли сторон (по собственной инициативе).

На сегодняшний день некоторые ученые в реституции видят исключительно публично-правовой механизм защиты гражданского оборота, в то время как другие определяют ее как специфическую меру защиты гражданских прав и интересов, а также правопорядка в целом.

Говоря о сторонниках публично-правовой концепции реституции как меры государственного реагирования и инструмента обеспечения правопорядка, нельзя не отметить труды К. И. Скловского, который отмечает, что «поскольку поводом для аннулирования сделки является нарушение закона», то целесообразно говорить о наличии публично-правовых черт у нормы статьи 167 ГК РФ [11. – С. 113].

Иную позицию занимает Д. О. Тузов, который в своих работах критикует гражданское законодательство России в части преемственности советского законодательства, в частности, критике подвергаются положения статей 169, 179 ГК РФ, которые устанавливают особые последствия недействительности сделок – конфискацию в доход государства всего полученного сторонами сделки. В своих работах автор обосновывает необходимость изменения данных статей, а именно исключение возможности конфискации имущества, полученного сторонами по недействительной сделке. Ученый отмечает, что в условиях совершенствования гражданского законодательства и «возрождения частного права» институт реституции также требуется реформировать, так как на сегодняшний день такое его «примитивное» понимание «смотрится инородным телом, рудиментом в системе обновленных гражданско-правовых институтов» [13. – С. 22]. Д. О. Тузов указывает на важность исследования и осознания подлинных функций и «действительной правовой природы» реституции, ибо только такой подход может быть плодотворным в становлении данного института как «эффективного средства защиты гражданских

прав и охраняемых законом интересов участников оборота» [13. – С. 22]. Несмотря на то что данные высказывания были сделаны почти двадцать лет назад, позиция данного ученого остается актуальной и по сей день. На данном этапе следует отметить, что Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ¹ были внесены изменения в ГК РФ, которые также коснулись статьи 179 ГК РФ. В актуальной редакции законодатель не предусматривает обращение в доход государства всего полученного по недействительной сделке, совершенной под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств.

Мы не можем доподлинно быть уверенными в том, чего именно добивался законодатель, вводя такие нормы регулирования института реституции, как возможность суда применять последствия недействительности сделки по собственной воле (п. 4 ст. 166 ГК РФ), обращать полученное по сделке в доход государства (ст. 169 ГК РФ), а также иные положения о реституции, явно противные основам гражданского права. Ставил ли он основной целью сохранение публичного характера реституции, или это были вынужденные меры, вводимые в ткань законодательства в силу его неразвитости? Вполне возможно, что данные положения остались в ГК РФ 1994 г. по инерции и являются своеобразным наследием гражданского права советского периода. Другой возможной причиной можно было бы назвать процессы, связанные с изменением экономической системы нашего государства в 1990-х гг., когда началась приватизация государственного имущества. Вероятно, законодатель, придавая реституции такой исключительный характер, намеревался создать эффективный инструмент борьбы с незаконными сделками приватизации, тогда как использование иных, более классических способов защиты гражданских прав, представлялось невозможным или попросту иррациональным.

Тем не менее стоит учитывать, что обращение в доход государства полученного по антисоциальной сделке (читайте конфискация), не является гражданско-правовой санкцией, так как в данном случае государство выступает в роли властного субъекта публичного правоотношения, а не

¹ Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред. от 28 декабря 2016 г.).

потерпевшей стороной и уж тем более не виндика- том. В этой части авторы данной статьи полностью согласны с Д. О. Тузовым и считают важным исключение из статьи 169 ГК РФ возможности конфискации переданного по сделке имущества как санкции, создающей внутренние противоречия закона.

Интересно, что институт конфискации полученного по недействительной сделке, не известен большинству зарубежных правовых порядков. Так, статья 138 Германского гражданского уложения закрепляет правило, согласно которому сделки, противные добрым нравам (*guten Sitten verstößt*), ничтожны (аналогично ст. 169 ГК РФ). Однако гражданскому праву Германии не известна конфискации в качестве последствия признания сделки недействительной [15].

Проанализировав различные точки зрения, очевидно, что тот публично-правовой характер, который приобрел институт реституции в советской правоприменительной практике, находит свое отражение в рассматриваемом механизме уже в современном гражданском праве России. Действительно, понимание реституции как специального инструмента защиты гражданского оборота, т. е. принятие ее публично-правового характера, могло бы помочь предотвратить случаи злоупотребления правом. В этой части авторы данной работы не могут не согласиться с мнением К. И. Скловского, который утверждает, что «отрицание публичных черт» в статье 166 ГК РФ, понимание данной нормы как «способа защиты частного права, права собственности, будет вести и к росту числа злоупотреблений, и к неустойчивости оборота». Ученый обращает наше внимание на то, что сложившийся механизм применения реституции является в первую очередь средством защиты оборота. «Защита оборота – это общий, публичный, а не частный интерес» [12. – С. 113].

Тем не менее мы просто не можем отрицать ни истоки, или первичную сущность, которая была вложена в данный институт римскими юристами, ни правоприменительную практику зарубежных стран, где в целях истребования полученного по недействительной сделке используют классические гражданско-правовые институты (кондикция, виндикация).

В зарубежных правовых порядках наблюдается несколько иной подход к определению реституции. Так, Кристофер Осаке, отмечает, что «сам термин «реституция» в англо-американском праве понимается двояко; и как «обязательство» (*obligation*), и как общая «мера ответственности» за нарушение

обязательства (*remedy*)» [8. – С. 77]. Целью реституционной ответственности является превенция неосновательного обогащения одной из сторон.

В большинстве своем в научных работах по данной тематике ученые отмечают, что в странах общего права понятие «реституция» соотносится с «неосновательным обогащением», т. е. эти понятия являются сосуществующими. Реституционное обязательство в англо-американском праве носит название *unjust enrichment* (неосновательное обогащение). В своей работе К. Осаке формулирует главное доктринальное правило реституции: «Лицо, которое неосновательно обогатилось за счет другого лица, обязано по реституции перед другим лицом» [8. – С. 82]. Справедливость выступает моральным основанием реституции, а законным основанием являются правомерные и неправомерные действия, случайное стечение обстоятельств (природные явления). Признание ответчика обогатившимся происходит на основе доказательства, что он был осведомлен и принял решение о присвоении данного обогащения. При этом должно быть установлено, что он является непосредственным приобретателем.

Как отмечает К. Осаке, «сам факт, что приобретенное обогащение признано неосновательным не порождает автоматически право потерпевшего на реституцию» [8. – С. 83].

В итальянской правовой системе требования о реституции основаны «на нормах о возврате неосновательного обогащения» [3. – С. 80].

Так, по мнению А. Г. Карапетова, в случае расторжения договора, выполняемого по частям (ст. 1458 Гражданского кодекса Италии), «реституция возможна только как инструмент исправления неэквивалентности, вызванной тем, что к моменту расторжения одна из сторон получила нечто, за что не осуществила встречное исполнение» [3. – С. 80; 17].

В праве Нидерландов в случае частичного расторжения договора предусмотрена процедура реституции в размере соответствующей неисполненной части договора; она возможна как в натуре, так и в денежном эквиваленте. Гражданское законодательство Нидерландов «устанавливает обязанность реституции сторонами всего того, что было им получено друг от друга» до расторжения договора (ст. 6:271 Гражданского кодекса Нидерландов) [3. – С. 84]. Реституционное требование может исходить как от должника, так и от кредитора [16].

В силу того, что такой способ защиты гражданских прав, как применение последствий признания сделок недействительными имеет восстановительный характер, равно как и требования из виндикации и кондикции, вопрос о соотношении данных институтов является весьма актуальным. По мнению К. И. Скловского, идея конкуренции норм о виндикации и реституции «возможна лишь в том случае, если мы признаем их однородность» [11. – С. 108]. Как известно, виндикация относится к вещно-правовым средствам защиты права, напротив же реституцию в соответствии с правовой природой данного института принято относить к обязательственным, поскольку реституционное требование не следует за предметом сделки, а вытекает из обязательства по передаче имущества по недействительной сделке. Схожая позиция отражена и в судебной практике¹. Ввиду того, что виндикационный иск предъявляется в целях защиты права собственности (является вещно-правовым), истец должен доказать свое право собственности на имущество.

Являясь общим последствием недействительности сделок, реституция главной своей целью имеет восстановление сторон сделки в прежнее положение, возвращение имущества, переданного во исполнение сделки, а также «охрану имущественного оборота, законности и правопорядка в целом» [10. – С. 343], в то время как задачей виндикации является восстановление нарушенного права, прекращение незаконного владения имуществом. Разница данных институтов прослеживается в их правовой природе. Так, виндикационные правоотношения могут возникнуть между собственником имущества и любым незаконным владельцем, т. е. являются абсолютными, в то время как реституционные правоотношения возникают между сторонами недействительной сделки, иными словами, такие правоотношения являются относительными, так как могут возникнуть между сторонами сделки или их правопреемниками.

Вопрос о конкуренции рассматриваемых исков действительно являлся одним из ключевых, когда самостоятельность реституции как самостоятельного механизма защиты прав была не так очевидна. Разрешение данной проблемы имело не

столько теоретическую значимость для конструирования всей доктрины гражданского права, сколько чисто прикладной характер, когда возможность применения одного из конкурирующих исков умаляла значимость такого субъекта оборота, как добросовестный приобретатель. При этом, предъявляя иск о применении последствий недействительности сделки к добросовестному приобретателю, на истца не ложилось бремя доказывания факта наличия у него права собственности на истребуемое имущество. Высшие судебные инстанции уже давали официальные разъяснения по данной проблеме. Определенную ясность внесло Постановление Пленума Верховного Арбитражного суда Российской Федерации от 25 февраля 1998 г. № 8 «О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав». Высший Арбитражный суд Российской Федерации (далее – ВАС РФ) подтвердил в нем право собственника, чье имущество было продано лицом неуправомоченным его отчуждать, истребовать соответствующее имущество из незаконного владения лица, приобретшего это имущество. Также установлено правило, согласно которому такому истцу должно быть отказано в удовлетворении иска о признании такой сделки недействительной и применении последствий недействительности сделки, если будет установлено, что покупатель имущества отвечает требованиям, предъявляемым к добросовестному приобретателю (ст. 302 ГК РФ). Так, высшая судебная инстанция подчеркнула взаимосвязь статей 167 и 302 ГК РФ, защитив тем самым интересы добросовестного приобретателя.

Вместе с тем это решение вызвало еще одну волну дискуссий. И. В. Матвеев, критикуя данное постановление, указывает на появление новой проблемы – несправедливость в отношении собственника вещи, пострадавшего от недействительной сделки [7. – С. 36]. Действительно, подход ВАС РФ предполагает ограничение истца в праве свободного выбора способа защиты нарушенных прав, что нарушает конституционные права лица. ВАС РФ использовал не самую удачную формулировку, толкуя которую, суды начали отказывать в удовлетворении исков собственников имущества

¹ См.: пункты 1, 2 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 13 ноября 2008 г. № 126 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из

чужого незаконного владения» // Вестник Верховного суда Российской Федерации. – 2009. – № 1.

об истребовании вещи у добросовестного приобретателя лишь потому, что истцы предъявляли реституционные требования, а не виндикационные.

В последующем данная проблема была рассмотрена Конституционным судом Российской Федерации (далее – КС РФ)¹. Судом было установлено, что статьи 167 и 302 ГК РФ истолковываются и применяются судами общей юрисдикции неоднозначно, что приводит к коллизии конституционных прав, реализуемых на их основе собственником и добросовестным приобретателем. КС РФ практически продублировал идеи Пленума ВАС РФ о взаимосвязи статей 167 и 302 ГК РФ. В обоснование своего толкования КС РФ устанавливает, что неправильное понимание положений пунктов 1 и 2 статьи 167 ГК РФ означало бы, что собственник может потребовать признать все сделки, совершенные с его имуществом, недействительными, и в последующем возвратить полученное не только, когда речь идет об одной (первой) сделке, совершенной с нарушением закона, но и когда спорное имущество было приобретено добросовестным приобретателем на основании последующих (второй, третьей, четвертой и т. д.) сделок, что привело бы к нарушению гарантий защиты прав и законных интересов добросовестного приобретателя. Как видим, КС РФ не говорит об однородности реституционных и виндикационных требований, напротив, он разграничивает данные способы защиты прав.

Важно заметить, что на сегодняшний день упомянутый ранее Пленум ВАС РФ от 25 февраля 1998 г. № 8 утратил силу в связи с принятием совместного Постановления Пленумов ВС РФ и ВАС РФ № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», которое также основывается на выводах, сделанных КС РФ². Пункт 35 рассматриваемого постановления закрепляет следующее: «Если имущество приобретено у лица, которое не

имело права его отчуждать, собственник вправе обратиться с иском об истребовании имущества из незаконного владения приобретателя (ст. 301, 302 ГК РФ). Когда в такой ситуации предъявлен иск о признании недействительными сделок по отчуждению имущества, суду при рассмотрении дела следует иметь в виду правила, установленные статьями 301, 302 ГК РФ». Согласно рассмотренному пункту, собственник имущества никак не ограничен в выборе способа защиты нарушенных прав, и в обоих случаях (предъявление реституционных или виндикационных требований) в иске отказано быть не может. Однако если собственник все же решит предъявить иск о признании сделок недействительными и при этом будет установлено, что ответчик отвечает требованиям добросовестного приобретателя, суды при рассмотрении такого дела должны учитывать правила статей 301 и 302 ГК РФ.

Таким образом, судебная практика достаточно давно сформировала представление о самостоятельности реституции. И если соотношение виндикационных требований и требований о возврате исполненного по недействительной сделке в современном гражданском законодательстве в достаточной степени определено, то взаимосвязь требований о возврате неосновательного обогащения и требований о применении реституции является предметом споров и по сей день. В первую очередь это обусловлено состязательностью соответствующих исков. В то время как в практике уже закрепились тенденции в отказе удовлетворения виндикационных исков при истребовании переданного имущества во исполнение недействительной сделки, вопрос о конкуренции исков из неосновательного обогащения и применения последствий недействительности сделок реально имеет место³.

Так, неосновательное получение какой-либо имущественной выгоды в результате исполнения

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2003 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А. В. Немировской, З. А. Скляновой, Р. М. Скляновой и В. М. Ширяева» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2003. – № 6.

² Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике

при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Российская газета. – 2010. – № 109.

³ См.: п. 6 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 13 ноября 2008 г. № 126 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения» // Вестник Верховного суда Российской Федерации. – 2009. – № 1.

недействительной сделки не исключает возможность квалифицировать полученное по такой сделке как неосновательное обогащение.

Ф. С. Хейфец утверждает следующее: «правовым основанием изъятия имущества при признании сделки недействительной, независимо от юридической характеристики переданного имущества (индивидуально-определенные вещи или вещи, определенные родовыми признаками), является неосновательное приобретение или сбережение имущества» [14. – С. 116]. Интересно, что данный тезис также применим и к той ситуации, когда собственник вещи отчуждает ее в пользу своего контрагента и взамен получает определенную сумму денег, а в последующем такая сделка признается недействительной. И хотя на первый взгляд в такой ситуации никакого неосновательного обогащения нет (ведь собственник получил денежный эквивалент переданной вещи), стоит обратить внимание на несколько ключевых моментов. В силу того, что недействительная сделка не влечет за собой никаких юридических последствий, кроме тех, которые связаны с ее недействительностью, право на данную вещь так и не переходит к другой стороне сделки, т. е. собственник вещи сохраняет за собой право собственности на отчуждаемое имущество, более того такой продавец неосновательно обогащается вследствие передачи ему оплаты за объект недействительной сделки. На этом примере видно, как требование из неосновательного обогащения вполне может конкурировать с реституционным, где последнее выигрывает.

Вместе с тем нетрудно представить следующую ситуацию: неуполномоченное на то лицо продает автомобиль, принадлежащий собственнику А, приобретателю Б. Данная сделка в последующем признается судом недействительной (ст. 168 ГК РФ). К тому моменту, когда суд назначает применение последствий недействительности сделки, приобретатель Б продает данную машину С. При этом А сохраняет за собой право собственности на машину и может истребовать свое имущество из чужого владения. Таким образом, применение реституции в данной конкретной ситуации невозможно в силу того, что между А и Б произойдет зачет денежных требований (Б вернет А цену автомобиля, А передаст Б полученные средства после продажи Б автомобиля), при этом

А может истребовать от С свою машину. Достижение справедливости и возвращение всех лиц данной ситуации в первоначальное состояние возможно следующим образом: после того, как А истребует (будь то виндикация или признание права) машину от С, С должен истребовать у Б уплаченную сумму, т. е. неосновательное обогащение (реституция неприменима по описанным ранее причинам), Б в свою очередь истребует сумму неосновательного обогащения у А, который к этому моменту вдвойне «обогатился» (машина истребованная от С и оплата машины от Б по первой сделке).

Аналогичная ситуация описана в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 16 сентября 2014 г. № 310-ЭС14-79¹. Коллегия по экономическим спорам, исследовав материалы дела, справедливо приходит к выводу о том, что предъявление кондикционного иска как эффективного способа защиты нарушенного права в целях возвращения неосновательно полученного иным лицом в некоторых случаях может превалировать над иском, содержащим реституционные требования. Данную позицию высшей судебной инстанции можно перефразировать следующим образом: когда обязательства по возврату переданного во исполнение договора по внешним критериям, хотя и совпадают с реституционными, однако применение реституции представляется невозможным ввиду серьезного нарушения баланса интересов субъектов оборота. Поэтому в целях ликвидации неосновательного обогащения возможно предъявление кондикционных требований к соответствующей стороне.

Несомненно, неосновательное обогащение может возникнуть не только вследствие приобретения имущества, переданного по недействительной сделке. Именно поэтому в кругу правоведов складывается точка зрения о соотношении реституции, кондикции и виндикации, согласно которой институт неосновательного обогащения является универсальным по своей сущности. Так, о неосновательном обогащении можно говорить, когда имеет место приобретение или сбережение имущества одним лицом за счет другого. Например, О. Н. Садиков считает: «Ранее действовавшее за-

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 16 сентября 2014 г. № 310-ЭС14-79. – URL: www.vsrff.ru

конодательство трактовало неосновательное обогащение как самостоятельное обязательство наряду с договорным, деликтным и виндикационным требованием. В силу положений статьи 1103 ГК РФ неосновательное обогащение приобрело характер общей защитной меры, которая может использоваться наряду с другими названными в статье 1103 требованиями. Такое решение расширяет сферу применения института неосновательного обогащения» [6. – С. 710].

Действительно положения статьи 1103 ГК РФ устанавливают субсидиарное применение к реституции, равно как и к виндикации, правил о кондикции. И уже данное положение исключает всякую конкуренцию кондикционных исков с другими требованиями, связанными с возвратом имущества. Более того, данная статья еще раз подтверждает самостоятельность института реституции.

После сравнения данных институтов нельзя отрицать тот факт, что законодатель действительно понимает реституцию как самостоятельный правовой институт, а не как частные случаи виндикации или кондикции.

В настоящее время подавляющее число авторов придерживаются той точки зрения, согласно которой реституция носит исключительно обязательственный характер. Д. О. Тузов, определяет правовую природу реституции в следующем: «реституция – обязательство, которое проявляется либо в виде кондикции, либо в виде виндикации. Однако есть и те, кто не рассматривает реституцию в качестве обязательства» [5. – С. 20].

Авторы данной работы также придерживаются точки зрения, согласно которой реституция носит обязательственный характер. Данную позицию подкрепляет и легальное определение обязательства, которое содержится в статье 307 ГК РФ. Изменения, внесенные в ГК РФ Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ также укрепили позицию об обязательственном характере реституции. Так, в подпункте 2 пункта 3 статьи 307.1 ГК РФ говорится, что общие положения об обязательствах субсидиарно применяются к требованиям, связанным с применением последствий недействительности сделки. Также стоит отметить, что рассматриваемая позиция была поддержана судами и изложена в Постановлении Президиума

ВАС РФ, в котором в числе прочих обязательственных способов защиты прав векселедателя при отсутствии оснований для выдачи векселей, указана реституция¹. В данном постановлении правоприменитель разграничивает такие способы защиты права, как реституция и требование из неосновательного обогащения, что является еще одним подтверждением факта самостоятельности института реституции и его отличия от кондикционных требований.

Возвращаясь к вопросу о соотношении реституции с другими требованиями о защите гражданских прав, авторы данной работы в первую очередь обращают внимание на различие реституционного правоотношения, неосновательного обогащения и виндикации, которое заключается в том, что два последних вида предполагают одностороннюю правовую связь между должником и кредитором, где праву одной стороны корреспондирует обязанность другой, в то время как реституция (согласно нынешнему ее пониманию как в доктрине, так и на практике), является двусторонней, т. е. каждая из сторон должна вернуть все полученное по недействительной сделке. Именно такая двусторонность наталкивает на идею о встречном характере прав и обязанностей сторон, как в sinalлагме (п. 2 ст. 308 ГК РФ).

Данный вопрос не единожды поднимался на обсуждение, а его решение, по мнению многих авторов, позволит в полной мере обеспечить исполнение двусторонней реституции на этапе исполнительного производства. Применение статьи 328 ГК РФ к реституционным правоотношениям позволило бы решить множество проблем, связанных с полным или частичным неисполнением сторонами обязательств по возврату полученного по недействительной сделке.

Одним из противников данного подхода является Д. О. Тузов, который считает, что «реституционные права и обязанности сторон недействительной сделки не соответствуют такому признаку sinalлагмы, как взаимная обусловленность прав и обязанностей, их эквивалентность (хотя бы формальная)» [9. – С. 436]. Основной тезис, выдвигаемый ученым, можно сформулировать следующим образом: реституционные правоотношения устанавливаются в силу передачи имущества сторонами недействительной сделки (самостоятельные

¹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 8 сентября 2009 г № 5477/09 по

делу № А19-5536/08-10. Официальный сайт Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – URL: <http://www.arbitr.ru>

юридические факты), и, следовательно, такие отношения не связаны с взаимным договором, т. е. являются внедоговорными. Таким образом, по мнению Д. О. Тузова, в реституции отсутствует главный признак синаллагмы – встречный характер субъективных прав и обязанностей сторон. Такой же позиции придерживается К. И. Скловский [12. – С. 534].

Наверное, было бы ошибочно отождествлять реституционные и синаллагматические правоотношения. И в этой части мы согласны с подходом Д. О. Тузова, согласно которому двусторонняя реституция представляет собой два взаимно не обусловленных, самостоятельных обязательства, связь между которыми лишь внешняя, а не функциональная.

А. Г. Карапетов, соглашаясь с Д. О. Тузовым в части нетождественности синаллагматических и реституционных правоотношений, все же говорит о возможности применения пункта 2 статьи 328 ГК РФ по аналогии закона на стадии исполнительного производства. Принятие такого подхода, по мнению ученого, позволяет обеспечить подлинно двусторонний характер реституции [9. – С. 438]. Схожую позицию занимают А. В. Егоров [2] и др.

А. В. Егоров обращает внимание на необходимость обеспечения двустороннего характера реституции. Ученый считает это важным, поскольку в случае применения судом последствий недействительности сделок и назначения реституции имущества, полученного по такой сделке, будет несправедливо если одна сторона возвратит имущество на основании исполнительного листа, а у второй – попросту не окажется средств или имущества, которое она должна вернуть. Так, например, зачастую такие ситуации возникают в случае признания одной из сторон недействительной сделки банкротом. Поэтому законодателю следует ввести норму, которая прямо бы предусматривала необходимость обеспечения требований о двусторонней реституции со стороны государства. А. В. Егоров видит решение данного вопроса в наделении соответствующими полномочиями сотрудников службы судебных приставов: «необходимо вырабатывать правила исполнения указанных требований как встречных» [2. – С. 15].

Таким образом, нельзя отрицать квазисиналлагматический характер реституционных правоотношений

или по крайней мере возможность принятия такого подхода к пониманию сущности реституции. В данном ключе, по мнению авторов, следует совершенствовать закон об исполнительном производстве в части предоставления полномочий по исполнению реституционных требований только одному судебному приставу-исполнителю. Авторы данной статьи, соглашаясь с А. В. Егоровым, также считают важным законодательно ограничить предоставление исполнительных листов каждой из сторон [2. – С. 16].

Ответив на центральный вопрос, возможно ли существование взаимообусловленных обязательств сторон вне рамок договора, можно будет говорить о применимости статьи 328 ГК РФ к реституционным отношениям. Так, некоторые ученые считают, что к реституционным правоотношениям неприменимо право стороны отказаться от передачи полученного, так как такой отказ от исполнения тождественен отказу от договора, а реституция порождает внедоговорные обязательства. Однако приостановление встречного исполнения в контексте внедоговорных обязательств мыслимо, а «нормы статьи 328 ГК РФ о праве приостановить исполнение до момента исполнения встречного обязательства могут, видимо, также применяться и к двусторонней реституции по недействительному договору» [4. – С. 45].

Многие, несогласные с возможностью применения правил о синаллагме, в реституции приводят в пример Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации (далее – КГД ВС РФ) от 6 октября 2015 г. № 5-КГ15-124, в котором суд, отменяя решения нижестоящих судов, высказывается против возможности установления судами порядка исполнения реституционных обязательств: «суд не учел положения пункта 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации, которые не предусматривают возможности определения очередности исполнения каждой из сторон недействительной сделки обязанности по возврату полученного имущества, а также включение в резолютивную часть решения суда, содержащую выводы суда о последствиях недействительности договора, условий применения реституции, наступление которых не зависит от воли лица, чье право нарушено оспоренной сделкой»¹.

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 6 октября 2015 г. № 5-КГ15-124. – // URL: www.vsrff.ru

Казалось бы, данное решение полностью перечеркивает всякую возможность применения статьи 328 ГК РФ к реституции на этапе исполнительного производства. Однако в данном решении, скорее, говорится о невозможности установления порядка исполнения реституционных обязательств в конкретном деле, а не во всех ситуациях, связанных с возвратом полученного по недействительной сделке. Если проанализировать фактические обстоятельства данного дела, становится ясно, что принятое КГД ВС РФ определение справедливое и правильное, а нижестоящие суды действительно ошибались, когда устанавливали такой порядок исполнения реституционных обязательств сторонами недействительной сделки, на который потерпевшая сторона (истец) повлиять не может. То есть мы получаем ситуацию, когда стороны недействительной сделки, попросту не заинтересованы в исполнении обязательств, а потерпевшая сторона не может их как-то принудить к исполнению ввиду уже установленного судами порядка.

Таким образом, КГД ВС РФ пришла к правильному решению неправильным путем, включив в обоснование своей позиции аргумент, совершенно не выдерживающий критики: «положения пункта 2 статьи 167 ГК РФ не предусматривают возможности определения очередности исполнения каждой из сторон недействительной сделки обязанности по возврату полученного имущества». А как нами уже было установлено ранее, такая возможность предусмотрена связкой подпункта 2 пункта 3 статьи 307.1 ГК РФ и статьи 328 ГК РФ.

ВАС РФ в одном из своих постановлений высказывал точку зрения, согласно которой реституционные отношения носят синаллагматический характер.

Так, в пункте 29.5 данного постановления говорится: «Если недействительная сделка была исполнена обеими сторонами (как должником, так и контрагентом), то в случае, когда должник обязан в порядке реституции уплатить контрагенту деньги, а контрагент – вернуть должнику вещь, необходимо иметь в виду, что в связи со встречным характером обязательств сторон (ст. 328 ГК РФ) в таком случае применяются правила статьи 359 ГК РФ об удержании, а потому на основании статьи 360 ГК РФ требование контрагента включа-

ется в реестр как обеспеченное залогом и удовлетворяется в порядке статьи 138 Закона о банкротстве»¹.

Д. В. Дождев, занимая противоположную позицию, говорит следующее: «Против применения к реституции статьи 328 ГК и выведения из нее применимости статей 359–360 ГК говорят многие факторы: требования к удержанию, которые не обязательно удовлетворяются при реституционных отношениях, нерешенность в законе порядка реализации этого права в ситуации банкротства, сомнительность оснований для вещно-правовой трактовки права кредитора на удержание вещи должника» [1. – С. 5].

Авторы данной работы считают возможным, а главное – целесообразным, применение правил статьи 328 ГК РФ, а равно правил об удержании к реституционным отношениям на этапе исполнительного производства. При этом, во многом разделяя точки зрения А. Г. Карапетова, Р. С. Беззенко, А. В. Егорова, авторы статьи считают, что именно суд полномочен устанавливать конкретный порядок исполнения реституционных обязанностей, обеспечивая тем самым подлинный двусторонний характер реституции. Такой подход позволит соблюдать интересы обеих сторон сделки, возвращая такие стороны в то положение, которое имело место до заключения и исполнения недействительной сделки. Например, суд вполне может указать следующий порядок (при применении последствий недействительности сделки купли-продажи): в первую очередь – списать с расчетного счета продавца полученные денежные средства и зачислить их на депозитный счет судебного пристава, после – забрать имущество у покупателя.

Вместе с тем в судебной практике могут возникать нестандартные споры по недействительным сделкам, требующие уникального решения. Именно поэтому авторы статьи предлагают следующие подходы:

1) если сторона недействительной сделки выступает в роли истца по соответствующему иску (основания ст. 168, 170 ГК РФ), то именно такая сторона должна первой исполнить обязательства по возврату полученного;

2) в случаях применения реституции в отношении сделок, в которых одна из сторон действует

¹ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального

закона «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 30 июня 2013 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 3.

с корыстным умыслом, удовлетворяя свои интересы за счет ухудшения положения другой стороны (ст. 171–179 ГК РФ), справедливо будет, если именно такая сторона обязана будет первой осуществить предоставление;

3) когда установление условий применения реституции нарушает права потерпевшего от такой сделки лица, не являющегося стороной сделки, суд может назначить особый порядок истребования имущества у сторон сделки, приоритетно обеспечивающий защиту интересов потерпевшего лица.

Результаты проведенного исследования говорят о либерализации рассматриваемого института, а также позволяют утверждать следующее. Право суда, устанавливать конкретный порядок

исполнения судебного решения закреплено в статье 434 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и в статье 324 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. И хотя данные статьи прямо не предусматривают право суда устанавливать порядок исполнения судебного решения по собственной инициативе, нам видится, что в целях снижения нагрузки на судебную систему (ввиду недобросовестных действий сторон и искусственного затягивания процесса исполнения реституционных обязательств) судам следует руководствоваться предложенными выше подходами, изначально устанавливая в своих решениях наиболее справедливый и рациональный порядок исполнения реституции.

Список литературы

1. *Дождев Д. В.* Удержание, законное владение и проблема приоритета // Юрист. – 2014. – № 19.
2. *Егоров А. В.* Реституция по недействительным сделкам при банкротстве // Вестник ВАС РФ. – 2010. – № 12. – С. 10–27.
3. *Карапетов А. Г.* Основные тенденции правового регулирования расторжения нарушенного договора в зарубежном и российском гражданском праве : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2011.
4. *Карапетов А. Г., Павлов А. А., Сарбаш С. В., Сулейманов Р. У.* Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ об обязательствах и их исполнении» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – № 3.
5. *Комашко М. Н.* Реституция как способ защиты права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010.
6. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный). – 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. О. Н. Садиков. – М., 1998.
7. *Матвеев И. В.* Правовая природа недействительности сделок. – М., 2002.
8. *Осакве К.* Обязательства вследствие неосновательного обогащения в англо-американском праве: основополагающие принципы и правовая политика // Журнал российского права. – 2005. – № 7 (103). – С. 77–95.
9. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 ГК РФ / под ред. А. Г. Карапетова. – М. : Логос, 2018.
10. *Синицын С. А.* Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2017.
11. *Скловский К. И.* Некоторые проблемы реституции // Вестник ВАС РФ. – 2002. – № 8. – С. 108–122.
12. *Скловский К. И.* Собственность в гражданском праве. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2008.
13. *Тузов Д. О.* Реституция в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1999.
14. *Хейфец Ф. С.* Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. – 2-е изд., доп. – М. : Юрайт, 2000.

15. Bürgerliches Gesetzbuch in der Fassung der Bekanntmachung vom 2. Januar 2002 (BGBl. I. – S. 42, 2909; 2003 I. – S. 738), das zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 21. Dezember 2019 geändert worden ist. Buch 1, Allgemeiner Teil. – § 138 Sittenwidriges Rechtsgeschäft; Wucher. // Ein Service des Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz sowie des Bundesamts für Justiz. – URL: www.gesetze-im-internet.de.

16. Burgerlijk Wetboek. Boek 6. Algemeen gedeelte van het verbintenissenrecht. Titel 1. Verbintenissen in het algemeen. – Artikel 271. – URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0005289/2017-07-01>

17. Codice Civile Italiano (Regio Decreto 16 marzo 1942. – N. 262). Edizione: agosto 2019. – URL: <https://www.studiocataldi.it/codicecivile>.

Актуальные проблемы признания права собственности на самовольную постройку

А. А. Кузнецов

студент магистратуры факультета экономики и права РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: kuznetsov-all@mail.ru

Actual Problems of Recognition of Property Rights to Unauthorized Construction

A. A. Kuznetsov

Master's Degree Student of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: kuznetsov-all@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются дефиниция, основные признаки самовольной постройки и ее двойственная природа. Исследуется актуальная судебная практика и выявляются несовершенства правового регулирования института легализации объектов самовольного строительства. Изучается вопрос о том, какие последствия возведения самовольной постройки следует считать соразмерными. В статье анализируется использование критерия добросовестности при принятии судом решения о признании права собственности на самовольную постройку. Особое внимание автором уделяется проблеме формального подхода к регулированию института самовольного строительства, поскольку при вынесении решения о признании права собственности в соответствии со статьей 222 Гражданского кодекса Российской Федерации фактически происходит легализация нарушений, допущенных застройщиком. В статье подчеркивается важность соблюдения индивидуального подхода к определению баланса частных и публичных интересов при рассмотрении спора о самовольном строительстве, ввиду ее двойственной природы и обоснованной необходимости многовариативного поведения участников гражданского оборота. На основе проведенного исследования автором делается вывод о несовершенстве правового регулирования и вносятся предложения по изменению законодательства, регулирующего правовой режим объектов самовольного строительства с учетом положений Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: недвижимое имущество, признаки самовольного строительства, легализация самовольной постройки, баланс публичных и частных интересов.

Abstract

The article considers the definition, main signs of unauthorized construction and its dual nature. Investigates current judicial practice and identifies imperfections of legal regulation of legalization of unauthorized construction objects. Studies the question of what consequences of the construction of unauthorized buildings should be considered proportionate. The article analyzes the use of the criterion of good faith when a court makes a decision to recognize ownership of an unauthorized construction. The author pays special attention to the problem of a formal approach to regulating the institution of unauthorized construction, since when making a decision on recognizing property rights in accordance with article 222 of the Civil code of the Russian Federation, violations committed by the developer are actually legalized. The article emphasizes the importance of following an individual approach to determining the balance of private and public interests when considering a dispute about unauthorized construction, due to its dual nature and justified need for multivariate behavior of participants in civil turnover. Based on the research, the author concludes that the legal regulation is imperfect and makes proposals to amend legislation governing the legal regime of unauthorized construction objects, taking into account the provisions of the Concept of development of civil legislation of the Russian Federation.

Keywords: real estate, signs of unauthorized construction, legalization of unauthorized construction, balance of private and public interests.

Особенности правового режима объектов самовольного строительства (самовольной постройки) неоднократно становились предметом острых дискуссий не только в рамках теоретического интереса научного сообщества, но и в правоприменительной практике. Сложности правового статуса объектов самовольного строительства обусловлены двойственностью природы самовольной постройки [2. – С. 8]. Самовольное строительство по своей природе является правонарушением, но благодаря правовой норме, закрепленной в пункте 3 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) самовольная постройка может выступать при определенных обстоятельствах в качестве основания приобретения права собственности на объект строительства.

Безусловно, самовольное строительство с точки зрения действующего законодательства, является правонарушением. Данная позиция отражена в пункте 2 Определения Конституционного суда РФ (далее – КС РФ) от 3 июня 2007 г. № 595-О-П¹, которым разъясняется, что самовольное строительство представляет собой нарушение норм, регулирующих предоставление земельного участка под строительство, либо, регулирующих проектирование и строительство. Это виновное действие, доказательством совершения которого служит установление хотя бы одного признака самовольной постройки, закрепленного в пункте 1 статьи 222 ГК РФ.

Если продолжать рассматривать самовольную постройку в качестве правонарушения, то необходимо исследовать те особенности общественного правосознания, которые лежат в основе противоправного поведения застройщиков. Любое правонарушение тесным образом связано с правосознанием, и зачастую причины подобного поведения скрываются именно в том, насколько каждый отдельный участник гражданского оборота осведомлен и понимает нормы действующего материального права и его основополагающие принципы. В связи с отсутствием института частной собственности на землю в СССР в сознании граждан укоренился неверный правовой принцип, согласно которому земельный участок сле-

дует судьбе строения, в то время как в странах романо-германской правовой семьи действует абсолютно противоположный принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, согласно которому все прочно связанные с земельными участками объекты следуют судьбе земельных участков. Данный принцип закреплен в подпункте 5 пункта 1 статьи 1 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) и предполагает всего два исключения, закрепленных в нормах статьи 35 ЗК РФ и статьи 552 ГК РФ. При этом ни одно из этих исключений не может быть применено к самовольным постройкам, поскольку согласно статье 222 ГК РФ они не являются объектом права собственности.

Несмотря на закрепление в законодательстве принципа единства судьбы земельного участка и возведенных на нем объектов недвижимости, на практике зачастую происходит обратная ситуация: объекты недвижимости активно участвуют в гражданском обороте в то время, как права на земельные участки, на которых данные строения возведены, не оформлены в надлежащем порядке. Из-за отсутствия ясного понимания среди граждан одного из ключевых принципов земельного законодательства и набирает обороты самовольное строительство, которое причиняет вред не только имущественным интересам самовольного застройщика, но и фискальным интересам государства. Вместе с тем отсутствие записи в Едином государственном реестре недвижимости (далее – ЕГРН) приводит к тому, что фактически существующее здание, строение или сооружение не выступает в качестве объекта налогообложения.

В качестве иллюстрации неверного понимания причинно-следственной связи между правами на земельный участок и правом собственности на объект недвижимости можно привести Определение Верховного суда Российской Федерации от 30 октября 2012 г. № 18-КГ12-53. Гражданское дело, связанное с разрешением спора о принадлежности прав на земельный участок дошло до Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации. Суть гражданско-правового спора сводилась к тому, что истец по договору дарения передал жилой дом ответчику, который в свою очередь зарегистрировал

¹ Определение Конституционного суда Российской Федерации от 3 июля 2007 г. N 595-О-П «По запросу Сормовского

районного суда города Нижнего Новгорода о проверке конституционности абзаца второго пункта 2 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации».

права собственности на недвижимость и земельный участок, на котором она располагалась, и впоследствии продал дом, а вместе с ним и земельный участок. Истец же был уверен в том, что только он является единственным законным владельцем спорного земельного участка, принадлежащего ему на праве пожизненного наследуемого владения, который он не намеревался передавать ответчику по договору дарения дома. Мнение судов по данному делу кардинально разделилось. Так, районный суд счел, что требование истца об аннулировании записи о возникновении у покупателя дома права собственности на указанный земельный участок в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним, правомерно. Судебная коллегия по гражданским делам Краснодарского краевого суда, рассматривая дело в качестве апелляционной инстанции, отменила решение суда первой инстанции и вынесла новое решение об отказе в иске. С позицией суда апелляционной инстанции не согласился президиум Краснодарского краевого суда – определение суда второй инстанции было отменено. Однако Верховный суд Российской Федерации пришел к выводу о том, что суды не учли принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ним объектов, закрепленный в подпункте 5 пункта 1 статьи 1 ЗК РФ. Из данного принципа есть ряд исключений, в частности, пункт 1 статьи 35 ЗК РФ, в котором указано, что при переходе права собственности на объекты недвижимости, находящиеся на чужом земельном участке, к другому лицу, оно приобретает право на использование соответствующей части земельного участка, занятой зданием, строением, сооружением и необходимой для их использования, на тех же условиях и в том же объеме, что и прежний их собственник.

Таким образом, ответчик, приобретя права собственности на дом, получил в порядке правопреемства и право пожизненного наследуемого владения соответствующей части земельного участка, на котором расположен жилой дом и который необходим для использования указанного объекта недвижимости. Опираясь на правовую норму, закрепленную в пункте 9.1 статьи 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», Верховный суд также указал на то, что лицо, которому земельный участок

предоставлен до введения в действие ЗК РФ на праве пожизненного наследуемого владения, имеет вправе зарегистрировать право собственности на такой земельный участок. Вместе с тем и граждане, к которым перешли права собственности на объекты недвижимости, возведенные на вышеуказанных земельных участках, обладают правом на регистрацию права собственности на такие земельные участки. Таким образом, покупатель дома правомерно приобрел права собственности на весь комплекс недвижимого имущества: на жилой дом и расположенный под ним земельный участок.

Подобные неоднозначные ситуации являются последствием порочной возможности разделения и одновременного существования прав на земельный участок и прав собственности на объекты недвижимости, возведенные в его границах. Коренные изменения в данной области могут произойти только с осуществлением давно назревшей реформы вещных прав, в рамках которой может быть претворена в жизнь концепция единого объекта недвижимости. Только в том случае, если здания и сооружения на законодательном уровне будут определяться в качестве неотъемлемой части земельного участка, станет возможным избежать правовой неопределенности в вопросах возникновения и действия прав на объекты недвижимости.

В соответствии с абзацем 4 пункта 2 статьи 222 ГК РФ правовым последствием возведения самовольной постройки должен быть ее снос, или в качестве альтернативного варианта приведение в соответствие с требованиями, предусмотренными законом. Данная вариативность основывается на необходимости соблюдения баланса частных и публичных интересов; ведь при вынесении решения о признании права собственности на самовольную постройку фактически происходит легализация тех нарушений, которые допустил застройщик. Во избежание злоупотреблений со стороны недобросовестных застройщиков суды должны тщательно изучать фактические обстоятельства каждого дела. Даже если будет доказан факт соответствия самовольной постройки градостроительным нормам и правилам, а также подтверждено отсутствие нарушения прав и законных интересов других лиц, суд в этом случае не обязан признавать право собственности на самовольную постройку.

Утвержденный Президиумом Верховного суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством¹ содержит указание на то, что признание права собственности на самовольную постройку в судебном порядке возможно только если истец не имел возможности получить разрешение по независящим от него причинам. Удовлетворение таких требований в соответствии с пунктом 3 статьи 222 ГК РФ в других случаях представляло бы собой упрощенный порядок легализации объектов самовольного строительства, ущемляющий интересы добросовестных застройщиков.

Необходимо отметить, что критерий добросовестности занимает важное место в определении самовольности постройки. Отсутствие административного разрешения на строительство само по себе не должно выступать в качестве оснований для отказа в иске о признании права собственности на самовольную постройку.

В пункте 26 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» содержится ряд важных разъяснений, касающихся порядка определения добросовестности действий застройщика. В том случае, если застройщик со своей стороны предпринял все необходимые меры для того, чтобы легализовать объект самовольного строительства, а отказ уполномоченного органа в выдаче застройщику необходимой документации был неправомерным, то действия застройщика должны быть оценены судом как добросовестные. Следует учитывать, что оценка добросовестности и достаточности действий застройщика, в том числе, таких как обращение в уполномоченные органы с заявлением о выдаче разрешения без предоставления всего комплекта необходимых документов, предусмотренных пунктом 7 статьи 51 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГРК РФ), или отсутствие факта обжалования в административном порядке

решения органа местного самоуправления об отказе в выдаче разрешения, отнесена к дискреции судов. Кроме того, в указанном Постановлении содержится указание на то, что если в приложенных к исковому заявлению документах отсутствуют сведения, подтверждающие факт принятия истцом надлежащих мер к легализации объекта самовольного строительства, то вместе с этим отсутствует и правовая возможность суда сделать вывод о наличии нарушения либо угрозы нарушения прав, свобод или охраняемых законом интересов истца.

Таким образом, остается не соблюденным основное условие, необходимое для реализации права на судебную защиту, что в соответствии со статьей 136 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) и статьей 128 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации является основанием для вынесения определения об оставлении заявления без движения и предоставлении лицу, подавшему заявление, разумного срока для исправления недостатков. Однако если истец предоставит достаточные доказательства своего добросовестного поведения, направленного на получение всех необходимых разрешений на строительство, то это значительно увеличит его шансы на признание права собственности на объект самовольного строительства в судебном порядке.

Примером такого положительного решения может послужить Апелляционное определение Московского городского суда от 4 апреля 2019 г. по делу № 33-14981/2019. Судом было установлено, что истец, являющийся собственником двух земельных участков, возвел на них двухэтажный жилой дом, не получив на это всех требующихся согласований. В данном случае единственными признаками самовольной постройки было отсутствие разрешения на строительство и разрешения на ввод объекта в эксплуатацию, при этом в материалах дела содержались документы, подтверждающие, что истец предпринял все необходимые меры для их получения. Участки, находящиеся в собственности истца, имели разрешенное использование: под малоэтажное жилищное строительство. Сама постройка не нарушала права и охраняемые законом интересы третьих лиц.

¹ Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством (утв. Президиумом Верховного суда Российской Федерации 19 марта 2014 г.).

В рамках судебного процесса была назначена и проведена комплексная земельная и строительно-техническая экспертиза, результаты которой подтвердили, что самовольная постройка безопасна для жизни и здоровья граждан, соответствует требованиям о пожарной безопасности, градостроительным правилам и санитарно-эпидемиологическим нормам. Разрешая спор, суд первой инстанции, оценив в совокупности представленные по делу доказательства, пришел к обоснованному выводу об удовлетворении заявленных требований, с чем впоследствии согласился и суд апелляционной инстанции.

Подобное разрешение дела всецело соответствует установкам и положениям Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации. Данная Концепция, выступая в роли программного документа, уже более десяти лет назад задала курс на либерализацию правового режима самовольной постройки. Ввиду обоснованной необходимости многовариативного экономического поведения участников гражданского оборота, авторами Концепции указано на тот факт, что такое радикальное решение вопроса судьбы объекта самовольного строительства, как его снос, допустимо только при выполнении одного или совокупности следующих условий: самовольная постройка своим существованием создает угрозу жизни и здоровью граждан; спорный объект возведен на земельном участке, строительство на котором законодательно запрещено; объект самовольного строительства нарушает права и законные интересы третьих лиц [5. – С. 108]. При этом стоит отметить, что в Концепции речь идет непосредственно о самовольных постройках, возведенных на участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности и отведенных для целей строительства, в то время как сферы частной собственности на землю не затрагивается.

Защита гражданских прав в соответствии со статьей 12 ГК РФ может быть осуществлена способами, предусмотренными данной статьей, а также иными, предусмотренными законом. Из этого следует, что при наличии у спорного объекта признаков самовольной постройки, способ защиты нарушенного права может быть определен по усмотрению соответствующего истца. Данный подход получил широкое распространение в

судебной практике. В частности, позиция об исключительной прерогативе истца в выборе способа защиты нарушенного права представлена в Постановлении Третьего арбитражного апелляционного суда от 3 октября 2018 г. по делу № А33-21411/2016. и впоследствии поддержана судами вышестоящих инстанций.

В то же время актуальная судебная практика содержит примеры иного подхода к свободе выбора надлежащего способа защиты нарушенного права, который представлен, в частности, в Постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 2 июля 2019 г. № Ф07-6535/2019 по делу № А56-55958/2018.

Так, суд при рассмотрении кассационной жалобы установил, что спорный объект недвижимости, в отношении которого заявлено требование об обязанности снести самовольную постройку, являлся предметом спора, рассмотренного Сестрорецким районным судом Санкт-Петербурга. В соответствии с вынесенным решением, вступившим в законную силу, на собственника спорного объекта недвижимости возложена обязанность привести данный объект в соответствие с выданным ранее разрешением на строительство. Правообладателем данное решение суда исполнено не было.

Учитывая это, при отказе в удовлетворении кассационной жалобы, суд указал, что истцом не была подтверждена невозможность приведения спорного объекта недвижимости в соответствие с разрешительной документацией и не была обоснована необходимость сноса здания в целях защиты прав и интересов третьих лиц. Судом был сделан вывод о несоразмерности избранного способа защиты, поскольку он может повлечь нарушение баланса публичного и частного интереса. Истец, не согласившись с позицией суда, воспользовался своим правом и подал кассационную жалобу. Результатом рассмотрения жалобы стало определение ВС РФ № 307-ЭС19-16422 от 11 ноября 2019 г. Данным определением выделен ряд доводов заявителя, заслуживающих внимание. В частности, был учтен довод о том, что неисполнение обязанности привести спорный объект в соответствие с разрешением на строительство создает угрозу дальнейшей эксплуатации объекта, обладающего признаками самовольной постройки, в соответствии с чем данный объект создает угрозу жизни и здоровью граждан, и такой

способ защиты права, как снос самовольной постройки, соразмерен допущенным нарушениям.

Анализируя данное дело, можно указать, что Арбитражный суд Северо-Западного округа принял точку зрения, соответствующую позиции Конституционного суда РФ о том, что возведение самовольной постройки определяется как правонарушение, санкция за которое должна быть соразмерна существующей общественной опасности (позиция КС РФ содержится, в частности, в Определении от 27 сентября 2016 г. № 1748-О). В Определении ВС РФ № 307-ЭС19-16422 от 11 ноября 2019 г. в то же время представлен более формальный подход, что не соответствует цели соблюдения баланса частного и публичного интереса и может повлечь ущемление прав.

Позиция Конституционного суда также прослеживается в Определении ВС РФ № 306-ЭС19-15447 от 11.11.2019, в соответствии с которым дело № А12-8898/2018 об обязанности демонтировать самовольно размещенный объект, передано для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ. Рассматривая данный спор, Судебная коллегия отметила доводы ответчика о том, что, поскольку здание соответствует градостроительным и строительным нормам в соответствии с заключением экспертизы, не угрожает жизни и здоровью, не нарушает публичные права, права и интересы третьих лиц, то не является основанием для признания спорного объекта самовольной постройкой и его сноса отсутствие доказательств легализации спорного объекта и отмена выданного разрешения на строительство.

В соответствии с этим представляется необходимым изложить абзац 4 пункта 2 статьи 222 ГК РФ в следующей редакции: «Самовольная постройка подлежит приведению в соответствие с параметрами, установленными правилами землепользования и застройки, документацией по планировке территории или обязательными требованиями к параметрам постройки, предусмотренными законом (далее – установленные требования)», а также дополнить пункт 2 статьи 222 ГК РФ абзацем 5: «Самовольная постройка подлежит сносу в случае невозможности ее приведения в соответствие с установленными требованиями, а также нарушения прав и законных интересов третьих лиц».

При рассмотрении правового регулирования самовольного строительства необходимо отметить также несовершенства существующей дефиниции самовольной постройки. Законодательно закрепленное определение самовольной постройки неоднократно перерабатывалось. Некоторые изменения, такие как исключение из определения самовольной постройки указания на то, что ею могут быть жилые дома, были объективно необходимы и значительно снизили степень правовой неопределенности касательно идентификации объектов самовольного строительства, так как понятие «здание», которое содержится в действующей редакции статьи 222 ГК РФ, является более точным и емким с юридической точки зрения. Но другие изменения представляются спорными: редакция статьи 222 ГК РФ от 2015 г. указывала на то, что в качестве самовольной постройки может быть рассмотрено только недвижимое имущество. В основе исключения указания на недвижимый характер объектов самовольного строительства лежит сугубо юридическое понимание термина «недвижимое имущество». В связи с ним самовольная постройка хотя и фактически попадает под такие признаки недвижимой вещи, как прочная связь с земной поверхностью и невозможность перемещения объекта недвижимости в пространстве без несоразмерного ущерба его назначению, но при этом не может выступать объектом права собственности и иных вещных прав, на что прямо указывает пункт 2 статьи 222 ГК РФ. Недвижимые вещи становятся частью гражданских правоотношений только при условии осуществления государственной регистрации возникновения и изменения права собственности и других вещных прав в соответствии со статьей 131 ГК РФ и внесения соответствующей записи в ЕГРН. Следовательно, для участников гражданского оборота, а также для органов исполнительной власти именно наличие сведений, содержащихся в ЕГРН является определяющим фактором в вопросе установления наличия у того или иного объекта статуса недвижимой вещи. Иногда такой формальный подход может привести к неоднозначным правовым последствиям. В соответствии со сложившейся судебной практикой сам факт возведения самовольной постройки не влечет приобретения права собственности на этот объект вне зависимости от того, произведена государственная регистрация права или нет. Несмотря на

это, само по себе наличие в Государственном кадастровом учете сведений об объекте недвижимости может послужить основанием для возложения на лицо бремени содержания имущества. Определение Конституционного суда Российской Федерации от 25 октября 2018 г. № 2524-О содержит описание довольно распространенной на практике спорной ситуации: объект недвижимости был признан самовольной постройкой спустя некоторое время после внесения в ЕГРН сведений о возникновении на него права собственности, в связи с чем бывший собственник в судебном порядке заявил просьбу о перерасчете оплаченного налога на имущество физического лица за указанную постройку. Требования истца основывались на логически верной позиции: если объект недвижимости юридически не существовал, то в соответствии со статьей 374 НК РФ, указанная постройка не должна выступать в качестве объекта налогообложения. Однако Конституционный суд указал на то, что на основании пункта 4 статьи 85 и пункта 2 статьи 408 Налогового кодекса Российской Федерации порядок исчисления налога основывается на сведениях, представленных в налоговые органы, органами, осуществляющими государственный кадастровый учет и государственную регистрацию прав на недвижимое имущество. Несмотря на тот факт, что здание контрольно-пропускного пункта автостоянки было признано объектом самовольного строительства, сведения о нем в качестве объекта недвижимого имущества содержались в ЕГРН, а значит начисление налога было правомерным. В Определении также отмечено, что заявитель не предоставил доказательств того, что им была фактически исполнена возложенная на него судом обязанность по сносу самовольной постройки. Учитывая, что постройка использовалась заявителем в целях осуществления предпринимательской деятельности и приносила определенную экономическую выгоду ее владельцу, то отсутствие сведений о ее ликвидации может косвенно свидетельствовать о возможном продолжении эксплуатации незаконно возведенного объекта и получении прибыли. Таким образом, самовольная постройка не только фактически соответствует признакам недвижимой вещи, но и может выступать активом владельца, а

в рассмотренном выше случае на основании сведений, содержащихся в ЕГРН, еще и объектом налогообложения.

Позиции отечественных цивилистов по поводу возможности использования в целях определения объектов самовольного строительства такого критерия, как отнесение к самовольной постройке исключительно недвижимых вещей, разделились. Так Е. А. Суханов выразил следующее мнение: «самовольная постройка, даже будучи тесно связанной с землей, не будет признана недвижимой вещью и не может стать объектом имущественного оборота»¹ [6. – С. 351]. В то же время множество исследователей в области изучения правовых аспектов самовольного строительства, такие как А. Ф. Бакулин [1. – С. 138], В. В. Селиванов [4. – С. 14], придерживаются мнения о том, что самовольная постройка должна определяться через критерии недвижимого имущества. Сложившаяся правоприменительная практика основывается на том, что самовольной постройкой может быть только недвижимая вещь. Так в пункте 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 однозначно обозначено, что действие статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации не может распространяться на общественные отношения, связанные с созданием самовольно возведенных объектов, не являющихся недвижимым имуществом, а также на отношения, касающиеся перепланировки, переустройства (переоборудования) недвижимого имущества, в результате которых не создан новый объект недвижимости. Исключение из определения самовольной постройки такого признака как отнесение объектов самовольного строительства к объектам недвижимости на практике привело к необходимости постоянного судебного расширительного толкования статьи 222 ГК РФ.

Ввиду этого представляется необходимым изложить п.1 ст. 222 ГК РФ в следующей редакции: «Самовольной постройкой является здание, сооружение или другое строение, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, возведенные или созданные на земельном участке...»

¹ Суханов Е. А. Гражданское право : учебник. В 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., Статут, 2019. – С. 351.

Также следует указать, что хотя в п. 1 ст. 222 ГК РФ самовольная постройка определяется через такие понятия как здание, сооружение или другое строение, действующее законодательство не содержит определения такого понятия как строение. В связи с этим указание данного определения избыточно и не способствует разрешению практических правовых проблем, связанных с отнесением того или иного объекта к самовольной постройке.

В то же время исследователями, в частности, Р. А. Валеевым [3. – С. 14], а также сложившейся судебной практикой указывается на то, что в качестве объекта самовольного строительства могут выступать объекты незавершенного строительства. Например, Апелляционным определением СК по гражданским делам Новосибирского областного суда от 20 сентября 2018 г. по делу № 33-9268/2018, были защищены права собственника земельного участка, в непосредственной близости от границ которого, ответчик начал процесс незаконного строительства технического

здания. При возведении самовольной постройки ответчик грубо нарушил противопожарные нормы и правила, а также пренебрег градостроительными регламентами, в связи с чем создал угрозу для жизни и здоровья истца. Именно благодаря судебному толкованию, позволяющему распространять правовой режим самовольной постройки на объекты незавершенного строительства, права истца были защищены еще до момента окончания самовольного строительства и наступления возможных негативных последствий.

Необходимо подчеркнуть важность ухода от формализма в регулировании института самовольной постройки. Ввиду ее двойственной природы необходим индивидуальный подход к определению баланса частных и публичных интересов при рассмотрении дела, и хотя актуальная правоприменительная практика свидетельствует о наличии тенденции к либерализации правового режима самовольной постройки, прослеживается острая востребованность ее дальнейшего реформирования.

Список литературы

1. Бакулин А. Ф. О негативной природе требования о сносе самовольной постройки // Марийский юридический вестник. – 2008. – № 6. – С. 134–141.
2. Бетхер В. А. Самовольное создание и (или) изменение объектов недвижимости в Российской Федерации (гражданско-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2016.
3. Валеев Р. А. Правовой режим объекта незавершенного строительства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2007.
4. Селиванов В. В. Гражданско-правовой режим самовольной постройки и его нормативное закрепление : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012.
5. Соколова М. В. Правовой режим самовольной постройки: актуальные проблемы теории и практики // Вестник ЮУрГУ. – 2012. – № 43. – С. 107–108.

Публичное и частное в предпринимательском праве

А. Л. Берегова

студентка магистратуры дистанционного обучения РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: albereгова@mail.ru

Public and Private in Business Law

A. L. Bereгова

Master Student at the Faculty of Distance Learning of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: albereгова@mail.ru

Аннотация

В статье посредством поиска оптимального сочетания публичных и частных интересов в предпринимательском праве анализируются аспекты законодательного регулирования предпринимательских отношений, особенности влияния соответствующих исторических эпох и состояния общества на становление и развитие предпринимательства. Рассматриваются мировые тенденции влияния предпринимательской деятельности на сферу правового регулирования, предлагается и обосновывается идея развития единого законодательства в сфере предпринимательского (хозяйственного) права, которое будет включать в себя как частноправовые, так и публично-правовые нормы.

Ключевые слова: публичное право, частное право, предпринимательские отношения, баланс публичных и частных интересов, технологическая революция, уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, методы государственного регулирования.

Abstract

The article analyzes the aspects of legislative regulation of business relations, the importance of the influence of the corresponding historical epochs and the state of society on the formation and development of entrepreneurship by searching for the optimal combination of public and private interests in business law. The article considers the global trends of influence on the sphere of legal regulation of business activity, proposes and justifies the idea of developing a single law in the field of business (economic) law, which will include both private law and public law norms.

Keywords: public law, private law, business relations, balance of public and private interests, technological revolution, Commissioner for the protection of entrepreneurs' rights under the President of the Russian Federation, methods of state regulation.

Многие современные исследователи-юристы продолжают вести активную дискуссию о границах между публичным и частным правом в области регулирования предпринимательских отношений и предпринимательства в целом. Одной из главных задач законодателя остается поиск оптимального соотношения публичного и частного в предпринимательском праве, а также гармонизация и баланс публичных и частных интересов при регулировании предпринимательских отношений.

Под балансом следует понимать определенное состояние в обществе, при котором будет обеспечиваться полная и всеобъемлющая реализация законных публичных и частных интересов,

которые могут быть установлены посредством правотворческой деятельности и правового регулирования. Эффективность правового регулирования достигается путем обеспечения оптимального сочетания публичных и частных интересов и в дальнейшем способствует реализации как публичных, так и частных законных интересов, защищая от претворения в жизнь противоправных целей. Необходимо отметить, что интересы государственного сектора и бизнес-сообщества не стоит рассматривать как противоположные или же противостоящие друг другу. Это связано с тем, что иногда они могут иметь точки соприкосновения

или общую направленность. При этом недопустимо, чтобы интересы государства подменялись частными интересами конкретных должностных лиц, так как это может привести к коррупции и появлению административных барьеров.

В различные периоды истории границы между частным и публичным правом меняются, расширяя или уменьшая области публичного и частного права. Так, те предпринимательские отношения, которые на определенном этапе истории регулировались частным правом, в другой период переходили в область публичного права, и наоборот.

Исторически сложилось, что государство и предприниматели находятся в постоянном поиске наиболее удобных форм взаимного сотрудничества. В отечественной правовой доктрине в XX в. представления о частном и публичном праве претерпели несколько изменений. Например, до 1917 г. к формам публично-частного партнерства относилась практика подписания концессионных соглашений между государством и предпринимателями, т. е. к управлению собственностью государства или государственным услугам на взаимовыгодных условиях активно привлекался частный сектор. После Октябрьской революции 1917 г. правовое регулирование хозяйственной деятельности в России существенно изменило свое направление. Сразу после революции на частную предпринимательскую деятельность был наложен запрет. Частичное разрешение на ее осуществление было получено в 20-е гг. XX в. и закреплено в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г. Однако в 30-е гг. она опять была запрещена. Далее можно говорить о развитии практики подписания концессионных соглашений, но с иностранными контрагентами, а также о доминировании государства над предпринимательством, которое заключалось в диктовке условий ведения бизнеса. В начале 90-х гг. XX в. произошел переход от одной экономической системы к другой, что, несомненно, потребовало изменений в регулировании хозяйственной деятельности. Появляется новый термин «предпринимательское право».

В настоящее время мы находимся на пороге так называемой очередной промышленной революции, которая, безусловно, повлечет за собой изменение экономического ландшафта мира, что

отразится на правовом регулировании предпринимательской деятельности [3. – С. 34–35].

Стоит отметить, что в контексте грядущей технологической революции А. Е. Молотниковым были выделены две мировые тенденции, которые могут повлиять на сферу правового регулирования предпринимательской деятельности. Во-первых, тенденция, связанная с активным повышением контроля за деятельностью компаний, в том числе инициативное вмешательство государства в деятельность бизнес-структур, усиление давления иных лиц на субъекты предпринимательской деятельности. Во-вторых, тенденция, связанная с потерей определяющего значения и важности для экономики таких институтов, как например, банки, биржи, клиринговые компаний [2. – С. 11–14]. Особое внимание автор обращает на государственное давление, что может привести к радикальным переменам в организационных структурах ведения бизнеса.

Вместе с тем уже долгое время осуществляется поиск оптимальной модели правового регулирования предпринимательской деятельности между хозяйствующими субъектами, осуществляющими, например, поставку продовольственных товаров, и субъектами – торговыми сетями, т. е. поиск границы между публичным и частным правом, которая способна обеспечить справедливый баланс частных интересов вышеуказанных субъектов и публичных интересов государства и общества. В данном случае право осуществляет особую функцию, являясь юридическим инструментом достижения баланса интересов, в том числе формирования позитивных норм в соответствии с экономическим интересом данного общества.

Попыткой урегулировать данный вопрос стало принятие Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 273-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»¹. Однако при разработке положений закона отечественным законодателем был выбран императивный путь, усиливающий лишь ограничения, запреты и предписания, не обращая внимания на закрепленный в Гражданском кодексе РФ обширный арсенал

¹ О внесении изменений в Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 273-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // Российская газета – Федеральный выпуск. – 2016. – № 149 (7017).

гражданско-правовых средств регулирования торгового оборота.

Таким образом, оптимальное правовое регулирование предпринимательства должно основываться на равном соотношении частных и публичных интересов в праве. Значит, проблема разграничения публичного и частного в предпринимательском праве, а также поиска баланса между ними все еще является актуальной.

На данный момент само понятие «предпринимательское право» сформулировано законодателем, по нашему мнению, недостаточно четко. Так, взаимоотношения индивидуальных предпринимателей и юридических лиц презюмируются как основанные на равенстве. Однако правоспособность юридического лица может быть ограничена только в случаях, предусмотренных в законе, тогда как правоспособность индивидуального предпринимателя может быть ограничена и Указом Президента РФ, и Постановлением Правительства РФ (п. 3 ст. 23 Гражданского Кодекса РФ). Соответственно, индивидуальные предприниматели подвержены более жесткой правовой регламентации со стороны государства, а вышеуказанные правила приводят к сужению их прав.

В решении проблемы может помочь посредник между предпринимателями и государством – уполномоченный при президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей и его рабочий аппарат. Целью их деятельности должно стать обеспечение частных и публичных интересов, государственных гарантий защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности, а также соблюдение указанных прав субъектами публичной власти.

Законодатель определяет целый ряд инструментов уполномоченного по защите прав предпринимателей, которые позволяют ликвидировать дисбаланс в отношениях между государством и предпринимателями. К его полномочиям относится возможность быть участником судебного процесса в арбитражных судах, а именно истцом, заявителем или третьим лицом. Согласно Докладу уполномоченного по защите прав предпринимателей при президенте Российской Федерации 2019 г., представители уполномоченного принимали участие в рассмотрении многих дел в судах, в том числе, касающихся незаконного уголовного преследования¹.

Как особо значимое для обеспечения баланса частных и публичных интересов можно отметить одно из направлений деятельности уполномоченного по защите прав предпринимателей, а именно: разработку предложений о принятии изменений в нормативные правовые акты, направление их в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления, а также оценку законопроектов, связанных с предпринимательством.

Как отмечает Е. П. Губин, государство и бизнес находятся в единой системе координат и их противопоставление может привести к краху экономической системы, с одной стороны, и дестабилизации государства – с другой. То есть власть должна способствовать достижению равновесия на рынке, не вставать на сторону публичного интереса в ущерб частному. В нахождении оптимального баланса между публичными и частными интересами в сочетании с регулированием и дозволением императивных и диспозитивных начал в экономике и заключается ответ на вопрос о степени вмешательства государства в экономические отношения [2. – С. 23].

Стоит отметить, что вмешательство государства может осуществляться двумя разными путями. Во-первых, с помощью правового регулирования экономических отношений посредством установления равных условий для свободной конкуренции хозяйствующих субъектов, т. е. определения единых правил игры для всех. Во-вторых, с помощью активного вмешательства в производственные процессы с использованием специальных средств, форм и методов государственного регулирования экономики. В случае избрания первого пути можно отметить явную необходимость и важность государственного вмешательства, тогда как, если пойти по второму пути, то необходимость вмешательства государства в производственные процессы вызывает определенные сомнения, а сама степень такого вмешательства и корректировка предпринимательских отношений с помощью различных мер, требуют оценки эффективности и целесообразности в конкретных социальных условиях. Нельзя забывать о том, что необоснованное вмешательство в предпринимательские отношения влечет за собой нарушение частного интереса и, как следствие, применение гражданско-правовой ответственности.

¹ URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2019.html.

В качестве возможных причин вмешательства государства в предпринимательские отношения и оснований для ограничения свободного рынка можно выделить следующие:

– неэкономические (например, защита социально незащищенных слоев населения, национальная безопасность, экология и т. п.).

– экономические (провалы рынка, т. е. невозможность рынка обеспечить рост благосостояния общества). Однако их применение должно быть оправданно и приемлемо в каждом конкретном случае, а также социально справедливо для общества.

Несмотря на разносторонность исследований, вопрос равенства и баланса интересов между государством и предпринимателями остается не доработанным, как учеными-теоретиками, так и на практике.

Так, предпринимательское право регулируется прежде всего гражданским правом, которое является частным и направлено в основном на охрану и защиту интересов предпринимателей и их контрагентов. Однако помимо частноправовых норм для регулирования предпринимательской деятельности, используются также публично-правовые нормы, которые направлены на установку границ между интересами общества и необоснованными и недобросовестными действиями предпринимателей. В большинстве своем публично-правовые нормы, которые относятся к регулированию предпринимательства, не вошли в Гражданский кодекс РФ в связи с тем, что он сконструирован как частноправовой закон, и только некоторые его нормы (например, о государственной

регистрации юридических лиц) можно отнести к публично-правовым.

При этом стоит отметить, что из-за достаточно большого количества публично-правовых норм, применяемых для регулирования предпринимательской деятельности, возникают сложности в регулировании такой деятельности, а значит, возникает необходимость улучшения предпринимательского законодательства.

В связи с тем, что одним из принципов предпринимательского права является принцип диспозитивности, в регулировании предпринимательской деятельности должны преобладать частноправовые нормы. Публично-правовые нормы должны использоваться, например, только при непосредственной угрозе общественным интересам. При выборе способов воздействия на субъекты предпринимательства правоприменитель должен руководствоваться не только принципами соответствующих отраслей права (как публичного, так и частного), но и опираться на другие экономические и социальные факторы, определяющие пределы его полномочий. Так, усиление контроля над предпринимателями необходимо заменить мерами за нарушение каких-либо уже существующих требований к предпринимательской деятельности за фактически совершенные правонарушения.

Также можно говорить о том, что в регулировании предпринимательской деятельности сочетание частноправовых и публично-правовых начал наилучшим образом может быть обеспечено путем развития единого предпринимательского (хозяйственного) законодательства, включающего в себя как частноправовые, так и публично-правовые нормы.

Список литературы

1. Губин Е. П. Государство и бизнес в условиях правовых реформ // Журнал российского права. – 2015. – № 1.
2. Молотников А. Е. Четвертая промышленная революция и современное осмысление корпоративной формы ведения бизнеса // Предпринимательское право. – 2017. – № 2. – С. 11–14.
3. Правовое воздействие на экономику: методы, результаты, перспективы : монография / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. – М. : Юстицинформ, 2018.

Актуальные проблемы защиты экологических прав граждан в Российской Федерации

К. С. Рыжков

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
гражданского процессуального права УФ РГУП.

Адрес: УФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
454135, г. Челябинск, ул. Энергетиков, д.63.

E-mail: knrz2006@ya.ru

И. В. Федорова

студентка 4 курса факультета подготовки специалистов для судебной системы УФ РГУП

Адрес: УФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
454135, г. Челябинск, ул. Энергетиков, д.63.

E-mail: firina.fedorova@ya.ru

М. В. Федорова

студентка 4 курса факультета подготовки специалистов для судебной системы УФ РГУП

Адрес: УФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
454135, г. Челябинск, ул. Энергетиков, д.63.

E-mail: firina.fedorova@ya.ru

Actual Problems of Protecting the Environmental Rights of Citizens in the Russian Federation

K. S. Ryzhkov

PhD in Law, Senior Lecturer of the Department of Civil Procedure Law of the UB of RSUJ.

Address: Uralian Branch of the Russian State University of Justice,
63 Energetikov st., 454135, Chelyabinsk, Russian Federation.

E-mail: knrz2006@ya.ru

I. V. Fedorova

Student of 4 Courses of the Faculty of Training of Specialists for the Judicial System of the UB of RSUJ.

Address: Uralian Branch of the Russian State University of Justice,
63 Energetikov st., 454135, Chelyabinsk, Russian Federation.

E-mail: firina.fedorova@ya.ru

M.V. Fedorova

Student of 4 Courses of the Faculty of Training of Specialists for the Judicial System of the UB of RSUJ.

Address: Uralian Branch of the Russian State University of Justice,
63 Energetikov st., 454135, Chelyabinsk, Russian Federation.

E-mail: firina.fedorova@ya.ru

Аннотация

В современную постиндустриальную эпоху, когда уровень состояния окружающей среды рассматривается как значимый фактор благополучия людей, право на благоприятную окружающую среду признается в качестве базового экологического права. Несмотря на определенные усилия, предпринимаемые мировым сообществом по созданию действенных механизмов преодоления экологического кризиса, во многих странах, в том числе в Российской Федерации, наблюдается ухудшение состояния окружающей среды, что приводит к снижению численности здорового населения и, следовательно, является прямой угрозой обществу и государству. Актуальность темы исследования определяется тем, что экологические

права как важная составляющая конституционного статуса личности в настоящее время не имеют достаточного уровня законодательных гарантий их осуществления, поэтому все большее значение приобретает необходимость разработки действенного механизма реализации и защиты данных прав с учетом отечественного и международного опыта в данной сфере. Предметом исследования явились нормы международного права, законодательства Российской Федерации, а также решения Европейского суда по правам человека и Конституционного суда Российской Федерации, материалы правовой литературы, рассматривающие вопросы содержания экологических прав человека, а также отдельные вопросы их реализации и защиты. Методологическую основу исследования составили следующие методы: 1) исторический (развитие института экологических прав человека); 2) методы анализа, синтеза и сравнения применялись при рассмотрении различных точек зрения в вопросе комплексного характера конституционно-закрепленных экологических прав; 3) системный и структурно-функциональный методы позволили обозначить роль рассматриваемых прав; 4) формально-юридический метод использовался при анализе международных правовых актов законодательства Российской Федерации, решений Конституционного суда Российской Федерации по спорным вопросам; 5) статистический метод использовался при указании на высокую загрязненность окружающей среды в целом. Выводы: в процессе анализа нормативных правовых актов судебной практики Российской Федерации, в том числе первого дела по возмещению морального вреда, причиненного здоровью граждан, рассмотренного Озерским городским судом Челябинской области, а также практики Европейского суда по правам человека, авторами выявлены значимые проблемы защиты экологических прав. Предлагаются способы повышения эффективности судебной защиты путем устранения недостатков в действующем законодательстве, поддержана идея создания экологических судов в России.

Ключевые слова: состояние окружающей среды, конституционные права, экологические права, благоприятная окружающая среда, критерии, право на возмещение вреда, проблемы реализации, судебная защита, Конституционный суд РФ, суды общей юрисдикции, экологические суды, причинно-следственная связь, доказательства, правонарушение.

Abstract

In the modern post-industrial era, when the level of the environment has become an important factor in the quality of life, health and well-being of people, the right to a favorable environment is one of the fundamental environmental rights. Despite certain efforts undertaken by the world community to create effective mechanisms to overcome the environmental crisis, environmental degradation is still observed in many countries, including the Russian Federation, which leads to a decrease in the number of healthy population, and, therefore, is direct threat to society and the state. Consequently, the relevance of the research topic is determined by the fact that environmental rights as an important component of the constitutional status of an individual do not currently have an adequate level of legislative guarantees for their implementation; therefore, the need to create an effective mechanism for the implementation of these rights, the provision and protection of which should be implemented taking into account domestic and international human rights experience in this area. The subject of the study was the norms of international law, the legislation of the Russian Federation, as well as decisions of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation, legal literature materials affecting the content of environmental human rights, as well as certain issues of their implementation and protection. The following methods were the methodological basis of the study: 1) historical (development of the Institute of Environmental Human Rights); 2) the methods of analysis, synthesis and comparison were applied when considering various points of view on the complex nature of constitutionally enshrined environmental rights; 3) systemic and structural-functional methods made it possible to identify the role of the rights in question; 4) the formal legal method was used in the analysis of international legal acts, legislation of the Russian Federation, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on controversial issues; 5) the statistical method was used to indicate high environmental pollution in general. Conclusions: in the process of analyzing regulatory legal acts and judicial practice of the Russian Federation, including the first case for compensation for non-pecuniary damage caused to the health of citizens and examined by the Ozyorsk city court of the Chelyabinsk region, as well as the practice of the European Court of Human Rights, we have identified significant environmental protection problems rights: the complexity of the system of proving the existence of harm caused to the life and health of citizens, its causal relationship with the economic activities of legal entities or individuals, non-enforcement of court decisions, lack of legislative consolidation of criteria for a favorable environment. Ways are proposed to increase the effectiveness of judicial protection by eliminating deficiencies in the current legislation, the idea was expressed of creating environmental courts in Russia, since

courts of general jurisdiction are unable to effectively administer justice in the field of protecting the environment and human health.

Keywords: state of the world, constitutional rights, environmental rights, favorable environment, criteria, right to redress, problems of implementation, judicial protection, Constitutional Court of the Russian Federation, courts of general jurisdiction, environmental courts, cause and effect, evidence, offense.

Ухудшение состояния окружающей среды приводит к снижению численности здорового населения и представляет прямую угрозу обществу и государству. Подтверждением этому являются данные Всемирной организации здравоохранения, согласно которым неблагоприятные факторы окружающей среды ежегодно становятся причиной 13 млн смертей в мире, а также 19% всех онкологических заболеваний. Данная проблема была поднята еще в начале 1990 г., когда Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций признала взаимосвязь между здоровьем человека и окружающей средой. В Резолюции от 14 декабря 1990 г. «Необходимость обеспечения здоровой окружающей среды в интересах благосостояния людей» подчеркивается право каждого на жизненный уровень, направленный на поддержание здоровья человека и его семьи, на постоянное улучшение условий жизни¹. В настоящее время, как заявил глава Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации С. Е. Донской, почти 1/3 регионов России включена в перечень территорий с ярко выраженными санитарно-гигиеническими проблемами [9]. Таким образом, исходя из стремительного ухудшения экологической ситуации, необходимо совершенствовать эколого-правовой механизм защиты прав человека и гражданина на благоприятную окружающую среду [7. – С. 49].

Впервые вопрос о защите экологических прав человека и гражданина был поднят на Стокгольмской конференции ООН по окружающей среде 1972 г. Выделим основной принцип Стокгольмской декларации², провозгласивший право каждого на благоприятные условия жизни в окружающей

среде, качество которой должно обеспечить достойную жизнь. Следующим важным этапом, давшим импульс развитию института экологических прав человека, стала конференция ООН по окружающей среде и развитию, состоявшаяся в Бразилии в июне 1992 г. Особо значимыми стали положения десятого принципа Рио-де-Жанейрской Декларации³, предоставившие каждому возможность ознакомиться со сведениями, касающимися окружающей среды и находящимися в распоряжении государственных органов. В Декларации подчеркивалась обязанность государства принимать законы, регулирующие ответственность за совершенные экологические правонарушения и предусматривающие компенсации жертвам причиненного этим правонарушением вреда.

В статье 42 Конституции Российской Федерации закрепляется триада основополагающих экологических прав гражданина Российской Федерации: право на благоприятную окружающую среду, право на достоверную информацию о ее состоянии, право на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу человека экологическим правонарушением.

Во втором пункте Постановления Конституционного суда РФ от 10 ноября 2009 г. № 17-П по делу о проверке конституционности ряда статей Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» в связи с запросом суда Курской области и жалобами граждан⁴ к числу защищаемых прав человека и гражданина, кроме вышеперечисленных, относится и право на охрану здоровья, а также со-

¹ Резолюции 45-1 сессии (1990–1991 гг.) – Генеральная Ассамблея ООН. – URL: <http://www.un.org/ru>

² Стокгольмская декларация (Извлечение) (Принята в Стокгольме 16 июня 1972 г. на Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды) // Действующее международное право. – Т. 3. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 682–687.

³ Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию (Принята в г. Рио-де-Жанейро 14 июня 1992 г.). – URL: <http://www.consultant.ru>.

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 ноября 2009 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 14 и пункта 1 части первой статьи 15 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (в редакции Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ) в связи с запросом Курчатковского городского суда Курской области и жалобами граждан А. В. Жестикова и П. У. Мягчило // Российская газета. – 2009. – № 224.

ответствующая этому праву обязанность государства организовать экологическое благополучие таким образом, чтобы обеспечить охрану окружающей среды и предотвратить экологически опасные виды деятельности.

К одной из проблем реализации и защиты экологических прав относится несовершенство таких правовых категорий, как «благоприятная окружающая среда», «экологическая информация», которые и определяют содержание конституционных прав. Так, в статье 1 Федерального закона от 10 января 2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»¹ дано определение понятия «благоприятная окружающая среда», в соответствии с которым качество такой окружающей среды должно обеспечивать стабильное функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов. Однако, как считает М. И. Васильева, это не совсем верное определение, поскольку в нем не упоминается о человеке, обеспечение жизни и здоровья которого служит основой для формирования экологического законодательства [4 – С. 84–87].

Понятие благоприятной окружающей среды можно найти в следующих правовых источниках.

Так, в преамбуле Федерального закона РФ от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе»² закрепляется направленность закона на реализацию экологических прав человека в результате предупреждения негативных воздействий хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду. В статье 8 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»³ говорится о факторах благоприятной среды обитания, не оказывающих вредного воздействия на человека.

Несмотря на многочисленное употребление рассматриваемого понятия, в действующем законодательстве Российской Федерации отсутствуют юридические критерии, позволяющие определить благоприятность окружающей среды. Данные критерии предлагаются многими учеными-правоведами. Так, С. А. Глушков рассматривал благоприятную среду как среду, находясь в которой важно достичь наивысшего уровня состояния полного

физического, душевного и социального благополучия. О. К. Алиев к данной точке зрения добавляет систему нормативов охраны окружающей среды и лимитов природопользования [8. – С. 200–201]. Комплексное определение благоприятной окружающей среды дает М. М. Бринчук, который считает, что благоприятной является среда в том случае, если ее состояние соответствует определенным требованиям и нормативам, касающимся незагрязненности, экологической устойчивости и эстетического богатства [11. – С. 109].

Поэтому именно государство должно создавать такие условия, при которых можно будет реализовать конституционно провозглашенные права, а в случае их нарушения – защитить их. В рамках настоящего исследования необходимо выделить критерии, по которым можно определить, благоприятна среда для жизнедеятельности людей или нет. В свою очередь отклонение от них в результате хозяйственной или иной деятельности позволит в процессе судебной защиты нарушенного права обозначить, каким образом деятельность стороны привела к негативному состоянию окружающей среды.

Закрепляя в статье 46 Основного закона Российской Федерации право граждан на судебную защиту в связи с противоправными действиями, бездействиями органов государственной власти и местного самоуправления, иных лиц, а также с принятием ими неправомерных решений [5. – С. 61], государство определяет конкретные формы его реализации в Федеральных законах от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» и от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», к которым относятся, во-первых, право в судебном и административном порядке требовать отмены решений о строительстве, проектировании и эксплуатации экологически вредных объектов, прекращения деятельности юридических и физических лиц, которая осуществляется с нарушением требований экологического законодательства, во-вторых, право ставить вопрос о привлечении к ответственности виновных в экологи-

¹ Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 29 июля 2018 г.) «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 2. – Ст. 133.

² Федеральный закон от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 48. – Ст. 4556.

³ Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 14. – Ст. 1650.

ческих правонарушениях, в-третьих, право обращаться в суд с исковым заявлением о возмещении вреда, причиненного здоровью и имуществу граждан этими правонарушениями [15. – С. 6].

Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина, в том числе в результате сокрытия информации, предоставления несвоевременной или недостоверной информации о состоянии окружающей среды, отказа в предоставлении такой информации, что повлекло возникновение заболевания, производится с учетом утраченного потерпевшим дохода, а также дополнительно понесенных им расходов, если будет установлено, что данная помощь лицу необходима и он не может получить ее бесплатно (п. 34 Постановления Пленума Верховного суда РФ (далее – ВС РФ) от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»¹).

Согласно абзацу 4 статьи 208 Гражданского кодекса РФ на иски о возмещении причиненного здоровью и жизни гражданина вреда срок исковой давности не распространяется, однако названные требования могут быть удовлетворены не более чем за три года, предшествовавших предъявлению иска².

Тем не менее существует ряд проблем в реализации рассматриваемого конституционного права, поскольку доказыванию подлежат следующие юридические факты:

1) факт совершения лицом деяния, нарушающего экологическое законодательство (постановление о наложении мер административного воздействия как доказательство противоправного деяния);

2) факт причинения вреда здоровью и имуществу гражданина;

3) причинно-следственная связь между негативным фактором окружающей среды и наступившим вредом.

Доказыванию подлежит также то обстоятельство, что лицо находилось на территории, где оказывалось негативное воздействие на окружающую

щую среду [2. – С. 39]. Исходя из территориального критерия источник загрязненности может быть расположен далеко от места, где загрязнение наносит вред [14. – С. 140].

При этом защита экологических прав осуществляется по правилам гражданского судопроизводства. Вместе с тем дела, связанные с экологическими правонарушениями, относятся к числу наиболее сложных и вызывающих проблемы в судебной практике.

Возможность обращения в международные органы, а именно в Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) для защиты нарушенного права, если использованы все национальные средства правовой защиты, конституционно определена в статье 46 Конституции РФ.

Среди наиболее заметных решений Европейского суда по правам человека, которые связаны с охраной благополучной среды обитания человека, его нормальной жизнедеятельностью [16. – С. 89], выделяются дела «Фадеева против России» и «Ледяев и другие против России».

Дело «Фадеева против России» рассматривалось 1 июля 2004 г. Как считала заявитель, проживание в санитарно-защитной зоне АО «Северсталь» в г. Череповце причинило существенный вред ее здоровью, так как уровень загрязнения атмосферы в городе во много раз превышал определенные нормативными правовыми актами Российской Федерации ПДК вредных веществ. Суд установил, что здоровье людей действительно может ухудшиться под влиянием на организм человека вредных выбросов. Кроме того, суд указал на недостаточность принятых Россией природоохранных мер: поставленные цели по сокращению выбросов так и не были достигнуты. Следовательно, в отношении Н. М. Фадеевой было нарушено положение статьи 8 Конвенции РФ о защите прав человека и основных свобод, исходя из которого видно, что Российская Федерация не приняла меры для защиты жизни людей от экологической угрозы. Суд возложил на ответчика обязанность выплаты Фадеевой в порядке компенсации морального вреда 6 000 евро³.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Верховного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 12.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 29 декабря 2017 г.) //

Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

³ Постановление ЕСПЧ от 9 июня 2005 г. «Дело “Фадеева против Российской Федерации”» (жалоба № 55723/00) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2006. – № 3.

Аналогичное решение вынес ЕСПЧ 26 октября 2006 г. по делу «Ледяев и другие против России», в котором заявителями были жители города, проживающие около металлургического предприятия¹.

Исследовав материалы судебной практики, авторы пришли к выводу, что существует лишь небольшое количество дел, возбужденных по искам о возмещении вреда, причиненного здоровью или имуществу граждан в результате нарушения законодательства в области охраны окружающей среды. Причины данной ситуации следующие: во-первых, нежелание граждан обращаться в суд за защитой нарушенного права; во-вторых, неинформированность населения о возможности защиты своих прав в суде по вопросам, связанным с нарушением состояния окружающей среды; в-третьих, отсутствие организаций, деятельность которых направлена на защиту экологических прав граждан; в-четвертых, сложность обоснования размера причиненного экологическим правонарушением ущерба и размера компенсации морального вреда [1. – С. 97].

В судебной практике имеются положительные прецеденты возмещения морального вреда, причиненного здоровью граждан. Одним из первых стало рассмотренное 7 апреля 1997 г. Озерским городским судом Челябинской области гражданское дело по иску семьи Нажмутдиновых к производственному объединению «Маяк». Семья обратилась в суд с тем, что они долгое время проживали в селе Муслимово, входившем в перечень населенных пунктов, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате аварии на ПО «Маяк» в 1957 г. В 1992 г. у истцов родился сын с врожденными пороками развития костной системы (отсутствует ступня, часть пальцев). По результатам проведенной генетической экспертизы выявленные повреждения генетического аппарата клеток у членов семей в первом поколении и возникшее состояние повышенной геномной нестабильности и иммунной недостаточности у их детей стали причиной рождения ребенка в третьем поколении с пороками развития опорно-двигательного аппарата. В результате рассмотрения

дела суд решил взыскать с ПО «Маяк» в пользу семьи моральный вред, причиненный их сыну, в сумме 50 млн рублей [12]. Данное решение стало историческим для России. В зарубежных же странах подобные иски давно не единичны.

Другим примером является решение Сегежского городского суда Карелии о компенсации морального вреда. 8 ноября 2003 г. суд рассмотрел дело по иску Фонда в интересах К. к АО «Сибирско-Уральская алюминиевая компания». Суть дела заключалась в том, что у К. 1984 г. рождения был выявлен флюороз (заболевание, которое приводит к размягчению костно-мышечных тканей). В результате проведенных исследований выяснилось, что заболевание возникло из-за воздействия на организм человека в период эмбрионального и дошкольного развития фторсодержащих соединений в атмосфере. В итоге суд решил взыскать с АО в пользу К. компенсацию морального вреда в размере 50 тыс. рублей [14. – С. 141].

Применяя исковой способ защиты права в суде, граждане могут столкнуться с проблемами доказывания фактов нарушения экологических прав. Это хорошо видно на примере Определения Конституционного суда РФ от 26 мая 2016 г. № 1003-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан К. В. Н., М. З. А. и О. Н. Г. на нарушение их конституционных прав, определенных статьями 11 и 12 Федерального закона «Об охране окружающей среды»², в котором указано, что К., М. и О. обратились в суд с иском к промышленному предприятию об обязанности снизить вредные выбросы в атмосферу и прекратить строительство золоотвала в природоохранной зоне, приложив в качестве доказательств газетные публикации, описывающие неблагоприятную экологическую обстановку в городе. Однако суд первой инстанции, оставив иск без движения, предложил К., М. и О. в качестве доказательств предоставить данные о воздействии экологической обстановки в городе на здоровье человека. Однако истцы не смогли выполнить данные требования суда, в результате чего суд возвратил им исковое заявление.

¹ Постановление ЕСПЧ от 26 октября 2006 г. «Дело "Ледяева и другие против Российской Федерации"» (жалобы № 53157/99, 53247/99, 53695/00 и 56850/00) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2017. – № 7.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 мая 2016 г. № 1003-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Кузнецова Валентина Николаевича, Муртазина Загита Асхатовича и Олейник Натальи Георгиевны на нарушение их конституционных прав статьями 11 и 12 Федерального закона "Об охране окружающей среды". – URL: <http://www.consultant.ru>.

Следовательно, защита экологических прав в суде сталкивается с рядом препятствий, которые вызваны сложностью сбора самими истцами доказательств, к тому же суд не оказывает содействия гражданам в сборе необходимых доказательств для правильного рассмотрения и разрешения дела. Учитывая особенности разрешения споров по охране окружающей среды, обеспечению благополучия граждан, авторы пришли к выводу, что государство не создает условий для реализации и своевременной защиты экологических прав.

Несмотря на то, что в современную постиндустриальную эпоху уровень состояния окружающей среды рассматривается как значимый фактор благополучия людей, экологические права человека и гражданина признаются государством и закрепляются в Конституции Российской Федерации, в настоящее время правовые средства их реализации и защиты не действуют, притом что достижение эффективной системы правового регулирования влияет на устойчивое развитие гражданского общества в целом. Следует отметить, что конституционно провозглашенные в Российской Федерации экологические права редко рассматриваются как объекты правовой защиты, в результате чего трудно найти судебные решения по данной тематике. Причины кроются в несформированности данного института: механизм правового регулирования экологических прав находится на начальной стадии формирования.

Существует ряд недостатков и в действующих процедурах возмещения вреда здоровью человека, причиненного экологическим правонарушением, таких как расчет его размера, отсутствие важного механизма привлечения правонарушителей к ответственности, система доказывания вины причинителя вреда, установление причинной связи между вредом и деятельностью организаций, загрязняющих окружающую среду, отсутствие в законодательстве экологических терминов и их содержания.

Подводя итог вышеизложенному, отметим следующие моменты:

1. Окружающая среда есть основа устойчивого развития и жизнедеятельности всего мирового сообщества. Поскольку в последнее время экологические изменения наиболее масштабно проявляются в загрязнении окружающей среды, то, соответственно, приоритетным направлением является поддержание и восстановление ее благоприятного состояния.

2. Обеспечение права на наивысший достижимый уровень здоровья зависит от социально-экономических факторов, к которым относится и благоприятная окружающая среда. Право каждого на благоприятную окружающую среду стоит рассматривать с позиции конституционной ценности, так как оно, во-первых, влияет на демографию и здоровье нынешнего и будущих поколений, во-вторых, обуславливает существование основ конституционного строя и реализацию основных прав и свобод человека и гражданина.

3. В настоящее время до сих пор право человека на благоприятную окружающую среду прямо не закреплено в универсальном международном правовом акте, обязательном для всех государств. Отсутствие в международном праве строгого определения понятия, а также отнесение права на благоприятную окружающую среду к правам нового поколения, тесно переплетающимся с системой прав человека в целом, приводит к различному толкованию рассматриваемого права на уровне национальных законодательств и, следовательно, к неоднозначной оценке его правовой природы.

4. Исходя из стремительного ухудшения экологической ситуации в мире в разы возрастает необходимость совершенствования эколого-правового механизма защиты окружающей среды и прав человека на благоприятную окружающую среду.

5. В настоящее время в условиях правовой реформы, проводимой в Российской Федерации, должен быть обеспечен научный подход к совершенствованию экологического законодательства. Так, с учетом пробелов действующего законодательства Российской Федерации в данной сфере, значительного количества бланкетных норм в целях совершенствования законодательной базы представляется необходимым внести определенные изменения в действующие нормативные правовые акты или разработать новые законы: во-первых, целесообразно принять закон, детально регулирующий порядок и способы возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью человека экологическим правонарушением [13. – С. 53], во-вторых, закрепить в статье 11 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» возможность предъявлять гражданами иски о защите экологических прав, включая право на благоприятную окружающую среду; в-третьих, следует внести изменения в Федеральный закон РФ «Об охране окружающей

среды», в соответствии с которыми были бы определены четкие юридические критерии благоприятности окружающей среды; в-четвертых, очевидна необходимость применения действенных механизмов экономического стимулирования субъектов хозяйственной деятельности к сокращению их негативного воздействия на окружающую среду.

6. В целях повышения эффективности защиты экологических прав и активности граждан в

их реализации авторы поддерживают высказанную учеными-правоведами О. С. Музалевой, А. М. Солнцевым, А. С. Шваровой [10. – С. 30], О. Л. Дубовик [19. – С. 121], идею создания специализированных экологических судов, что обусловлено ростом масштабов экологических проблем, неспособностью судов общей юрисдикции действительно рассматривать и разрешать дела в сфере защиты окружающей среды и здоровья человека. В свою очередь М. М. Бринчук предложил создавать особые палаты в судах [3. – С. 14].

Список литературы

1. Адаманова Э. В. Проблемы применения экологического законодательства в судебной и досудебной практике // Лесной вестник. – 2015. – № 19 (4). – С. 96–103.
2. Анисимов А. П., Каюшников Ю. Е. Возмещение вреда, причиненного здоровью человека экологическим правонарушением // LEGAL CONCEPT. – 2017. – № 2. – С. 36–44.
3. Бринчук М. М. Конституция Российской Федерации – основа прогрессивного развития экологического права / отв. ред. М. М. Бринчук, О. Л. Дубовик // Конституция Российской Федерации и развитие экологического права. – М., 2005.
4. Васильева М. И. О применении в праве экологических критериев благоприятности окружающей среды // Государство и право. – 2002. – № 11. – С. 84–87.
5. Герасимов Д. В. Конституционно-правовые основы регулирования права на благоприятную окружающую среду // Общество и право. – 2012. – № 1 (38). – С. 60–64.
6. Дубовик О. Л., Степаненко В. С. Тенденции и перспективы развития экологического права ЕС // Право и политика. – 2005. – № 1. – С. 121–131.
7. Евтушенко В. И. Совершенствование законодательства и правоприменительной практики в сфере реализации конституционного права человека и гражданина в Российской Федерации на благоприятную окружающую среду // Актуальные проблемы российского права. – 2012. – № 2 (23). – С. 48–55.
8. Евтушенко В. И. Современные тенденции совершенствования государственного регулирования реализации конституционного права человека и гражданина в Российской Федерации на благоприятную окружающую среду // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2011. – № 2 (97). – С. 195–206.
9. Минприроды назвало регионы с санитарно-гигиеническими проблемами. РИА Новости – события в России и мире: темы дня, фото, видео, инфографика, радио. – URL: <https://ria.ru>
10. Музалева О. С., Солнцев А. М., Шварова А. С. О создании специализированных экологических судов для обеспечения эффективной защиты экологических прав граждан // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2013. – № 1. – С. 28–36.
11. Пермиловский М. С. Право на благоприятную окружающую среду в иерархии конституционных ценностей // Вестник северного (арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 2. – С. 109.
12. Права граждан, пострадавших от радиации. Актуальные новости России и мира. События и комментарии. – URL: <https://www.lawmix.ru>
13. Протасов Р. С. Право граждан на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением // Проблемы и перспективы развития государства и права в XXI веке : материалы VI Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию Юридического факультета / под ред. И. А. Шаралдаевой. – Улан-Удэ : изд-во Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, 2015.

14. Романова А. А. Актуальные проблемы судебной защиты конституционного права на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу гражданина экологическим правонарушением // Вестник Чебоксарского кооперативного института. – 2010. – № 1(5). – С. 139–143.
15. Сизов В. Е. Экологические права в системе конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Современное общество и право. – 2012. – № 4 (9). – С. 3–9.
16. Чуличкова Е. В. Особенности судебной защиты конституционного права на благоприятную окружающую среду // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2016. – Т. 36. – № 4 (36). – С. 82–92.

Требования к публикациям

1. Статья должна обладать определенной новизной, представлять интерес для широкого круга читателей журнала, а также соответствовать требованиям, предъявляемым к научным публикациям.
2. Представляемый материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в том же виде в других печатных и электронных изданиях.
3. Статья представляется в редакцию в электронном и распечатанном виде в формате Microsoft Word, шрифтом Times New Roman, размер шрифта – 14 пт, межстрочный интервал – 1,5 строки.
Поля: левое – 2,5 см; правое – 1,5 см; верхнее – 2 см; нижнее – 2 см.
Материал статьи, представленный на бумажном носителе, должен соответствовать материалу статьи, представленному в электронном виде. В случае обнаружения расхождений редакция будет ориентироваться на электронный вариант статьи.
4. Материал для публикации в электронном виде должен содержать 3 файла:
 - 1-й файл: текст статьи на русском языке со следующей структурой:
 - а) на первой странице в верхнем правом углу (перед заглавием) необходимо указать Ф. И. О. автора, ученую степень, ученое звание;
 - б) заглавие статьи;
 - в) аннотация – не менее 150 слов – должна включать:
 - предмет исследования;
 - метод или методологию исследования;
 - научную новизну и выводы;
 - г) ключевые слова – не менее 15 слов;
 - д) текст литературы в конце статьи в алфавитном порядке по фамилиям авторов;
 - 2-й файл: текст на английском языке со следующей структурой:
 - а) на первой странице в верхнем правом углу (перед заглавием) необходимо указать Ф. И. О. автора, ученую степень, ученое звание;
 - б) заглавие статьи;
 - в) аннотация – не менее 150 слов – должна включать:
 - предмет исследования;
 - метод или методологию исследования;
 - научную новизну и выводы;
 - г) ключевые слова – не менее 15 слов;
 - 3-й файл: сведения об авторе по следующей форме на русском и на английском языке: фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; занимаемая должность; телефон; почтовый адрес; электронный адрес.
5. Объем текста статьи должен составлять не менее 12 страниц, включая таблицы, графический материал, аннотацию и список литературы.
6. Статья должна содержать библиографию (список литературы (других источников), используемой в статье), минимальное количество источников – не менее 5. При добавлении списка использованной литературы необходимо соблюдать правила действующих стандартов.
 - 6.1. В качестве источников, на которые автор ссылается в статье, следует использовать следующие:
 - статьи из периодических изданий;
 - статьи из продолжающегося издания (сборника трудов);
 - материалы конференций;
 - монографии.
 - 6.2. Все источники в списке литературы необходимо группировать по алфавиту фамилий авторов или первых слов заглавий документов.
7. На все нормативно-правовые акты следует ссылаться путем их упоминания в тексте статьи с указанием полного названия и даты утверждения без использования постраничных сносок. В статье допускается использование только внутритекстовых ссылок на источники. Ссылки оформляются в основном тексте статьи путем указания в конце предложения в квадратных скобках порядкового номера упоминаемого источника из списка литературы, а в случае цитаты – и номера страницы цитируемого источника [3. – С. 5].
8. В бумажном варианте статьи должна присутствовать сквозная нумерация страниц.
9. Таблицы в тексте статьи должны иметь заголовки; на каждую таблицу в тексте должна быть ссылка.
10. Иллюстрации должны иметь порядковый номер и название. При написании формул, схем, построении графиков, диаграмм, блок-схем не допускается размер шрифта менее 8.
11. Размер графиков, диаграмм, рисунков не должен превышать по вертикали 21 см, по горизонтали – 13,5 см.
12. Представленные статьи направляются по профилю научного исследования или по тематике рассматриваемого вопроса на рецензию экспертам-ученым и специалистам университета в данной области. Статьи, принятые к публикации, но нуждающиеся в доработке, направляются для внесения необходимых исправлений. После доработки статьи повторно рецензируются, после чего редакционная коллегия принимает решение о возможности публикации.
Не рецензируются научные доклады, заслушанные на съездах, конгрессах, конференциях; информационные сообщения и объявления.